

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 8

Донецк – 2019

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 8

Донецк – 2019

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Ответственный секретарь – к. филол. наук, доц. **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Федоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»), д-р филол. наук, проф. **А. Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **С. А. Кочетова** (ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»); д-р филол. наук, проф. **А. В. Петров** (ФГАОУ ВО «Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского», Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Петрова** (ФГАОУ ВО Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **И. А. Герасименко** (Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Candidate of Philology, Associate Prof. **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V. M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **A. L. Factorovitch** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation); Doctor of Philology, Prof. **S. A. Kochetova** (Horlivka Institute for Foreign Languages); Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L. A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **I. A. Gerasimenko** (Humanities and Pedagogics Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 8 от 27.09.2019 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019

Словообразование и грамматика

УДК 81-26

Т.А.Бондарчук

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ГЛАГОЛЬНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ Б.Л.ГОРБАТОВА «ДОНБАСС»

В статье предпринята попытка рассмотреть глагольную региональную лексику, выявить семантические изменения в смысловой структуре, отражающие индивидуально-авторские слова. Цель статьи – рассмотреть просторечные региональные глаголы, обозначающие межличностные и социальные отношения, определить круг глагольной лексики, выявить семантические изменения в смысловой структуре функционирующих глагольных словоформ в романе Б.Л.Горбатова «Донбасс».

Ключевые слова: просторечие, «второе просторечие», глагольная лексика, региональные глаголы, Б.Л.Горбатов «Донбасс»

Рубеж XX-XXI вв. в отечественной лингвистике отмечен интенсивным изучением просторечия. Особый интерес представляет русская литература 20-х годов XX в., отражающая переломный период в истории страны. Коренные преобразования общественного строя наложили свой «отпечаток» на отношения между людьми во всех сферах жизни – официальной, деловой, бытовой, что актуализировало необходимость осмысления этих процессов выдающимися художниками слова и не могло не отразиться в их произведениях. В.В. Виноградов считал, что просторечные слова можно рассматривать как «стилистическую категорию разговорно-бытовой, фамиллярной речи высших классов, не приспособленной к светскому этикету» [1, с. 380].

Нормативно-стилистические аспекты просторечия акцентируются в определении Ф.П. Филина: «Под просторечием обычно понимаются языковые средства (слова, грамматические формы и обороты, особенности произношения), употребляемые преимущественно в устной речи для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли...». Он же одним из первых указал на неомогенность понятия просторечия: «Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает» [6, с. 7]. «Второе просторечие» (в терминологии Ф.П. Филина представляется в качестве определенного стилистического пласта литературного языка, причем в качестве такового просторечие может использоваться лишь в стиле художественной литературы и отчасти в публицистическом и разговорном стилях. [6, с.7]. Именно в стиле художественной литературы просторечие маркируется стилистически, репрезентируя речь простолюдина. Стилистическая маркированность просторечия усиливается в речи носителей литературного языка, являясь явно нарочитой и используемой в целях акцентирования внимания читателя.

Важным и необходимым представляется исследование региональных глаголов на материале художественной литературы, так как это позволяет, с одной стороны, «выяснить состояние данного языка в данную эпоху, в данной социальной среде и в пределах данной территории», [3,с.36], увидеть особенности авторского стиля, индивидуальное речевое употребление языковых единиц. В данной статье рассматриваются некоторые особенности семантики просторечных региональных глаголов в романе Б.Л.Горбатова «Донбасс».

Высказывается мнение о том, что глагол – самая сложная и сама емкая грамматическая категория русского языка. «Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [2, с.36] В целом ряде случаев энергия словообразования строится целиком на внешней грамматической форме процессуального слова при минимальной поддержке семантики корня [3, с. 227].

Объектом рассмотрения в данной статье является глагольная лексика, представленная глаголами движения и перемещения в пространстве, глаголами внешнего и внутреннего состояний человека, глаголами речи и глаголами, обозначающие непосредственно процесс и физическое воздействие, глаголами, обозначающие добычу угля и сопутствующие ей виды работ.

Глаголы движения и перемещения в пространстве. Остановимся на просторечных глаголах с общим значением ‘двигаться с места’. Наиболее частотными являются глаголы например, *метнуться, высунуться, рыпаться, продираться, стронуться* в значении ‘**двигаться вперед**’. «Помнишь, Андрей? — **метнулся** он к товарищу и тотчас же опять, жадно, к шахтеру из Горловки»; [4,с.362]; «Что он просто из зависти к Забаре **высунулся** сюда» [4,с.348]; «Стой, Кондрат, не **рыпайся**» [4,с.324]; «Стараясь не шуметь, **продирается** запоздавший на наряд Нечаенко и издала улыбается ему» [4,с.266]; «Было такое ощущение, будто все вокруг разом **стронулось, сдвинулось с места, вырвалось из привычного обихода**». [4,с.318].

Синонимичные глаголы *скрючить, ссутулить, корежить* реализуют сему ‘деформация тела’, которая видна из следующего контекста: «И ей вдруг вспомнился Виктор, как он лежал, бедняга, **скрючившись**, с детской, страдальческой улыбкой на устах» [4,с.252]; «Он сидел, **ссутулившись** и глубоко втянув голову в плечи» [4,с.314]; «То вдруг, на полном ходу, забурился вагончик, сходил с рельсов, **корежа** партию» [4,с.368]. Из данных примеров видно, что на фоне семы ‘деформация движения’ актуализируется сема ‘двигаться вперед, способность производить действия’.

Глаголы внешнего и внутреннего состояний. Например, лексема хлопотать заменяется на *колотиться, упасть духом – скиснуть, сердиться* заменяется на *сбычиться, серчать, окрыситься*. «Иной всю неделю **колотится-колотится**, изо всех сил старается, на-гора не едет, в шахте спит, только б побольше заработать!» [4,с.333]; «А на деле — *пиик!* Пиикнул — и **скис**» [4,с.122]; «Угрожающе сдвинул брови и **сбычился**». [4,с.428]; «Ты не **серчай** на Виктора, — тихо попросил Андрей» [4,с.250]; «Ну и что же? — тут же **окрысился** он на себя» [4,с.338].

Глаголы речи. Глаголы данной группы представлены следующими лексемами: *распекать и урезонивать* в значении ‘**воспитывать**’, *рвякнуть и нашуметь* ‘**громко говорить**’, *каркать и огрызаться* ‘**грубить**’, *верещать, гекать, гикнуть, крякать, прогундосил, кряхтеть, горланить, потюкивать* в значении ‘**издавать звуки**’. «Когда Светличный стал **распекать** его за это, он кротко все выслушал и вздохнул» [4,с.102]; «Словно жалея молодого, горячего парня и сокрушаясь, что приходится его **урезонивать**» [4,с.266]; «Целый год учили, — свирепо **рвякнул** он, — не выучили!» [4, с.142]; «Ему вспомнилась **нашумевшая** когда-то на шахте история Чайки-Сатаны»

[4,с.370]; «Ты зачем, старик, **каркаешь**, людей смущаешь?» [4,с.42]; « Они только **огрызались** да кусались, и иногда — больно» [4,с.96].

Показано, что все компоненты ряда реализуют совокупность сем со значением '**издавать шум**', '**громко выразить недовольство**' «Жить надо, кума, а не **верещать зря**» [4,с.230]; «Он рубал что было мочи; **гекая**, со всей силой ударял обушком по углю» [4,с.74]; «И захотелось железной рукой обуздать непокорного строптивца да вскочить на него и, дико **гикнув**, понестись, как ветер» [4,с.184]; «А-а! — **прогундосил** он. — Это бывает. — Он опять зевнул» [4,с.62]; «Потом потянулся всем телом, **крякнул** и лег на спину» [4,с.62]; «Легкий и пустенький, он сидел среди шумной компании и **горланил**: "Шу-м-е-ел камыш, де-ре-е-вья гну-у-лись..."[4,с.246] «Тихо **потюкивал** топорик — это Андрей подбивал обапопы под нависший корж» [4,с.202]; «В его работе не было ни артистичности, ни красоты; он **кряхтел**, то и дело **поплевывал** на руки» [4,с.62].

Глаголы, обозначающие процесс и физическое воздействие. Синонимический ряд с доминантой 'работать' представлен синонимами *ишачить, махаться, сполнять, справляться, канителиться, законтрактоваться*. Все синонимы данного ряда реализуют сему 'заниматься чем-либо, применяя свой труд', и в то же время некоторые элементы значения в структуре данных синонимов актуализируются только в определенной речевой ситуации, например *зачинать, приступиться, приспеть* в значении '**начинать работу**'. «Благословляю тебя, раб божий, в шахте **ишачить**, на хозяина горб гнуть! Аминь!» [4, с.122]; «А то что вслепую **махаешься**! С умом обушком-то бей, с понятием — уголь сам-от и посыплется» [4, с.74]; «Я ударник, я свое **сполняю**» [4, с.188]; «Не умели даже инструмента в руках держать, не **справлялись** с нормой, подводили всю лаву и боялись Светличного» [4, с.284]; «Верно! — поддержал и Светличный — **канителимся** долго» [4, с.70]; «Мы с тобой **законтрактуемся** за шахтой до конца пятилетки» [4, с.152].

Глаголы, обозначающие непосредственно добычу угля и сопутствующие ей виды работ. Группа глаголов профессиональной шахтерской лексики более эмоционально характеризует манеру добычи угля. Силу энергетических затрат в процессе добычи угля красочно описывает группа синонимичных глаголов с семантикой 'углубится во что-либо'. Иначе говоря, *вгрызаться, врубаться, забуриться, законуливаться* – проникать, вонзаться, углубляться во что-либо в процессе рубки. Вот примеры: «**Вгрызался** пикой в струю, резким поворотом молотка отваливал глыбы от пласта» [4, с.300]; «С тоской думал он, что завтра, послезавтра снова придется лезть в шахту, **законуливаться**, долбить уголь, толкаться боками о породу, головою о кровлю, как птица в клетке» [4]; «Виктор, нервно **врубаясь** в уголь, думал о своем» [4,с.302]; «То вдруг, на полном ходу, **забуривался** вагончик, сходил с рельсов» [4].

На наш взгляд, в немногочисленных глаголах профессиональной шахтерской лексики автору романа удалось отобразить силу природы и ее явлений и недюжинную энергию характера особых людей, шахтеров, способных ее покорить. «...По моему глубокому убеждению, вся разительность прозы – в глаголе, ибо глагол – это действенность характера» (Ю. В. Бондарев).

Исследование глагольной лексики позволило сделать вывод о том, что, во-первых, в синонимические отношения активно вступают просторечные региональные слова; во-вторых, в составе синонимических рядов компоненты могут выражать различную степень проявления того или иного признака и, наконец, могут просто отличаться наличием-отсутствием оценочного момента. По этому поводу, по свидетельству Б. Галина и К. Симонова, Б. Л.Горбатов говорил: «Если мы не на словах,

а на деле вместе с Горьким считаем, что основным героем наших книг должен стать труд, то отсюда моя, например, писательская задача – знать горный труд и людей, творящих этот труд. Знать не вообще, не приблизительно, а с наибольшей точностью; только зная это точно и глубоко, наилучшим образом постигнешь самый дух, поэзию труда» [5, с.85].

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Виноградов В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов – М., 1935. – 380 с.
- 2.Виноградов В.В. Русский язык: (Граммат. учение о слове). – 1947. – Электронный ресурс - <http://books.e-heritage.ru/book/10077363>.
- 3.Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Г.О. Винокур. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т.Г. Винокур. –М.: Высш. шк., – 1991.
- 4.Горбатов Б. Л. Донбасс: роман. – Донецк, Донбасс, 1981. – 400 с.
5. Журнал «Новый мир», 1954 г. –№ 12. – С. 85 –116.
- 6.Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. – № 2. – С. 7.

T.A.Bondarchuk

REGIONAL VERBAL LEXIS IN DONBASS NOVEL by B. L. GORBATOV

The article attempts to study the regional verbal vocabulary and to identify semantic changes in the notional structure reflecting the individual author's words. The aims of the article are to study colloquial regional verbs denoting interpersonal and social relations, to determine the range of verbal lexis, to identify semantic changes in the notional structure of functional verbal word forms in the Donbass novel by B. L. Gorbatov.

Key words: *colloquial speech, "second colloquial speech", verbal lexis, regional verbs, Donbass by B. L. Gorbatov.*

УДК 81.42

Д.А. Брацун

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

ДЕШИФРОВАЛЬНЫЙ СТИМУЛ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА: НА ПРИМЕРЕ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО КЛАССА АББРЕВИАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ

Статья посвящена описанию формальных моделей эквивалентности аббревиатур ономасиологического класса со значением пространственных (линейных) объектов. Автором уточнено понятие «ономасиологический класс», определены границы ономасиологического класса «пространственный объект» и его ономасиологические подклассы, определены формальные модели эквивалентности аббревиатур ономасиологического класса «пространственный объект», подкласса «линейный объект».

Ключевые слова: *ономасиологический класс, пространственный объект, сложносокращенное слово, номинатема, дешифровальный стимул.*

В последнее время ученые все чаще стали обращаться к исследованию больших тематических объединений номинативных единиц (Г.А. Мартинович, Г.Я. Мартыненко, Е.С. Кубрякова, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.). Это не случайно, поскольку дескрипция семантически взаимосвязанных сущностей позволяет наиболее атомарно (а значит – подробно) осуществить описание языковой картины мира того или иного языкового коллектива, в нашем случае – русского. Само понятие «языковая картина мира» стало весьма распространенным в лингвистике последнего времени. Но «до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие» [5].

В нашей работе речь идет непосредственно о русской языковой картине мира. Р. Ладо писал, что «существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках, и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [10, с. 34-35].

Языковая картина мира как номинативная сущность должна быть описана в направлении от минимальной номинативной единицы к тексту.

Цель исследования состоит в описании формальных моделей эквивалентности аббревиатур ономасиологического класса со значением пространственных (линейных) объектов. Для достижения указанной цели требуется решить ряд задач:

- 1) уточнить понятие «ономасиологический класс»;
- 2) установить границы ономасиологического класса «пространственный объект» и его ономасиологические подклассы;
- 3) определить формальные модели эквивалентности аббревиатур ономасиологического класса «пространственный объект», подкласса «линейный объект».

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема описания ономасиологического класса, объединяющего единицы, которые обозначают однотипные референты, не получила еще достаточного освещения в научной литературе. Одним из факторов актуальности работы является также необходимость создания методик формирования словарных статей «Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка». Определение особенностей формирования ономасиологических классов может быть использовано как основа для создания приёмов прогнозирования эквивалентностных отношений в гнездах эквивалентности сложных слов.

Объект исследования – сложносокращенные слова со значением пространственных (линейных) объектов. **Предмет исследования** – номинативный статус и механизмы формирования ономасиологической структуры и формальной организации сложносокращенных слов, входящих в данный ономасиологический класс.

Под сложносокращенным словом мы понимаем «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [14] (например: *авиамаршрут, автотрасса, велозона, корпункт* и т.д.).

В современном языкознании сложносокращенные слова (далее – ССС) являются предметом исследования многих ученых, которые преимущественно описывают структурные типы сложных слов и способы их образования, а также их словообразовательный потенциал и взаимосвязь с исходной, производящей базой. По мнению Е.С. Кубряковой, в компетенцию словообразования входит его участие в формировании языковой картины мира, в актах категоризации, в процессах когнитивной обработки поступающей к человеку информации [9, с. 393-394]. Сущность ономаσιологического подхода к анализу сложных наименований состоит в том, чтобы рассмотреть семантику производного в терминах ономаσιологических, понятийных категорий, т.е. изучить способы «отражения в структуре производного общекатегориальных значений, значений кардинальных (основных) частей речи и их разновидностей», а также «подход от значений частей речи и главных номинативных функций этих последних в составе высказывания» [9, с. 81]. В нашем исследовании мы следуем концепции В.И. Теркулова и полагаем, что понятие *номинатема* является базовым для определения ономаσιологической природы любой языковой единицы. Номинатема трактуется как основная номинативная единица языка, объединяющая глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности. Глоссами языковой номинативной единицы мы называем слово, словосочетание или сочетание служебного и знаменательного слов [13, с. 149].

Проблемы формирования внутренней, семантической структуры ССС, связанные с необходимостью определения границ ономаσιологических классов (далее – ОК), нашли свое отражение в работах ученого и его последователей.

Н.А. Дьячок замечает, что «ономаσιологический класс объединяет единицы, которые не только обозначают однотипные реалии, но и делают это структурно однотипно. Другими словами, ономаσιологический класс – это объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий» [8, с. 383].

В нашей работе ОК – это такая совокупность номинатем, в которой единый тип представленности знаний (характеристика признака) реализован в одном соответствующем грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом. Основным параметром при их определении является принадлежность исследуемых единиц к одной части речи. Затем в пределах части речи выделяются лексико-семантические группы, которые, в свою очередь, можно разделить на лексико-семантические подгруппы.

В.И. Теркулов разработал типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса. В концепции ученого композиты распределяются на универбализационные, являющиеся словесной интерпретацией коллокативных номинатем, деривационные, являющиеся базовыми реализациями самостоятельных словесных номинатем и квазикомпозиты, т.е. сложные слова, возникшие не на основе словосочетаний, а в результате искусственного сочленения частей некоторых слов. Нами рассматривается одна из разновидностей композитов – ССС. Следует отметить, что при исследовании ономаσιологического класса мы используем синхронный подход к аббревиации, целью которого является установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры, под которым понимается «совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [14].

По мнению В.И. Теркулова, структура ОК универбализационных композитов является трехчленной. К верхнему ярусу ученый относит общекатегориальное грамматическое значение. Второй ярус предполагает существование номинатемы в

пределах определенной лексико-семантической группы (ЛСГ), которая в свою очередь является лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ). Третий ярус предполагает распределение номинатов по ономаσιологическим моделям [13, с. 294].

Классификации композитных ОК уже известны науке. Например, Е.А. Смирнова и Н.В. Макарова предложили классификации ЛСГ коллоквиальных композитов [11], Е.Г. Васильева – посессивных бахуврихи – обозначений лица [3-4], О.В. Деменчук – колоративных композитов [7], Ситянина Н.В. – композитных наименований объектов и явлений природы [12] и т.д. Однако в указанных работах нет единства в понимании возможной модели описания. В них осуществляется классифицирование по тому принципу, который вытекает из цели исследователя. Например, для некоторых лингвистов важным является классификация компонентов класса по тому, как в них выражаются семы «единичного» и «особенного», в каких социально-коммуникативных разновидностях языка они реализуются и т.д.

Для нашей работы важны собственные базовые ономаσιологические характеристики компонентов класса. Мы предлагаем использовать для формирования классификации компонентов последнего представление об ономаσιологических структурах, предложенное в работах М. Докулила, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, В.И. Теркулова, О.В. Блюминой и др.

Объекты реального мира подразделяются на пространственные, временные и тематические. В нашей работе рассматриваются только пространственные объекты, которые определяют положение объекта в заданной системе координат. Такой тип данных называют позиционным. Пространственный объект – цифровая модель (цифровое представление) объекта, содержащее его местоуказание и набор свойств, характеристик, атрибутов или сам этот объект. Выделяют три основных типа пространственных объектов, которые мы определяем как ономаσιологические подклассы класса «пространственные объекты»:

Точечные объекты – это такие «объекты, каждый из которых расположен только в одной точке пространства. Пример: деревья, дома, перекрестки дорог. О таких объектах говорят, что они дискретные, в том смысле, что каждый из них может занимать в любой момент времени только определенную точку пространства. В целях моделирования считают, что у таких объектов нет пространственной протяженности, длины или ширины, но каждый из них может быть обозначен координатами своего местоположения» [6]. Ономаσιологическим базисом в данном подклассе являются слова со значением точечного пространственного объекта, такие, как дом, здание и т.п. (например: *админздание, морпорт* и т.п.).

Площадные объекты – объекты, «рассматриваемые с достаточно близкого расстояния, чтобы иметь и длину и ширину» [6]. Ономаσιологическим базисом в данном подклассе являются слова со значением площадного пространственного объекта, такие, как дом, здание и т.п. (например: *техноустановка, абонпункт* и т.п.).

Линейные объекты представляются как «одномерные в нашем координатном пространстве» [6]. Такими «одномерными» объектами могут быть дороги, реки, границы, изгороди, любые другие объекты, у которых один из геометрических параметров существенно больше другого (например: *велодорожка, автошоссе* и т.п.).

Мы рассматриваем ССС, формирующие ОК композитов со значением пространственных (линейных) объектов. Признаки, определяющие ОК:

- структурное тождество объединяемых единиц (в нашем случае все слова являются ССС);

- общекатегориальное грамматическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все ССС относятся к существительным);

- ономасиологическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все композиты-существительные имеют значение пространственного объекта).

По картотеке первых двух томов «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» нами обнаружено 84 ССС, образующих ОК со значением «пространственный объект» (подкласс «линейный объект» – 24).

Для подкласса «линейные объекты» нами обнаружены следующие ономасиологические базисы: *аллея*: велоаллея – 1 пример, 4,17% от общего числа ССС (далее: 1; 4,17%); *бульвар*: велобульвар (1; 4,17%); *дорожка*: велодорожка (1; 4,17%); *зимник*: автозимник (1; 4,17%); *зона*: велозона (1; 4,17%); *линия*: авиалиния (1; 4,17%); *полоса*: велополоса (1; 4,17%); *проезд*: автопроезд (1; 4,17%); *тракт*: автотракт (1; 4,17%); *дорога*: автодорога, велодорога (2; 8,33%); *коридор*: автокоридор, гумкоридор (2; 8,33%); *магистраль*: авиамагистраль, автомагистраль (2; 8,33%); *маршрут*: авиамаршрут, альпмаршрут (2; 8,33%); *путь*: авиапуть, автопуть (2; 8,33%); *шоссе*: автошоссе, велошоссе (2; 8,33%); *трасса*: авиатрасса, автотрасса, велотрасса (3; 12,5%).

В предложенной В.И. Теркуловым концепции описание различных типов сложных слов закономерно включает:

- 1) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в ССС;
- 2) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);
- 3) описание модели образованного ССС.

При синхронном подходе, определяющем не процесс образования ССС, а отношения эквивалентности «ССС – словосочетание», нами сохраняются следующие пункты предложенной модели:

- 1) описание модели эквивалентной единицы (конструкции);
- 2) описание модели ССС в соответствии с соотношением ее конструкторов с конструкторами эквивалентной единицы.

Модель эквивалентной единицы (конструкции) учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам ССС. В ней указывается на: количество компонентов продуцирующей единицы (конструкции), на тип связи между ними, порядок их следования, грамматические характеристики.

В рассматриваемом нами ономасиологическом подклассе линейных объектов по количеству компонентов эквивалентные единицы (конструкции) подразделяются на:

- двухкомпонентные (44 примера; 52,38%), например: *велосипедная трасса – велотрасса, путь авиации – аиапуть* и т.д.;
- трехкомпонентные (со служебными словами) (37 примеров; 44,05%), например: *дорога для автомобилей – автодорога, путь на автомобиле – автопуть* и т.д.;
- четырехкомпонентные (из знаменательных и служебных слов) (3 примера; 3,57%), например: *проезд для автомобильного транспорта – автопроезд* и т.п.

Дешифровальный стимул. Дешифровальный стимул (далее – ДС) определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта» [14, с. 19], т.е. как слово или сочетание слов, являющееся эквивалентом абброконструкта и используемое для его замены в эквивалентном словосочетании. Обычно абброконструкт имеет несколько ДС. Например, для абброконструкта *вело* нами отмечаются ДС *велосипедный, велосипедов, велосипеда, для велосипеда, на велосипед, велоспорта, для велоспорта, велосипедного спорта, к велосипеду, по изготовлению велосипедов, по продаже велосипедов* и т.д. Множественность ДС у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры. Конечно

же, для отдельно взятого ССС используются не все ДС входящего в её состав абброконструкта, а только те, которые «прогнозируются» её значением [1].

Синхронное описание ДС, аббревиатур и эквивалентных словосочетаний включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

Модель структуры ДС. На первом этапе устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании [1]. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, т.е., собственно, ДС абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

В словах, относящихся к линейным объектам, обнаружено 7 типов ДС. Мы различаем следующие базовые типы ДС (всего обнаружено 84 эквивалента для линейных объектов):

1. х – существительное (у-х: *шоссе велосипедистов* – *велошоссе*), (13; 15,48%);
2. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *авиационная трасса* – *авиатрасса*), (24; 28,57%);
3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ): *маршрут авианперевозок* – *авиамаршрут*), (1; 1,19%);
4. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *автодорожный путь* – *автопуть*), (6; 7,14%);
5. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *магистраль для автомобилей* – *автомагистраль*), (31; 36,9%);
6. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а: *шоссе для автотранспорта* – *автошоссе*), (6; 7,14%);
7. (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: (у-(предл)х(адъект)-z: *проезд для автотранспортных средств* – *автопроезд*), (3; 3,57%).

Второй этап представляет собой установление модели формальной разновидности эквивалентности для всех эквивалентных пар в пределах гнезда эквивалентности, которая изображает степень совпадения элементов словосочетания и конструктов аббревиатуры и соединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общие операторы для этих блоков – грамматические операторы, которые показывают частеречную принадлежность элементов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для определения сложных слов, входящих в словосочетание, применяется оператор «кп». В блоке аббревиатуры прибавляются операторы, которые устанавливают качество абброквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн¹ – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З¹ – первый звук основы, Б¹ – первая буква основы), а также оператор «инт», применяющийся тогда, когда в аббревиатуре используется интерфикс. В вариантах, когда при создании аббревиатуры «игнорируются» какие-либо элементы сочетаний слов, они приводятся в скобках после знака «-».

Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему дешифровальной матрицы.

Для подкласса «линейные объекты» обнаружено 20 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Модели, реализующие схему Прил1ед+Сущ1ед: *авиационная линия* (23; 27,38%);
2. Прил1ед(кп)+Сущ1ед: *автотранспортный коридор* (6; 7,14%);
3. Прил1ед+СущНескл: *автомобильное шоссе* (1; 1,19%);
4. Сущ1ед+Сущ2ед: *путь авиации* (5; 5,95%);
5. Сущ1ед+Сущ2мн: *путь автомобилистов* (8; 9,52%);
6. Сущ1ед+Сущ2мн(кп): *маршрут авиаперевозок* (1; 1,19%);
7. Сущ1ед+предл+Сущ2ед: *маршрут для альпинизма* (7; 8,33%);
8. Сущ1ед+предл+Сущ2ед(кп): *проезд для автотранспорта* (1; 1,19%);
9. Сущ1ед+предл+Сущ2мн: *дорога для автомобилей* (17; 20,24%);
10. Сущ1ед+предл+Сущ2мн(кп): *проезд для автомашин* (1; 1,19%);
11. Сущ1ед+предл+СущНескл: *дорога для авто* (4; 4,76%);
12. Сущ1ед+предл+Сущбед: *путь на автомобиле* (1; 1,19%);
13. Сущ1ед+предл+Сущбед(кп): *путь на автотранспорте* (2; 2,38%);
14. Сущ1ед+предл+Сущбмн: *путь на автомобилях* (1; 1,19%);
15. Сущ1ед+предл+Сущбмн(кп): *путь на автомашинах* (1; 1,19%);
16. Сущ1ед+предл+Прил2ед+Сущ2ед: *проезд для автомобильного транспорта* (1; 1,19%);
17. Сущ1ед+предл+Прил2мн(кп)+Сущ2мн: *проезд для автотранспортных средств* (1; 1,19%);
18. Сущ1ед+предл+Прилбед+Сущбед: *путь на автомобильном транспорте* (1; 1,19%);
19. СущНескл+предл+Сущ2мн: *шоссе для автомобилей* (1; 1,19%);
20. СущНескл+предл+Сущ2ед(кп): *шоссе для автотранспорта* (1; 1,19%).

Заключение. Были рассмотрены ССС, формирующие ОК композитов со значением пространственных объектов, т.е. определяющих положение объекта в заданной системе координат. В первых 2-х томах «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» мы выявили 84 ССС, относящихся к ОК со значением пространственных объектов; к ономаσιологическому базису «линейный объект» – 24. Нами обнаружено 7 типов ДС в данном ономаσιологическом подклассе, самый распространённый из которых у-(предл)х, реализующийся в 31 эквиваленте ССС, что составляет 36,9% от общего количества рассматриваемых ССС. В рассмотренных ССС выявлено 20 моделей формальной разновидности эквивалентности. Наиболее частотная из них – модель, реализующая схему Прил1ед+Сущ1ед – 23 единицы, что составляет 27,38% от общего количества рассматриваемых слов. В последующих исследованиях мы предполагаем представить набор ономаσιологических моделей, формирующих гнёзда эквивалентности ОК «пространственные объекты».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова / А.И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве. – Макеевка, 2016. – С.51-57.
2. Блюмина О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Блюмина. – Горловка, 2010. – 341 с.

3. Васильєва О.Г. Концептуальна семантика субстантивних композитів-бахуврїхї (на матеріалі антропосемїчної лексики сучасної англїйської мови): автореф. дис. на здоб. наук. ступеня кандидата філол. наук / спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.Г. Васильєва. – К., 2006. – 20 с.
4. Васильєва О.Г. Функціонально-семантичні особливості посесивних найменувань особи (на прикладі субстантивних композитів-бахуврїхї) / О.Г. Васильєва // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. – № 17. – С. 104-107.
5. Воротников Ю.Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия / Ю. Л. Воротников // Новое в гуманитарных науках. – 2007. – № 2. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/>
6. Географические Информационные Системы. Основы: Пер. с англ. - М: Дата+, 1999. – 490с.
7. Деменчук О.В. Колоративна композита в англїйській мові: когнітивно-ономасіологічний аспект: автореф. ... канд. філол. наук / спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.В. Деменчук. – К., 2003. – 19 с.
8. Дьячок Н.В. Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономасиологическое описание / Н.В. Дьячок // Дисс. д-ра филол. наук: 10.02.02. – Киев, 2015. – 522 с.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
10. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур / Ладо Р. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV: контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 34–35.
11. Макарова Н.В. Коллоквиальные субстантивные композиты в современном немецком языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Макарова Наталья Владимировна. – М., 2004. – 281 с.
12. Ситянина Н.В. Структурно-семантическое исследование наименований объектов и явлений природы в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ситянина Наталья Викторовна. – Санкт-Петербург, 2003. – 146 с.
13. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте : дис. д-ра филол. наук: 10.02.02 / Теркулов В. И. – Горловка, 2008. – 472 с.
14. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – 2017. – №6. – С. 73-97.

D.A. Bratcun

DECRYPTION STIMULUS AS THE IMPLEMENTATION OF THE ONOMASIOLOGICAL SIGN COMPOUND ABBREVIATIONS: THE ONOMASIOLOGICAL CLASS OF ABBREVIATED NAMES OF LINEAR OBJECTS

Article is devoted to formal description of onomasiological class «dimensional object». Author has specified notion «onomasiological class», defined borders of onomasiological class «dimensional object» and it's onomasiological subclasses, defined formal models of equivalence of abbreviations of onomasiological class «dimensional object».

Key words: *onomasiological class, dimensional object, compound abbreviation, nominee, decryption stimulus.*

АББРЕВИАТУРНАЯ СИНОНИМИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматриваются два базовых типа лексической эквивалентности сложносокращённых слов: синонимическая и гиперо-гипонимическая. Автором выделяются и описываются характерные особенности регулярных моделей синонимических отношений гнезд эквивалентности аббревиатур, определяются понятия «лексический эквивалент» и «деривационный эквивалент». В ходе исследования было выявлено совпадение дешифровальных матриц синонимических сложносокращённых слов, что создает возможность прогнозирования гнезд эквивалентности лексических аббревиатурных эквивалентов для «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка».

Ключевые слова: лексический эквивалент, деривационный эквивалент, лексическая текстовая эквивалентность, текстово-синонимический эквивалент, текстово-гиперонимический эквивалент.

Статья посвящена описанию регулярных моделей формирования синонимических отношений сложносокращённых слов (далее – ССС). В основе определения моделей синонимических отношений лежит синхронный подход, потому что именно он настроен на выявление особенностей функционирования слов и их синтаксических эквивалентов в текстах: «При синхронном подходе мы считаем эквивалентными аббревиатуре те словосочетания, которые употребляются как её абсолютные синонимы (дублеты) в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [5, с. 87].

Выделяют два типа текстовой эквивалентности сложносокращённых слов: деривационную и лексическую. Деривационная текстовая эквивалентность «представляет собой возможность взаимозамены в тексте ССС и формально (деривационно) связанных с ним единиц, независимо от типа и направления деривационных отношений между ними» [3, с. 71], например *вибропресс – вибрационный пресс*: **Вибропресс** имеет достаточную мощность в 380 В, а мощность электроприводов — более трех киловатт. — Кроме того, приготовленную массу погружают в **вибрационный пресс** (<http://f-bit.ru/osobennost-vibropressa-rifej-udar/>).

При лексической текстовой эквивалентности (далее – ЛТЭ) деривационные связи между сложносокращённым словом и его эквивалентом отсутствуют, например *ветбольница – ветполиклиника*: *Такую услугу, как анализы для домашних питомцев предлагает практически каждая **ветбольница**, однако не секрет, что большинство из них лишь забирают биоматериал, а для исследования отдают в сторонние организации. — Наша **ветполиклиника** имеет собственную, оснащенную по последнему слову техники, лабораторию, где проводятся все востребованные виды анализов* (<http://www.vetdrug.ru/homyak/analizy-homyakov>).

В данной работе будут рассмотрены только разновидности лексической текстовой эквивалентности сложносокращённых аббревиатур, т. е. «единиц, связанных

мотивационными отношениями со словосочетаниями и содержащие в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным аббревиационным конструктом (абброконструктом)» (*ветбольница – ветеринарная больница, автопарк – автомобильный парк, гормузей – городской музей*) [5, с. 74].

Актуальность исследования обусловлена тем, что отношения синонимии аббревиатур не получили еще достаточного освещения в научной литературе. Определение особенностей синонимичных ССС может быть использовано для создания приемов прогнозирования отношений эквивалентности для гнёзд эквивалентности таких ССС.

Цель работы состоит в том, чтобы описать регулярные модели синонимических отношений ССС. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) определить понятие лексический текстовый эквивалент;
- 2) определить базовые типы ЛТЭ.

Для решения поставленных задач необходимо в первую очередь разграничить понятия «деривационный» и «лексический эквиваленты».

Для выделения лексических эквивалентов, так же, как и для деривационных, мы используем понятие эквивалентный текст, под которым понимается «текст, в котором аббревиатура и эквивалентное словосочетание выступают в качестве абсолютных синонимов» [4, с. 22]. В нашем случае это текст, в котором ССС и слово или словосочетание, не связанное с ним деривационными отношениями, употребляются как синонимы или гиперо-гипонимы. Например, *велопринадлежности – велоаксессуары: Такие велопринадлежности, как шлем, набор инструментов, перчатки, велокомпьютер, велосипедная фляга, замки, очки и прочая экипировка байка. – Особенно важны велоаксессуары для тех, кто ездит на длинные дистанции* (http://bikeactiv.ru/news/postuplenie_aksessuarov_tour_de_france).

Деривационный эквивалент – словосочетание, мотивационно связанное со сложносокращённым словом, которое может быть использовано для его замены в тексте. Отношения мотивационной связанности устанавливают семантическое тождество и деривационную связь между ССС и эквивалентом. Например, *винный завод (Расположенный в поселке Сенной **винный завод "Фанагория"** наравне с заводом "Кубань-Вино", который находится в Старотитаровской, является центром винного туризма на Таманском полуострове.)* является деривационным эквивалентом ССС *винзавод (Сенновский **винзавод**, прародитель современной "Фанагории", был открыт в 1957 году. (<http://guide.travel.ru/russia/krasnodarskykrai/sennoy/fanagoria.html>),* потому что семантически тождественен и формально связан с аббревиатурой.

Лексический эквивалент – слово или словосочетание, которые деривационно не связаны со ССС, но могут свободно взаимозаменяться с ним в тексте и выступать в качестве его абсолютного синонима, гипонима или гиперонима. Например, для слова *велогонка* в эквивалентных текстах отмечается синоним *велозабег*: *В Усть-Каменогорске несколько десятков сотрудников областной, транспортной, природоохранной и военной прокуратур устроили велозабег в честь Дня Конституции. – Прокурорская велогонка спасла жизнь подростку, разбившемуся в горах* (<https://tengrinews.kz/story/prokurorskaya-velogonka-spasla-podrostku-razbivshemusya-301407/>).

Мы выделяем два базовых типа лексической текстовой эквивалентности: синонимическую и гиперо-гипонимическую. «В качестве синонимов ... рассматриваются слова, которые в современном литературном языке употребляются для обозначения одного и того же понятия (следовательно, получившие в толковых

словарях совпадающие или очень близкие толкования)» [1, с. 10]. От синонимов «нужно отличать слова, участвующие в организации тематических групп, определяющие их подчиненное строение: гиперонимы и гипонимы. Соподчинённые по значениям слова связаны как родовое (гипероним) и видовое (гипоним)» [2, с. 170]. В нашем случае эти определения применяются к аббревиатурам. Например, в отношении синонимии вступают ССС *алкобаза* ('организация, занимающаяся снабжением алкогольной продукцией; склад для хранения алкопродукции') – *алкосклад* ('то же, что *алкобаза*'), а в гиперо-гипонимические – *военвуз* ('учреждение, занимающееся военно-профессиональной подготовкой кадров для вооружённых сил') – *военкафедра* ('структурное подразделение в гражданском вузе, объединяющее специалистов, которые ведут преподавательскую и научную работу в области военной подготовки').

Текстово-синонимические эквиваленты (ТСЭ) подразделяются на следующие подвиды:

ТСЭ¹ – внутриниматемные синонимы, т. е. такие синонимы, которые сосуществуют с аббревиационной парой в пределах одной номинатемы и имеют тождественное главное слово. Например, для аббревиационной пары *авиаклуб* – *авиационный клуб* ('общественная организация, объединяющая людей для совместных занятий в области авиаспорта, авиамоделирования и т.д.') ТСЭ¹ являются словосочетания *спортивный клуб* ('общественная или частная организация, объединяющая спортсменов и любителей спорта'), *авиационно-спортивный клуб* ('организация, осуществляющая деятельность в сфере авиаспорта'), которые так же, как и *авиаклуб* – *авиационный клуб* выступают в качестве глосс номинатемы *клуб*. *Кемеровская транспортная прокуратура обратилась в Кемеровский районный суд с заявлением о запрете нецелевого использования участка земли **авиаклубом** "Кузбасс". – Спортивный клуб организовал посадочную полосу на землях сельскохозяйственного назначения* (<https://gazeta.a42.ru/lenta/show/aviaklub-kuzbass-sadil-samoletyi-na-selhoz-zemli.html>); *Волгодонской **авиационно-спортивный клуб** образован на базе Новочеркасского АСК. – Первым руководителем **авиаклуба** был А.Н. Матвеев* (<http://old.donland.ru/?pageid=75519>). Синонимия отмечается и на уровне ТДЭ данных единиц, например, *авиаклуб* имеет в качестве эквивалента *авиаспортклуб*, а значит и словосочетания *авиаспортивный клуб*, *авиационно-спортивный клуб*, *авиационный спортивный клуб*. Именно тогда Александр Чернышев возглавил **авиаклуб**. – Ему дали задание восстановить **спортклуб** (<https://news.rambler.ru/community/35800622-na-permskom-aerodrome-frolovo-so-skandalom-pomenyali-rukovodstvo/>); *80-е годы стали для **авиаклуба** эпохой великих спортивных достижений. – В XXI веке Барнаульский **авиаспортклуб** шагнул навстречу популярным экстремальным развлечениям* (<https://www.katun24.ru/news/6222>).

ТСЭ² – включенные синонимы, то есть такие синонимы, в которых ТСЭ² включает в свой состав ССС или его ДТЭ как зависимый компонент. Например, *авиаобработка* ('метод обработки полей химическими и биологическими средствами с помощью авиатехники') – *авиахимобработка* ('то же, что *авиаобработка*'); *Ведь угадать, на какое расстояние произойдет снос препаратов при **авиаобработке**, невозможно, а с наземными опрыскивателями таких проблем не возникает, да и стоимость работ «раза в два ниже», утверждают в компании. – Компания «Пенза-Авиа» (Пенза) занимается **авиахимобработкой** полей уже более десяти лет* (<https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/14782-zashchita-s-vozdukha/>).

Синтаксические эквиваленты синонимов ССС также вступают в отношения синонимии с данными ССС. Например, слову *авиаобработка* в эквивалентном тексте соответствует эквивалент слова *авиахимобработка* – *авиационно-химическая*

обработка, авиационная химическая обработка. **Авиаобработка** посевов по всей Украине. – **Авиационно-химическая обработка** включает в себя внесение селитры и других минеральных удобрений, авиаопрыскивание по защите рапса, ячменя, пшеницы, кукурузы, сахарной свеклы и подсолнечника средствами защиты растений с использованием самолетов Ан-2 (<http://nlist.ru/c2785-uslugi-aviacii-po-obrabotke-poley-50056.html>). – Была произведена **авиационная химическая обработка** участка поля, который расположен в менее двух километрах от населенного пункта (<https://news.myseldon.com/ru/news/index/209906067>). CCC авиаобработка – авиахимобработка, а также их эквиваленты в эквивалентном тексте выступают в качестве абсолютных синонимов.

ТСЭ³ – атрибутивные синонимы – единицы, имеющие тождественную зависимую часть. Например, для *газопоставки/газовые поставки* (‘передача природного газа и продуктов газопереработки от продавца покупателю’) синонимом является пара *газообеспечение/газовое обеспечение* (‘то же, что газопоставки’), у которой отмечается тождественный зависимый компонент *газовый*. Ранее отмечалось, что *газопоставки* будут прекращены с 10 июля по 10 августа. – Впрочем, все это время *газообеспечение* проводилось без ограничений и перебоев благодаря как запасам газохранилища, так и договоренности с иранской стороной об увеличении поставок “голубого топлива” из ИРИ (<http://nv.am/podacha-gaza-v-armeniyu-vosstanovlena/>). Как видим, в эквивалентном тексте CCC газопоставки (газовые поставки) и газообеспечение (газовое обеспечение) выступают как абсолютные синонимы.

ТСЭ⁴ – собственно аббревиационные синонимы – синонимический ряд, состоящий из сложносокращенных слов, не имеющих общей зависимой части, например, *автозаправка – бензоколонка*: **Бензоколонка** вместит 3 тысячи литров дизеля и 2 тысячи литров бензина, что обеспечит потребность жителей острова в топливе примерно на полгода. – Таким образом, заправлять **автозаправку** горючим придется лишь раз в год (https://ee.sputniknews.ru/estonian_news/20160718/2731834.html). Слову *автозаправка* (автомобильная заправка) в эквивалентном тексте часто соответствует эквивалент слова *бензоколонка* (бензиновая колонка). У CCC бензоколонка отмечаются два лексических значения: 1. ‘Насосная установка для отпуска бензина и другого жидкого топлива для автомобилей на бензозаправочной станции’. 2. ‘Бензозаправочная станция’(разг.). В первом случае *бензоколонка* будет выступать как гипоним для CCC *автозаправка* (‘предприятие, осуществляющее заправку автомобилей различными видами топлива’(разг.), а во втором – как абсолютный синоним.

ТСЭ⁵ – формально не связанные синонимы или собственно синонимы – единицы, одна из которых не является аббревиатурой и формально не связана с другой. Например, *газоанализатор* (‘прибор для измерения количественного и качественного состава смеси газов’) – *детектор* (‘устройство для обнаружения чего-либо’): **Газоанализатор** и **газосигнализатор** – это приборы, измеряющие содержание (концентрацию) одного или нескольких компонентов в газовых смесях. – **Детектор** газа – незаменимый прибор на производстве, где велика вероятность возникновения опасных для здоровья и жизни человека концентраций газовых смесей (http://www.analitpribor-smolensk.ru/dop_menu/gazoanalizator-gazosignalizator/). CCC *газоанализатор* (газовый анализатор) в эквивалентных текстах соответствует эквивалент *детектор*, который является его абсолютным текстовым синонимом.

Текстово-гиперонимические эквиваленты (ТГЭ) подразделяются на следующие подгруппы:

ТГЭ¹ – атрибутивные гиперонимы – слова, имеющие совпадения в зависимой части словосочетания. Например, для аббревиатуры *вибропояс* (разновидность *вибромассажера*) к ТГЭ¹ относится *вибромассажёр* (‘ручной прибор для проведения вибромассажа’). *Можно приобрести компактную модель размером с ладонь, а также вибропояс на липучках, большие стоячие массажеры с лентами, которыми нужно опоясывать проблемные зоны.* – **Вибромассажер** считается многофункциональным домашним тренажером, которым можно массировать все проблемные участки тела (https://www.segodnya.ua/lifestyle/food_wellness/Uchenye-nazvali-pribory-kotorye-pomogayut-pri-pohudenii--444145.html). **Вибрационный пояс:** создает вибрацию при помощи слабых разрядов тока, работает от батареек, способствует разрушению жирового слоя, активной работе мышц без собственных физических усилий. – **Вибрационный массажер:** крепится на любую зону и оказывает вибрационное воздействие для похудения (<https://24shop.by/catalog/pokhudenie-bez-diet/>).

ТГЭ² – собственно гиперонимы: единицы, никак формально не связанные, например, для аббревиационной пары *ветронасос* – *ветряной насос* (разновидность *генератора*) к данному типу относится *генератор* (‘прибор, вырабатывающий электрическую энергию’). **Ветронасос** с глубиной подъёма 10 метров оснащён мембранным насосом, 20 и 40 метров - поршневым погружным насосом. – Для установки **генератора** с одной стороны стойки приварена рама из уголков, с другой 2 угольника, забитых в землю (http://iee.org.ua/ua/prog_info/12562/). **Ветряной насос** «Ромашка» производства СССР. – Для **генераторов** требуются более высокие башины и более массивные фундаменты (<https://10i5.ru/raznoe/ves-v-rossii.html>).

ТГЭ³ – собственно аббревиационные гиперонимы: гиперонимический ряд, состоящий из аббревиатур: *фотоплан* (*фотографический план*) к данному типу относится *аэроснимок* (‘снимок, сделанный с помощью летательного аппарата’): *Точность смонтированного фотоплана должна быть проверена по точкам, порезам и сводкам со смежными фотопланами.* – Обратный порядок работ может потребоваться для районов, недостаточно изученных в топографическом отношении, и районов со значительным количеством объектов, не распознающихся на **аэроснимках** (<http://www.refine.com/referatshow-2544-6.html>). Данные эквиваленты являются гипо-гиперонимами, потому что *фотоплан* – это совокупность *аэроснимков*, приведенных к одному масштабу. *Фотосхему равнинной или равнинно-холмистой местности можно рассматривать как приближенный фотографический план.* – При дешифрировании целесообразно использовать **аэроснимки** (<https://docplayer.ru/55963658-Fotogrammetriya-i-distancionnoe-zondirovanie-territoriy.html>).

Для синонимичных ССС можно предположить одинаковые дешифровальные матрицы. Дешифровальная матрица гнезда – это «набор дешифровальных стимулов, представленных в одном гнезде эквивалентности» [5, с. 91]. Например, матрица гнезда *велодатчик* (‘прибор, который измеряет и сохраняет данные о скорости и преодолённом расстоянии при езде на велосипеде’) имеет следующий вид: **(у-(предл)х** – датчик для велосипеда, **(у-х** – велосипедный датчик, **(у-х** – датчик велосипеда, **(у-(предл)х** – датчик на велосипеде.

Выявлены две ситуации:

1. дешифровальная матрица совпадает полностью
2. дешифровальная матрица совпадает частично

Например, дешифровальные матрицы *газодетектора* (в зн. ‘прибор для обнаружения утечки газа’) и *газоиндикатора* совпадают полностью: *детектор газа, детектор газов, газовый детектор; индикатор газа, индикатор газов, газовый*

индикатор. У синонимичных ССС бурстанок – бурмашина дешифровальные матрицы совпадают частично, т. е. отличаются одним или несколькими дешифровальными стимулами: бурильный станок, буровой станок, станок для бурения, буровой станок для бурения; бурильная машина, буровая машина, машина для бурения, машина для буровых работ.

В связи с этим синонимичные ССС можно использовать для прогнозирования гнезд эквивалентности.

В данной работе были разграничены понятия лексические и деривационный эквивалент, рассмотрены основные разновидности лексической текстовой эквивалентности, а именно синонимическая и гиперо-гипонимическая, определены регулярные модели синонимических отношений ССС. В дальнейшем мы планируем изучить и описать разные семантические типы синонимов по отношению к каждому подвиду ТСЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь синонимов русского языка в 2-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Астрель: АСТ, 2003. — 681 с., Т. 1.
2. Современный русский литературный язык: Учебник / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин; под ред. П. А. Леканта – М: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 766 с.
3. Теркулов В.И. Текстовая эквивалентность сложносокращённого слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Вып. 3. – Ставрополь, 2015. – С. 69-77
4. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.
5. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

N.V. Filipsonova

ABBREVIATED SYNONYMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

In the paper two basic types of lexical equivalence of compound words are viewed: synonymous and hyper-hyponymic. The author identifies and describes the characteristic features of regular models of synonymic relations of the equivalence nests of abbreviations, defines the concepts of "lexical equivalent" and "derivational equivalent". The study revealed the coincidence of the deciphering matrices of synonymic compound-abbreviated words, which makes it possible to predict the equivalence nests of lexical abbreviation equivalents for the "Explanatory-equivalence dictionary of complex-abbreviated Russian words".

Key words: *lexical equivalent, derivational equivalent, lexical text equivalence, text-synonymous equivalent, text-hyperonymic equivalent.*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматриваются некоторые типологические особенности современной русской поэзии, в частности, словообразовательные инновации. Материалом исследования послужили стихотворения Наталии Азаровой.

В современном поэтическом тексте широкое распространение получают композитные новообразования, сращения и сложения. Современные авторы активно нарушают словообразовательные нормы и производят способом сращения разнообразные окказионализмы, объединяя в одну лексему слова разных частей речи. В современной поэзии преобладает дефисное написание таких окказионализмов; дефис подчеркивает начало объединения сочетания (элементов предложения) в одну единицу и одновременно отражает незавершённость этого процесса.

Развитие новых типов сращения и сложения в современной поэзии происходит на фоне получившего широкое распространение отказа от знаков препинания в стихотворных текстах.

Контаминированные образования могут быть интерпретированы различным образом, так как часто нельзя однозначно определить, путём слияния каких именно слов или морфем образовались определённые слова-гибриды. Это подтверждает такую типологическую особенность современной поэзии, как многовариантность существования поэтического слова и, следовательно, многовариантность его интерпретации, невозможность его однозначной трактовки.

Ключевые слова: современная поэзия, словообразовательные инновации, окказионализмы, композитные новообразования, сращения.

Изменения, происходящие в обществе, закономерно находят свое отражение в художественном творчестве. Язык современной поэзии по-своему воссоздает состояние современного социума, для которого характерен слом стереотипов и запретов, изменение идеологии и формирование новой ментальности.

Современная поэзия, в силу своих новаторских черт, привлекает внимание ученых. Ряд тенденций в языковой организации современного поэтического текста описан исследователями (Л.В. Зубовой, Н.А. Николиной, О.И. Северской, Н.А. Фатеевой и др.). Некоторые типологические особенности современной поэзии требуют дальнейшего изучения и описания.

Цель данной статьи – анализ некоторых типологических особенностей современной русской поэзии, в частности, изучение словообразовательных инноваций, осуществляемых современным поэтом. Материалом исследования послужили произведения Наталии Азаровой (р.1956) – русской поэтессы, переводчика, учёного-филолога.

«Словообразовательная свобода», характеризующая языковые изменения конца XX – начала XXI веков в целом, присуща и современному поэтическому тексту. В современной поэтической речи разнообразны способы создания новообразований, среди которых преобладают суффиксация, сложение и сращение.

Широкое распространение в поэтической речи получают композитные (сложные) новообразования. Сложное слово, «с одной стороны, служит способом свертывания

свободного словосочетания, фразеологизма или даже микротекста, с другой стороны, отражает тенденцию к сопряжению лексических единиц не только объединенных синтаксическими связями, но и соотнесенных в тексте ассоциативно» [1, с. 97]. Приведем несколько примеров:

живу-без-образа
и образ жизни ваш
я проплываю
на месте столкновения течений –
водоворот из пресного с соленым
ветер @лантичный
рвет-за-борт-строчки
настроенье-утроилось
прыжок-из-переправы-в-продолженье
Н. Азарова

благословенна
никакойность Праги
игра
покой
словенна-и-славянска
свечение камня
мне
вер-невече
я

Н. Азарова

Тенденция к слиянию слов и компонентов предложения приводит к активизации такого способа лексико-синтаксического словообразования, как сращение. В современном русском языке продуктивной моделью сращения считается только модель «наречие + прилагательное или причастие». Современные авторы активно нарушают эту словообразовательную норму и производят данным способом разнообразные окказионализмы, объединяя в одну лексему слова разных частей речи:

не-про-меня

непроснусей
ворочаюсь из строчки в строчку
из строчки в сон
неверно просыпаюсь в утро

как хочется местоимения убрать!
я-непроснуся-некто я
на месте имени
не лучше ль отстраненно?
Н. Азарова

В этом отрывке из стихотворения Н. Азаровой видим множество окказиональных лексем, образованных сращением и сложением. Показательно, что графически оформляются эти лексемы или слитно, или через дефис. Н.А. Николина отмечает, что преобладание в современной поэзии дефисного написания таких окказионализмов неслучайно. Дефис как «компромиссный» (В.М. Павлов) знак подчеркивает начало

объединения сочетания (элементов предложения) в одну единицу – слово – и одновременно отражает незавершённость этого процесса [1, с. 120–121].

Следует отметить, что развитие новых типов сращения (данный термин используется в некотором роде условно) и сложения в современной поэзии происходит на фоне получившего широкое распространение отказа от знаков препинания в стихотворных текстах [1, с. 122].

Особенную активность в современной поэзии проявляет такая разновидность сложения, как контаминация, или телескопическое словообразование [1, с. 98].

Контаминация основана на слиянии сегментов разных слов, подвергающихся при этом сокращению. В структурном плане контаминированный дериват – номинативная единица, образованная на базе объединения двух или (реже) более лексем, с возможными вставками морфов или интерфиксов. В результате такого слияния разных лексических единиц возникает слово-гибрид, получившее такие образные названия, как слово-«саквояж» или слово-«кентавр» [1, с. 99]. Посмотрим на следующий пример:

в тесноте
молчаливой
глазаперты
у зеркал
расплескались
слезалежи
додначала
дня

Н. Азарова

Привлекают внимание следующие окказиональные языковые единицы, которые образованы путем слияния слов и словосочетаний: *глазаперты*, *слезалежи*, *додначала*. Показательно, что эти контаминированные образования могут интерпретироваться по-разному, так как нельзя однозначно определить, путём слияния каких именно слов или морфем образовались данные слова-гибриды. Современной поэзии вообще свойственна многовариантность существования поэтического слова и, следовательно, многовариантность его интерпретации, невозможность его однозначной трактовки. К этому приводит активное использование графических средств, скобок, слеша и под. «Установка на многовариантность производного слова в поэтической речи размывает границы между узуальными лексическими единицами и новообразованиями. Контекст часто строится так, что дает возможность разных прочтений слова» [1, с. 113].

В современной поэзии контаминация оказывается «корнеумножением», дающим в итоге «двумерные» неологизмы» (В.П. Григорьев) и, таким образом, способствующим усилению смысловой диффузности текста [1, с. 104].

Подобные явления соотносятся с процессами сегментации и пересегментации, объединением лексем в одну целостную единицу – приёмами, которые активно используются современными поэтами.

Н.А. Фатеева отмечает, что «„пересегментация” или „сдвиг” элементов как по горизонтальной, так и вертикальной оси вызывает непредсказуемые трансформации одних языковых элементов в другие, нейтрализует семантические и формальные границы между морфемой, словом, словосочетанием и целостной предикативной единицей, делает относительными понятия слитности и раздельности написания» [3, с. 79–80].

раз-умными-мошенны-шуле-
раз-ломав коленца цикла
раз-двине-м-и-г-ордимся мигом

как все
неслушать ритм

заткнувши
жизни-про-должен-(ь)-я
Н. Азарова

Графическое выделение префикса *раз-*, затем – ненормативное, произвольное членение слова на сегменты, которые не являются морфемами, объединение нескольких лексем в одну – эти приёмы подтверждают мысль о том, что в современной поэзии меняется традиционное понимание структурной оформленности слова. Становится необходимым «пересмотреть само лингвистическое определение «слова», а также содержание языковых процессов, вкладываемых в понятия «словоизменения» и «словообразования», поскольку относительным становится само представление о структурной оформленности слова и невозможности знаков препинания и пауз внутри него», – справедливо отмечает Н.А. Фатеева [3, с. 85]. В современных поэтических текстах слова перестают восприниматься как целостные единицы, из которых строится текст, они утрачивают свои границы. Происходит объединение / разъединение слов, морфем или их сегментов с помощью знаков препинания, скобок, слеша, пробелов или графических выделений.

Приём сегментации-гибридизации приводит к эффекту «смысловой компрессии: одна звуковая оболочка служит для выражения разных значений или оценки обозначаемой реалии (явления). Слова с графически выделенным квазикорнем могут интерпретироваться как „сложные”: их компоненты вступают в определенные синтаксические отношения...» [1, с. 15].

Итак, наблюдения над произведениями современных поэтов подтверждают замечание Л.Н. Синельниковой о том, что «непредсказуемость в области словообразовательной нормы выросла до экстремальности» [2, с. 186]. Благодаря окказионализмам, широко представленным в современной поэзии, экспрессивно-оценочная окрашенность современного лирического сюжета достигает максимального наполнения. Словотворчество является проявлением динамики художественной речи, свойственной ей свободы в поисках средств выражения и обновления языка. Словотворчество в художественной речи в целом и в поэтической речи в частности характеризуется сложным соотношением типичного и индивидуально-авторского. Это особенно ярко проявляется в отборе словообразовательных моделей, по которым образуются новые лексические единицы, в обращении к определенным способам словообразования.

В перспективах исследования – дальнейшее осмысление языковых особенностей современной поэзии, изучение идиостилей поэтов-современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы : монография / Н. А. Николина. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2009. – 336 с.
2. Синельникова Л. Н. Языковые изменения конца XX века / Л. Н. Синельникова // Язык: история и современность. – Луганск: Альма-матер, 1999. – 207 с. – С. 168–204.

3. Фатеева Н. Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress / Н. Фатеева // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии». – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 592 с. – С. 79–89.

T. Ponomarova

WORD-FORMATION POTENTIAL OF MODERN RUSSIAN POETRY

The article considers some typological features of modern Russian poetry, in particular, word-formation innovations. The material of the study were the poems of Natalia Azarova.

In the modern poetic text, composite derived words, accretions and additions are widespread. Modern authors actively violate word-formation norms and produce a variety of occasional words by merging words of different parts of speech into one lexeme. In modern poetry, the hyphenation of such occasional words predominates; the hyphen emphasizes the beginning of combining the combination (elements of the sentence) into one unit and at the same time reflects the incompleteness of this process.

The development of new types of fusion and addition in modern poetry takes place against the background of widespread rejection of punctuation marks in poetic texts.

Contaminated formations can be interpreted in different ways, since it is often impossible to determine unambiguously by merging which words or morphemes certain hybrid words were formed. This confirms such a typological feature of modern poetry as the multivariance of the existence of the poetic word and, consequently, the multivariance of its interpretation, the impossibility of its unambiguous interpretation.

Key words: *modern poetry, word-formative innovations, occasional words, composite derived words, coalescence.*

УДК 811.512.145'367

Т.В. Шмелева

*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого*

НЕОПОЗНАННЫЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

В статье рассматривается вопрос об отношении к синтаксическим единицам конструкций типа «Человек, который смеется». Утверждается, что она широко используется в качестве заголовка медиатекстов, надписях и мемах в соцсетях, а также в одном типе предложений. Все эти факты анализируются с трех позиций – конструктивного, семантического и актуального синтаксиса. В итоге конструкция интерпретируется как аналог словосочетания, построенный на основе местоименной техники сложного предложения.

Ключевые слова: *русский язык, синтаксис, синтаксические единицы, техника сложного предложения, пропозиция*

С вопроса о синтаксических единицах начинается любой курс синтаксиса и каждый учебник/учебное пособие. Это не означает, однако, что вопрос относится к бесспорным, его проблематичность хорошо показана в [6, с. 44—60], этому посвящена особая современная статья [8]. Безусловно одно: по-разному рассматривая их в иерархических отношениях, практически все современные синтаксисты говорят о таких единицах, как словосочетание, простое предложение и сложное предложение [2, с. 6—15; 6, с. 44—60; 12, 12—18; 14, 4—14]. Не предполагая включаться в полемику о синтаксических единицах и не обозначая своей позиции по этому важному вопросу, хочу обратить внимание на синтаксический факт, который оказывается за пределами этой полемики и тем более.

Ему в учебнике В.А. Белошапковой посвящено буквально несколько слов мелким шрифтом. Характеристику сложного предложения, в основе которого лежит связь слова с предложением – типа *Вот холм лесистый, над которым часто я сизживал недвижим* (П.), сопровождает примечание: «Обязательным условием образования на основе такой связи сложного предложения является вхождение определяемого придаточным предложением существительного в другое предложение, которое становится главным по отношению к придаточному. Если это условие не соблюдено, что бывает редко, так как слова обычно употребляются в составе предложений, то сложное предложение не возникает. Так, например, бывает, если существительное употреблено как обращение или как заголовок, либо как «именительный темы», например: *О вы, которые объехать свет вокруг желанием горите! [Вы эту басенку прочтите]* (Кр.); *Взрывы, которых ждали* (заголовок, «Изв.» 27.12.1975)» [2, с. 18]. Это примечание практически дословно и с теми же примерами воспроизводится в более поздних версиях синтаксического раздела в учебниках современного русского языка [9, с. 371; 10, с. 541; 11, с. 616].

Надо сказать, что Веру Арсеньевну не удовлетворяло отрицательное решение – «сложного предложения не возникает», ее беспокоила судьба того, что же возникает в таком случае. При этом из трех указанных позиций – обращение, именительный темы и заголовок, более всего на ее кухне мы обсуждали последнюю, вспоминали знаменитые литературные произведения – «Человек, который смеется» Виктора Гюго, «Дом, где разбиваются сердца» Бернарда Шоу, «Праздник, который всегда с тобой» Хэмингуэя, «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида... Настораживало, что все они – зарубежные. Может, тут переводчики шли за оригиналом? Может быть, для русского языка это не характерно? Но «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа? А рассказ Виктора Астафьева «Фотография, на которой меня нет» в его повести в рассказах «Последний поклон»? А художественный фильм «Женщина, которая поет»? А документально-публицистический фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли»? В общем, факты прибавлялись, но вопрос так и остался открытым. Для этого явления, которое не укладывалось в, казалось бы, логичную систему синтаксических единиц, мы в наших разговорах придумали название «неопознанный синтаксический объект» по модели «неопознанный летающий объект» (о них в начале 90-х говорили много). Кстати, этот термин потом использовала С.Г. Ильенко в статье для сборника памяти В.А. Белошапковой, правда, по отношению к конструкциям прямой речи [5]. Сейчас, когда Веры Арсеньевны нет уже больше двадцати лет, да и Сакмары Георгиевны не стало в начале этого года, вернуться к вопросу о «неопознанном объекте» подвигают два обстоятельства: во-первых, речевая практика, в частности, медийная, а во-вторых, новые синтаксические представления об устройстве синтаксических единиц.

Итак, обозначим наш объект как конструкцию «субстантив+местоимение в составе ПЕ» (далее – Конструкция) и сразу отметим, что найти ее в современных текстах в роли обращения не удалось (это, видимо, устаревшая форма обращения), в роли именительного темы – тоже (возможно, нужны специальные поиски), а Конструкции-заголовки просто сами в руки идут, и круг текстов оказывается довольно широким.

Так, писатели продолжают использовать Конструкцию для называния своих книг: «Россия, которой не стало» А.М. Буровского (М., 2005); «Чугунка, которой нет» А.М. Василькова (3-е изд., СПб., 2008); «Дом, в котором могут жить лошади» Е. Эдина (вошла в длинный список премии «Национальный бестселлер» 2018 г.). Режиссеры называют так фильмы, например, «Человек, который удивил всех» Н. Меркуловой и А. Чупова (см. о нем – Культура, 1.11.2018); «Год, когда я не родился» К. Богомолова (Медуза.12.03.2018); «Девушка, которая застряла в паутине» Клэр Фой (о нем – Фонтанка.ру, 8.11.2018).

Но самый большой «урожай» таких заголовков дают медиатексты (и в учебнике был заголовок из «Известий»!). Легко заметить, что часть таких примеров – трансформы уже известных заголовков, превратившихся в формулы: «Русский человек, который смеется» (Культура, 10.11.2017); «Праздник, который почти всегда с тобой» (Газета.ру, 19.12.2017); «Год, который гулял сам по себе» (Коммерсантъ, 29.12.2017); «Сквер, который построил ЗакС» (Фонтанка.ру, 23.01.2018); «Дом, который построят» (Российская газета, 7.03.2019).

Одна такая цитата из песни И. Корнелюка «Город, которого нет» (текст Регины Лисиц) активно эксплуатируется петербургскими медиа, например, «Фонтанкой»: «Город, которого нет: каким Петербург достанется новому губернатору» (4.10.2018); «Город, которого нет: в Петербург пришел сезон туманов» (11.10.2018); «Парк, которого нет: девелоперы территории в устье Смоленки обещают создать зеленую зону» (17.10.2018). Можно сказать, что эта цитата уже превратилась в медийный штамп, которого не чужды и другие издания: «Европа, которой нет» (Газета.ру, 9.09.2018); «Прошрое, которого не было» (Газета.ру, 5.01.2019); «Самая сильная фраза, которой не было» (Газета.ру, 13.02.2018); «Агентство, которого нет: как генерал отразит «удар России»» (Газета.ру, 15.02.2018); «Летняя обувь, которой не должно быть в вашем гардеробе» (ЯндексДзен, 21.06.2019).

Есть и продукты собственного конструирования: «Обломов и Людовик XIII: роли Олега Табакова, которые мы любим» (Медуза, 12.03.2018); «Зима, которой не видно конца» (Сноб, 19.03.2018); «Вопрос, на который надо найти ответ» (Сноб, 27.04.2018); «Россия на ЧМ-2018: сборная, за которую хочется болеть» (Газета.ру, 8.07.2018).

Конструкция активно используется в социальных сетях, так 27.06.2019 ВКонтакте встретились: *10 прекрасных фильмов в стиле ретро, от которых невозможно глаз оторвать*; *Шесть причин, почему морж самое странное животное на свете* (видео лекций Ивана Затевахина, кстати, в названии запятой нет, то есть «сложность» Конструкции не осознается).

«Любит» Конструкцию и реклама, напр. *Боль, которую опасно обезболить* (реклама но-шпы, интернет, 2017). Характерен в этом отношении большой рекламный текст «Премиум с приставкой «ультра» (Газета.ру, 19.12.2017), где Конструкция используется в названиях всех главков, на которые разбит текст, то есть становится стилистическим приемом: «Холодильник, который умеет быть прозрачным»; «Стиральная машина, которая умеет в два раза больше»; «Телевизор, который нарисован на стене»; «Климатический комплекс, который знает, чем мы дышим».

Интересно отметить, что Конструкция «пришлась» новым медижанрам, например, жанру листикл (англ. listicle) – текст-список, как правило практической направленности типа «10 причин начать бегать» [Манс с. 24]. Его нас культивирует «Яндекс Дзен», вот заголовки его статей с использованием Конструкции: «5 причин, по которым я больше не зову друзей в гости» (21.06.2019); «10 правил хорошего тона, которые должен знать каждый» (6.05.2019); «5 советов, как выбрать повседневную сумку, чтобы она подходила ко всему гардеробу» (26.05.2019). Но и в других изданиях такие заголовки можно встретить: «Семь пенсионных мифов, которые навязали власти» (Росбалт.ру, 28.09.2018); «8 мест, которые не надо посещать в Петербурге» (Город 812, 23.12.2017). В соцсетях распространен тип подписи под фотографией (чаще селфи), размещаемой, например, ВКонтакте: *Тот случай, когда я еще и пою шекспировские сонеты и даже кусок из "Отелло"*; *То чувство, когда работаешь в новогодние праздники*. Популярны мемы, состоящие из фотографий известных людей или животных с надписью, построенной по образцу Конструкции; вот несколько, предъявляемых по запросу «Тот момент, когда...» Яндексом: *Тот момент, когда друг пошутил, а ты ничего не понял*; *Тот момент, когда понимаешь, что завтра собрание*; *Тот момент, когда строят из себя умных* и т.д. Как показывают даже приведенные примеры, а их перечень можно было бы продолжать, Конструкция в заголовках – не редкость, она востребована новыми медижанрами.

Кроме того, на что было указано в примечании В.А. Белошапковой, современная речевая практика предъявляет использование Конструкции в предложении: *Чтение – единственная практика, которая учит человека думать аналитически, развивает критическое мышление* (Лента.ру, 22.06.2015); *«Маленькие трагедии» Кирилла Серебрянникова – спектакль, который стал обсуждаемым еще до премьеры* (Русский репортер, №19. 2017); *Как любят рассказывать гиды, Мурманск – город, в котором есть всё самое-самое. К примеру, самые северные в мире «Макдоналдс» и колесо обозрения* (ВНовгороде.ру, 7.12.2018); *Азия – пространство, где рождаются новые модели мирового управления* (Российская газета, 11.11.2015); *Россия – единственная страна в мире, где спортсмены не сталкиваются с трудностями в учебе* (Росбалт, 21.03.2019). Как их квалифицировать? Простое это предложение или сложное? Что это за тип в том или другом случае?

Итак, Конструкция обнаруживает немалый диапазон функционирования в позиции заголовка и части предложения. Но эта широта не помогает понять, что перед нами: словосочетание? А как же анафорическое местоимение? Сложное предложение? Но где тогда вторая (точнее, первая) предикативная единица? Наконец почему Конструкция оказалась столь востребованной в современной речевой практике? Ответ на эти вопросы зависит от того, на каких синтаксические основаниях искать ответы.

Если смотреть на сложное предложение не «типологически» – то есть определяя типы предложений, а выделить как особый вопрос о технике сложного предложения, обращая внимание на то, что один тип сложного предложения может быть «выполнен в разной технике», как изъяснительное предложение [19, с. 303—310], то в Конструкции нельзя не увидеть действие местоименной техники с субстантивом (*город, которого нет*; *страна, где ...*; *место, куда хочется вернуться*; *причина, почему...*), при этом реагируя как на его грамматическую природу (*который*), так и на семантику (*где, куда, почему*).

Установление этого факта не должно вызывать «когнитивного диссонанса»: что техника сложного предложения используется для образования не только сложных предложений можно убедиться при анализе текстовых скреп *Дело в том, что ..., И это при том, что...* [18; 20]. На этой «вмещающей» технике построены скрепы типа *в связи*

с тем, что, по той причине, что, с той целью, чтобы и под. И если «вмещающая» техника используется не только для создания сложных предложений, почему это не может быть с техникой местоименной? Ведь недаром предложения с ней квалифицируются как «присловные», что убедительно показано в учебнике: «главным конституирующим элементом предложений с присловной придаточной частью является опорное слово» [2, с. 226]. А опорное слово «вместе с придаточной частью» может функционировать вне сложного предложения. Из примера, приведенного в этой части учебника, можно получить нашу Конструкцию: *Надежда, которая еще теплилась в душе, теперь исчезла* → *Надежда, которая еще теплится в душе*.

Почему в такой роли выступает только существительное? Это объясняет В.А. Белошапкова: «из всех частей речи только существительные обладают способностью распространяться посредством присоединения к ним предикативной единицы, оформленной как придаточная часть определенного строения» [2, с. 180]. Остается добавить, что эта способность может реализоваться как в рамках сложного предложения, так и вне его рамок. А существительное с распространителем – классический заголовок, как «Темные аллеи» и т. п.

С позиций синтаксического синтаксиса существительное с определением – это пропозиция качественной характеристики [19, с. 207], которая может быть выражена прилагательным *Он тактичен* или существительным со связкой *Он отличается тактичностью*. Наряду с этим пропозицию выражает причастие: *Отличающийся тактичностью коллега на этот раз высказался резко*. К ее выражению привлекаются предложно-падежные формы – *Он в возрасте*, *Она без комплексов*. Даже финитные формы глагола могут конкурировать с названными способами выражения этой пропозиции – *Он сидит*, *Книга легко читается*. Такой ряд способов выражения представлен в учебнике, где он обозначен несколько иначе – «типовой пропозиitivный смысл 'Свойство предмета или ситуации'» [14, с. 186—190]. Но этот ряд будет неполным без такого способа выражения пропозиции, как предикативная единица с местоимением, которое присоединяет ее к существительному – *Человек, который хорошо говорит*. Зачем языку такой ряд формальных воплощений одной пропозиции?

В поисках ответа на этот вопрос необходимо учитывать прежде всего неограниченные возможности характеризующей лексики, она позволяет обозначить не все необходимые качества. Какой лексемой можно передать характеристику Мурманска, которая выражена предикативной единицей «*город, в котором есть всё самое-самое*»? Вряд ли ее удастся отыскать. В других случаях замена будет слишком приблизительной. «Город, которого нет» можно заменить причастием *исчезнувший* или *отсутствующий* город? Сомнительно. Эта безэквивалентность – важный фактор существования предикативного обозначения характеристики, но не единственный.

Иногда эквивалент возможен, но при этом теряются смысловые детали – осуществленность/неосуществленность, модальность, актантно-обстоятельственные «повороты». Так, в заголовке «Дом, который построят» актуализирована неосуществленность (только построят), замена причастием дала бы «построенный», а его еще нет. В заголовке «Летняя обувь, которой не должно быть в вашем гардеробе» актуализировано модальное значение «не должно», здесь причастие вообще невозможно, в русском языке нет таких причастий, в отличие от латыни. В названии книги «Дом, в котором могут жить лошади» дом характеризуется как локатив, ни прилагательных, ни причастий с такой семантикой не найти.

Едва ли не самым важным представляется фактор коммуникативного веса пропозиции, который обнаруживаются у ее разных воплощений, – от минимального до максимального [19, с. 271—74]. В различии коммуникативных весов воплощений

рассматриваемой пропозиции можно убедиться, вернувшись к конструкциям, которые стали названиями главок рекламной статьи о современной бытовой технике: «Холодильник, который умеет быть прозрачным»; «Стиральная машина, которая умеет в два раза больше»; «Телевизор, который нарисован на стене»; «Климатический комплекс, который знает, чем мы дышим». В каждом из них характеризующая предикативная единица может быть заменена причастным оборотом: *холодильник, умеющий быть прозрачным; стиральная машина, умеющая в два раза больше; телевизор, нарисованный на стене; климатический комплекс, знающий, чем мы дышим*. Но все эти воплощения по коммуникативному весу будут на ступеньку ниже, что, видимо, показалось автору менее выразительным. Соотношение коммуникативных весов особенно заметно, когда они в одном заголовке, как, например, в случае «*10 прекрасных фильмов в стиле ретро, от которых невозможно глаз оторвать*»: здесь три пропозиции, характеризующих денотаты слова «фильм» – первая выражается прилагательным *прекрасный*, вторая – выражением *в стиле ретро*, и только третья – предикативной единицей, которая и обладает самым большим коммуникативным весом, на ней фиксируется максимальное внимание читателя.

Итак, высокий коммуникативный вес воплощения пропозиции характеристики, смысловые преимущества по сравнению с другими ее воплощениями, делают Конструкцию удобной для заголовков самых разных текстов и надписей в медиа.

Что же касается ее участия в предложениях, примеры которых приведены, то надо сказать, что в них Конструкция занимает позицию предиката, выражающего характеристику. Иначе говоря, если в заголовках характеристика не предсказуемая, то в предложениях она предсказуется. Зачем же здесь Конструкция, когда есть другие способы выразить этот же смысл? Дело в том, что в таких предложениях характеристика приписывается не непосредственно характеризуемому объекту, а через соотнесение его с родовым понятием. На такой способ характеристики указывается, например, в учебнике: *Она замужняя женщина* [14, с. 188]. Чаше гипероним предшествует характеристике: *Лето – время отпусков; Студенты – народ специфический, Москва – город контрастов*. И в некоторых случаях позицию характеристики занимает предикативная единица, как в приведенных примерах из медийных текстов.

Надо сказать, что это случай нельзя признать уникальным. Как особую регулярную реализацию структурной схемы простого предложения представляла такие синтаксические образования Н.Ю. Шведова, приводя примеры: *Уток весной – стреляй вверх, обязательно попадешь* (В. Песков); *Ноги у меня были – все равно хоть выбрось их* (М. Булгаков); *Специалистов – раз, два и обчелся* и др. [16, с. 73–74]. В Грамматике такая реализация структурной схемы $N_1 - N_1$ иллюстрируется предложениями *Пирог – пальчики оближешь; Книжка – с ума сойти можно; Работа – только кнопки нажимай* и др. [17, с. 552]. В специальной статье рассмотрены предложения с придаточным в позиции предиката, в том числе определительным – *Самый радостный момент для футболиста и для болельщика – когда мяч трепещется в сетке ворот* (Комс. правда, 28.07.1966); *Я знаю, для вас электричество – это если сургуч потерять о штаны* (Л. Леонов) [13]. Подобные конструкции отнесены к актуальным для русского синтаксиса рубежа веков: *Демократия – это когда еще не знают, кого слушаться, но уже знают, кого не слушаться* (Лит. газета. 29.01.1992) [3, с. 208].

Все эти факты говорят о том, что в принципе предикативная единица в позиции одного из компонента модели предложения – не редкость, но наша Конструкция в такой позиции еще не была отмечена. А ее устройство и семантика вполне

соответствует позиции характеризующего предиката в модели N_1 Adj [19, с. 298], что и подтверждается приведенными примерами.

Итак, неопознанный синтаксический объект можно считать опознанным. Он представляет собой конструкцию, включающую существительное и присоединяемое к нему местоимение в составе предикативной единицы. С позиций конструктивного синтаксиса это аналог словосочетания, построенный с применением местоименной техники сложного предложения, с анафорой на основе согласования (дом, который) или примыкания (момент, когда); следует отметить, что субстантив регулярно осложняется квантитативными смыслами (для заголовков жанра листкл). С позиций семантического синтаксиса – это воплощение пропозиции характеристики в виде предикативной единицы. С позиций актуального синтаксиса – это воплощение пропозиции с большим коммуникативным весом. Функциональный диапазон конструкции – заголовки текстов, надписи мемов и фотографий, а также позиция предиката в предложениях, построенных по модели N_1 Adj с использованием гиперонима, что хорошо видно при сравнении таких предложений: *Мурманск удивителен*, *Мурманск – город удивительный* и *Мурманск – город, в котором все самое-самое*. В этом ряду предложений можно видеть парадигму воплощений пропозиции характеристики, пополняющую список средств ее выражения и показывающий разные их техники.

Если говорить на языке синтаксиса XX века, можно отметить, что в этой парадигме нейтрализуются позиции согласуемого сказуемого, приложения и определительного придаточного. И в этой точке сюжет соприкасается с кандидатской диссертацией Г.П. Цыганенко [15], столетию которой посвящается настоящий сборник. Такие связи обычно указываются в начале статьи, но в данном случае они открылись в ходе работы, что говорит о том, что закрытых тем в русском синтаксисе нет, новый взгляд на хорошо известные факты дают новое их понимание. И работы наших учителей (а здесь таких работ процитировано немало) таят в себе массу интересных идей, обращение к которым вместе с вниманием к меняющейся речевой практике и современным синтаксическим понятийным аппаратом позволяет что-то увидеть и понять. Хотелось бы надеяться, что сюжет с нашей Конструкцией в этом убеждает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова В.А. Сложное предложение / В.А. Белошапкова // Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – С. 652–740.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис: Учеб пособие для филол. специальностей / В.А. Белошапкова. – М., 1977. – 248 с.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
4. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник / М.В. Всеволодова – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
5. Ильенко С.Г. Концепция синтаксических единиц В.А. Белошапковой и вопрос о «неопознанных синтаксических объектах» / С.Г. Ильенко // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. – М.: Идрик, 2001. – С. 57–66.

6. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С.Г. Ильенко; Отв. ред. М.Я. Дымарский. – СПб.: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2009. – 398 с.
7. Мансурова В.Д. «Цифровая каллиграфия» современного журналиста: власть digital контента / В.Д. Мансурова // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2017. №4. С. 17—33. Электронный ресурс. <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/4/tsifrovaya-kalligrafiya-sovremennogo-zhurnalista-vlast-digital-kontenta/>
8. Сидорова М.Ю. О синтаксических единицах и синтаксических мифах (Ч. 1) / М.Ю. Сидорова // Русистика и компаративистика: научные труды по филологии. Вып. XII. – М., 2018. – С. 138–152.
9. Современный русский язык: Учебник / В.А. Белошапкова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов; под ред. В.А. Белошапковой – М.: Высшая школа, 1981. – 560 с.
10. Современный русский язык: Учебник для филол. спец. университетов / В.А. Белошапкова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов; под ред. В.А. Белошапковой; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 560 с.
11. Современный русский язык: Учебник для филол. спец. университетов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 928 с.
12. Учебно-методический комплекс по курсу «Современного русского языка»: Препринт учебника для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимов, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев; под ред. С.В. Вяткиной. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 347 с.
13. Уханов Г.П. Двусоставные конструкции с придаточным во второй части / Г.П. Уханов // Мысли о современном русском языке. Сб. статей под ред. В.В. Виноградова; сост. А.Н. Кожин. – М.: Просвещение, 1969. – С. 105—117.
14. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие / М.Ю. Федосюк. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 245 с.
15. Цыганенко Г.П. Приложение в современном русском языке: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / М-во высш. образования СССР. Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького / Г.П. Цыганенко. – Харьков, 1954. – 16 с.
16. Шведова Н.Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» / Н.Ю. Шведова // Мысли о современном русском языке. Сб. статей под ред. В.В. Виноградова; сост. А.Н. Кожин. – М.: Просвещение, 1969. – С. 67—80.
17. Шведова Н.Ю. Простое предложение / Н.Ю. Шведова // Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – С. 541—651.
18. Шмелева Т.В. *Дело в том, что...* / Т.В. Шмелева // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сб. ст. в честь профессора Т.А. Колосовой / отв. ред. Н.Б. Кошкарева, О.М. Исаченко. – Новосибирск, 2008. – С. 145–153.
19. Шмелева Т.В. Синтаксис / Т.В. Шмелева // Современный русский язык: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л.Р. Дускаевой. – СПб.: Питер, 2014. – С. 247—337.
20. Шмелева Т.В. Текстовая скрепа *И это при том, что...* / Т.В. Шмелева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История,

T.V. Shmeleva

UNIDENTIFIED SYNTACTIC OBJECT

The article addresses the issue of attitudes towards syntactic units of constructions of the type “A Man Who Laughs”. It is alleged that it is widely used as a title for media texts, captions and memes in social networks, as well as in one type of sentences. All these facts are analyzed from three positions - constructive, semantic and actual syntax. As a result, the construction is interpreted as an analogue of the phrase, built on the basis of pronoun techniques of complex sentences.

Keywords: *Russian language, syntax, syntactic units, complex sentence technique, proposition*

УДК 811.161.1 + 81'3

Л.В. Соснина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ПРОИЗВОДЯЩАЯ ОСНОВА ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОМПОЗИТОВ

Отфразеологическое словообразование является одним из активных способов пополнения лексического состава языка. В данной статье рассматриваются основные способы образования прилагательных-композигов на базе фразеологических единиц. Описываются два типа сложных адъективов – универбализационные композиты и единицы деривационного производства. Автор отмечает случаи образования окказиональных прилагательных, производящей основой для которых являются фразеологические обороты.

Ключевые слова: фразеологизм, композит, прилагательное, деривация, словообразование, окказионализм, неологизация

В современном русском языке процессы неологизации особенно активно протекают в области лексики и фразеологии. Для характеристики новых языковых явлений лингвисты используют различные термины, из них наиболее употребительными являются слова новообразования, неологизмы, инновации. Исследование цепочки *фразеологизм – новое слово* всегда вызывало интерес ученых, в разное время этой проблемой занимались Н.Ф. Алефиренко, О.С. Ахманова, Е.Н. Ермакова, В.М. Мокиенко, А.В. Петров, Р.Н. Попов, И.Ю. Третьякова. В данной статье мы ставим перед собой **цель** оценить словообразовательный потенциал фразеологизмов, которые выступают производящей базой для создания прилагательных-композигов. **Актуальность** работы определяется устойчивым интересом к проблемам композитологии, и, по нашему мнению, особенно интересно будет проследить способы образования сложных адъективных единиц на базе фразеологизмов и устойчивых сочетаний.

В лингвистических исследованиях до сих пор не существует четкого определения для процесса образования слов на базе фразеологических единиц. Такое явление характеризуют как лексикализацию словосочетания (Р.Н. Попов), отфраземное словообразование (Е.В. Сенько, В.Н. Пугач), отфразеологическое словопроизводство (А.М. Бушуй), семантическое сжатие (Т.Н. Семенова), окказиональную лексическую деривацию (М.А. Алексеенко), фразеологическую деривацию (С.Н. Денисенко, А.В. Петров), отфразеологическое словообразование (Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова). Образующиеся в результате межуровневого взаимодействия слова находятся в отношениях формально-структурной и семантической производности с производящим фразеологизмом, например, *на злобу дня – злободневный, коптит небо – небокоптитель*. Анализ таких слов позволяет выявить смысловые и структурные связи между производящими фразеологическими единицами и производными лексемами [6, с. 208].

Перспективность отфраземного словообразования отмечал еще В.В. Виноградов, который рассматривал устойчивые сочетания слов «не только как продукт окаменения и изоляции слов, но способ и источник рождения новых слов» [4, с. 122]. Между производящими фраземами и отфраземными дериватами наблюдаются весьма сложные семантико-словообразовательные отношения, характер которых детерминирован «способом словообразования и структурно-семантическими свойствами производящих основ и деривационных аффиксов» [3, с. 101]. Л.И. Степанова также полагает, что наиболее существенным результатом воздействия фразеологии на лексический состав языка можно считать возникновение новых лексических единиц, образованных на базе фразеологизмов [11, с. 247].

По мнению Е.Н. Ермаковой, узуальные фразеологизмы являются производящей базой как для окказиональных фразеологизмов, так и для окказиональных лексем, например: *вынь да положь – выньдаположенный, не от мира сего – неотмирасегошный, все до лампочки – вседолампочкизм*. Автор отмечает, что «бывшие компоненты фразеологизма теряют свойство быть раздельнооформленными и становятся морфемами производного слова» [7, с. 98]. Фразеологизм *белые воротнички* прочно ассоциируется с именованием работников учреждений, но употребление окказиональной лексемы предполагает привлечение новых смыслов, иногда это сочетание служит для обозначения успешных людей. В последнее время производное *беловоротничковый* все чаще употребляется в сочетаниях *беловоротничковая преступность, теневая экономика, коррупция*. Как справедливо заметила Е.Н. Ермакова, несмотря на то, что раздельнооформленность производящего фразеологизма утрачивается, его компоненты сохраняются, при этом «производящая и производная единицы все же семантически соотносятся друг с другом» [там же, с. 98]. Это применимо и к прилагательным-композициям, исходной единицей для образования которых служат фразеологизмы, например: *Некоторые ученые отождествляют беловоротничковую преступность с экономической* (<http://www.s-quo.com/content/comment/288/6889/>); *Беловоротничковая мафия — симбиоз торгово-экономической и политической мафии, складывается, как правило, вокруг санкционированных государством экспортно-импортных операций* (<http://gsn.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/981244.htm>).

В современном языкознании до сих пор не существует единого мнения об отношениях производности между фразеологизмами и словами, образованными на базе этих единиц; отсутствует единая терминологическая система, позволяющая упорядочить описание лексико-семантических связей между двумя группами слов. Однако ученые сходятся во мнении, что словообразование на базе фразеологизмов

носит регулярный характер и можно говорить о межуровневых производных отношениях, когда производящая и производная единицы отличаются по количественному составу, но имеют логическое тождество в значениях. Современные лингвисты выделяют несколько причин возникновения отфразеологического словообразования, а именно: раскрепощенность носителей языка, принцип экономии речевых усилий, особенности синтаксического функционирования фразеологизма и отфразеологической лексемы, а также желание автора придать сообщаемой информации особую экспрессивность, например: **вынь да положь – выньдаположенный, не от мира сего – неотмирасегошный** [6, с. 210], Е.Н. Ермакова полагает, что наиболее продуктивным способом образования отфразеологических единиц является агглютинация (от лат. agglutinatio – приклеивание, склеивание). Автор пишет, что «компоненты фразеологической единицы, соотносимые со знаменательными словами, утрачивают отдельность (главный признак лексемы) и превращаются в морфему в составе производного слова» [там же, с. 212], например: *Как бы с этим ни боролись, целые «рукарукумующие» шайки политиков и «исследователей» ухитряются протаскивать нужные результаты* (<https://snob.ru/selected/entry/51044/>); *Автору респект за «непокладаяручную» работу в поиске редких треков* (<https://freshrecords.ru/gmp3.php?fid=1898252>); *Какой самый дуракаваляемый орган в РФ? - ааах-ха-ха, это знают все!* (<https://otvet.mail.ru/question/185146543>); *Строгость закона компенсируется его спустярукавным применением* (<http://for-ua.info/viewtopic.php?f=2&t=82903>); *Наши протянуторукие чиновники как бы вообще не замечают* (www.yabloko.ru/Themes/Ecology/index-1999.html). Заметим, что в нашем исследовании мы относим такие слова к единицам деривационного производства, которые демонстрируют мотивационные отношения между производящим словосочетанием и образованным на его базе композитом. Обратимся еще раз к словосочетанию **белые воротнички**. По мнению Е.А. Алексеевой, «достаточно продуктивными являются суффиксально-префиксальные образования с сочинительным или подчинительным характером отношений производящих основ, которыми чаще всего являются атрибутивные словосочетания» [5, с. 21]. Мы считаем данные языковые единицы деривационными композитами, реализующимися в языке по определенным структурным моделям, например: Прил₁мн + Сущ₁мн – оснПрил₁мн + инт + оснСущ₁мн + суф + парПр / **белые воротнички** / **беловоротничковый**: *А вот конфликты в коллективе и начальство, равно как нововведения и смелое продвижение своих идей, у белых воротничков страха не вызывает* (<http://www.segodnya.ua/ukraine/>); *Если на стадии индустриального развития основу средних слоев общества составляли мелкие и средние предприниматели, связанные с производством, на первой стадии постиндустриального общества – предприниматели, связанные со сферой услуг, то на стадии развития общества знания их основу составили «белые воротнички», специалисты, профессионалы, порождающие новые идеи* (Ирина Прусс. Парты для среднего класса // «Знание-сила», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Новый средний класс – не чистильщик обуви, выросший до крупного предпринимателя, а респектабельный беловоротничковый профессор университета, адвокат, врач* (Средний класс произрастает на поле Образования // «Знание-сила», 2013); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *В июльских объявлениях о поиске работников на сайте Запорожского областного центра занятости нет ни одной вакансии, предлагающей «беловоротничковую» работу* (<http://z-city.com.ua/subbota-plus/habitat.html?id=-16678>).

Проблеме образования отфразеологических дериватов посвящена статья В. Цзинхуэй. Он отмечает, что при образовании дериватов указанного типа используются все аффиксальные и смешанные способы словообразования. Ученый полагает, что прилагательное **таксебейный** создано на основе фразеологизма **так себе** путем комбинации сращения и суффиксации [12, с. 519]. Таким же способом образовано прилагательное **спустярукавный** (небрежный, кое-какой – об отношении к делу, работе) на базе двух компонентов фразеологизма **спустя рукава**. Исследователь полагает, что весьма редки слова, возникающие в результате «чистого сращения и чистого сложения, то есть без участия суффикса» [там же, с. 521]. В качестве примера выступает прилагательное **сумасводящий** (такой, который сводит с ума), например: *Как никогда, сумасводящий май, невестит яблони в заброшенном саду* (<https://www.stihi.ru/2019/04/15/852>). Ранее в наших работах мы исследовали прилагательное **сумасшедший**, которое уверенно относим к универбализационным композитам, выделяя при этом ономаσιологический базис «состояние» и ономаσιологическую модель «состояние+трансгрессив»: **с ума с(о)шедший / сошедший с ума / сумасшедший**: *Сошедший с ума Найденов не сбавлял хода – все на его пути успели поспрятаться и приготовились к драме* (Илья Бояшов. *Танкист*, или «Белый тигр» (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Толпа моих товарищей орет, указывая на меня пальцами: «С УМА СШЕДШИЙ! С УМА СШЕДШИЙ!»* *Теперь люди, вышедшие из круга, – инакомыслящие, диссиденты или, как в детстве: «С УМА сшедшие!»* (Вадим Сидур. *Памятник современному состоянию* (1973-1974); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А впрочем, если б и можно было, то и вторую, и третью пришлось бы прожить точно так же: вслепую и на большой скорости – как сумасшедший мотоциклист в тумане* (Андрей Волос. *Недвижимость* (2000) // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). В словаре С.И. Ожегова зафиксированы переносные значения прилагательного сумасшедший, например, *крайне безрассудный, безумный* (перен.) – идея, планы: *Тютчев всеми силами старался противостоять сумасшедшей страсти, которая обуревала его поэтическую натуру* (Вива-Биография, № 12 (78), 2013); *Он поразил ее сумасшедшей энергией, потоком бессвязных слов и внезапным предложением провести вместе неделю в Париже* (Караван историй, № 1, 2013); *крайний, исключительный* (по величине, степени) – успех, скорость, деньги: *Он ехал, и сердце рвала сумасшедшая боль* (Вива-Биография, № 10 (76), 2013); *Они любой ценой стремятся назад, к своим возлюбленным, тратя на перелеты все накопления и влезая в сумасшедшие долги* (Отдохни, № 29, 2015).

Мы выделяем два типа сложных адъективов, образованных на базе устойчивых словосочетаний – универбализационные композиты и единицы деривационного производства. Сложное слово, как и любое производное, «и по форме (материально), и по смыслу (семантически) восходит к своему производящему и зависит от него» [5, с. 28]. Полагаем, что семантические отношения между производящим и производным словом не всегда коррелятивны, например, универбализационный композит **двуглавый** не соотнобразуется с фразеологизмом **о двух головах** (неосмотрительно смелый, рискующий жизнью), сходство компонентов является чисто формальным: *Потому-то и царь у нас сейчас о двух головах* (Освобождение от условностей (блог) (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Старый Петра сына укоряет: – Бунтовщик ты, злодей проклятый... Аль о двух головах ты родился? Пропадай ты себе окаянный. Да зачем ты всю Сербию губишь?* (Пушкин. *Песни западных славян*; <http://phraseology.academic.ru/>); *В правом верхнем углу листа – гербовая печать: двуглавый орёл со скипетром и державой, такой же,*

как и на водяном знаке (Дмитрий Быков. «Тех беглых жёнок с мужьями... отдать ему без суда» // «Родина», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Аналогичным образом можно объяснить соотношение сложений **длинноносый**, **длинноухий**, **длиннорукий** с формально коррелирующими фразеологическими оборотами. Устойчивое сочетание (остаться) **с длинным носом** - «ни с чем, ничего не добившись» демонстрирует исключительно формальную соотнесенность со сложением **длинноносый** - «имеющий длинный нос»: *Молодежь всегда остается с длинным носом, потому что она не может смотреть на то, что происходит у себя под носом: молодежь тянет вдаль* (М. М. Пришвин. Дневники (1928); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Конечно, это мужичок, скрючившийся в уголке, – с длинным носом, заросшим щетиной лицом и застывшими, округлившимися, однако очень внимательными и умными, хотя и мутными глазами* (Андрей Белозеров. Чайка (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *А еще была уверена, что недостаточно красива для большого экрана – толстая, длинноносая, не с такими потрясающими ногами, как у Джессики Ланг* (Вива, № 13 (252), 24.06.2014); **длинные уши** - «о человеке, который подслушивает и делает доносы» и сложение **длинноухий** - «имеющий длинные уши»: *А вот длинноухий тушканчик, обнаруженный не так давно в пустыне Гоби, по праву может гордиться не только своим длинным хвостом, но и огромными ушами.* (<http://ianimal.ru/topics/dlinnoukhijj-tushkanchik>); **длинные руки** - а) «иметь большую силу, влияние»; б) «присваивать чужое, воровать» и сложение **длиннорукий** - «имеющий длинные руки»: *Это вызвано тем, что он формируется в основном за счет двух источников: с одной стороны - пропагандистского обеспечения акций самих «отцов города», с другой - резко критических выступлений в оппозиционной прессе по поводу «распродажи столицы» и других «неправедных деяний» «Юрия Длиннорукого»* (http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=108879); *Чиновник подчеркнул, что у его ведомства, у министерства обороны и у американского народа «хорошая память и длинные руки»* (<http://www.ntv.ru/novosti/1199976>); *И вот теперь, когда глава Партии регионов предстал пред очи европейской общественности, последняя не преминула спросить у него о дальнейшей судьбе «длиннорукого» депутата* (Комсомольская правда, 23.07.2015). Композит **длиннорукий** включает в себе доминирующее этимологическое значение **с длинными руками** в отличие от синонима **долгорукий** (квазикомпозит – Л. С.), который употребляется в значении «нечистый на руку»: *Ретардант же, у которого первая фаза будет относительно длиннее второй, сохранит конституцию долговязого подростка – останется на всю жизнь длинноруким и длинноногим* (<http://www.ug.ru/old/01.17/t19.htm>).

Отмечая традиционную устойчивость фразеологических единиц, исследователи признают для многих из них активную варьируемость, которая нарушает относительную устойчивость. По мнению ученых, окказиональные фразеологические единицы служат «не смысловой заменой языковых эквивалентов, а средством вербализации индивидуально-авторских концептов» [9, с. 235]. Так, дериватом фразеологизма **хлеб-соль** является **хлебосол**, мы же рассматриваем композит **хлебосольный**: **хлебосольный** – **хлеб-соль**: *Обряд «хлеб-соль» - это традиция встречи родителями жениха молодоженов у себя дома караваном с солью* (<http://www.superfamily.ru/traditions/wedding-bread.html>); *Иван Грозный ведь на псковитянке женился, которая ему хлеб-соль поднесла, когда он в город въехал* (Алина Бериашвили. Фамильные ценности (2013.03.26) // «Новгородские ведомости», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Русская традиция милосердна к Амфитриону: после перевода на русский мольеровского «Амфитриона»*

его имя стало синонимом гостеприимного, **хлебосольного** хозяина (<http://drevniebogi.ru/>).

Сочетание **голубая кровь** относится к окказиональным фразеологическим единицам, возникшим как результат переосмысления фразеологизмов в современном русском языке, данная единица употребляется в узком значении «аристократическое происхождение» и в окказиональном – «истинное благородство, высота духа», например: *Вот если бы еще Распутин оказался не сибирским мужиком, а дворянином голубых кровей, а его убийцами были бы не князья, а пламенные революционеры-большевики!* (Виктор Казаков. Целлулоидные куклы (2003) // «Вслух о ...», 2003.07.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru/); *Это привело к тому, что людям с голубой кровью часто приходилось показывать другим свою силу, отстаивая свои права* (<http://www.together-info.ru/ru/info-portal/chennelingi/olyudyah-s-goluboj-krovju#ixzz4ONftwx8e>); *По мнению ряда экспертов, голубокровные люди появляются на свет не случайно* (События недели, 1.01.2014).

В русском языке существует несколько фразеологических оборотов и их вариантов в качестве производящей базы для сложных адъективов. В указанном случае «вопрос о соотносительности данного композита с тем или иным фразеологизмом может быть решен с учетом степени семантической и формальной близости этих единиц» [5, с. 94]. Рассматривая структуру композита **вековечный**, мы считаем его посессивным словосочетанием и определяем как аблятивную плюральную конструкцию с предлогом **предл** + **Прил4мн** + **Сущ4мн** / **оснПрил4мн** + **инт** + **оснСущ4мн** + **парПрил**: *Все это обогатило мою жизнь одним из самых прекрасных даров – искренней дружбой на веки вечные* (<http://yandex.ua/yandsearch?text>); *Людей интересует не вековечная дружба с братским народом, а зарплата и достаток* (<http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/ukraina-ili-okraina>). Композит **вековечный** находится в коррелятивных отношениях с фразеологическим оборотом **веки вечные** (**на веки вечные**), семантика которого множественна и весьма противоречива. О.А. Романова вполне справедливо замечает, что «варьируется не только форма фразеологизма, но и его значение, что относится к разряду семантических изменений фразеологической единицы» [10, с. 115]. По нашим наблюдениям, адъектив имеет значение «всегда, вечно» или же абсолютно противоположное значение «никогда, ни при каких обстоятельствах». Как отмечает М.М. Джафаров, «возможность такого относительно свободного толкования слова **вековечный** обусловлена отвлеченным характером его лексического значения, связанного с указанием на временную соотнесенность событий» [5, с. 94]. Более того, композит **вековечный** встречается в текстах в значении «весьма прочный, крепкий». Данные нашей картотеки подтверждают, что приоритетным является первое значение (всегда, вечно): *Путин поздравил Януковича и подтвердил нерушимость вековой дружбы* (fakty.ictv.ua, 24.08.2013); *Провалилась попытка вылепить из вашей страны неприятный, не соответствующий действительности образ такого векового коварного врага Украины* (http://news.bigmir.net/world_about_us/266117); *Ну, а пока, конечно, дружба на веки вечные и совместное строительство многополярного мира входит в интересы и Китая, и России* (<http://русскийконсерватизм.рф/politika/takticheskaya-kitayskaya-druzhba/>).

Нам представляется интересным образование окказиональных прилагательных **нерукоподаваемый**, **нерукоподатный** (**нерукопожатный**). Окказионализм **рукопожатность** (готовность пожать другому человеку руку, в т.ч. представителю либеральной оппозиции) образован от имени прилагательного, слово выражает высшую степень одобрения. По мнению исследователей, глагол **рукопожимать**

образован путем сложения с интерфиксацией и используется «для выражения высокой положительной оценки и высшей степени одобрения» [1, с. 177]. Авторы отмечают, что первое употребление однокоренного сложного прилагательного **нерукоподатный** связано с передачей В. Соловьева «К барьеру» 2007 года, когда телеведущий назвал **нерукоподатным** Э. Лимонова и полагает, что генетически первым было префиксальное прилагательное со значением негации. В этом заключается общая логика подобных неологизмов: «первыми вербализуются более сильные негативные эмоции; слово прижилось и дало жизнь абстрактным существительным на -ость» [там же, с. 177]. Считаем важным замечание ученых о том, что «новые дериваты формируют словообразовательные гнезда, в которые входят абстрактные существительные, агентивы мужского и женского рода, прилагательные, глаголы», например, **рукопожимать – рукопожатность – нерукопожатный**: *Есть такое понятие – нерукоподаваемый. Вот как Могилев. Он нерукоподаваем в среде настоящих офицеров* (<http://blogger.com.ua/2012>); *Порошенко для Путина попал уже в категорию «нерукоподаваемых», особенно после некоторых его неpolitкорректных высказываний с личными выпадами* (http://azovnew.ru/news/azov_news/); *Но вот у меня не повернется язык назвать их «нерукопожатными»* (<http://www.mn.ru/society/edu/85651>); *Порошенко – нерукопожатный, и теперь даже токсичный президент в мировой политике* (<http://zyrianin.livejournal.com/2326745.html>).

Сложные прилагательные в современном русском языке могут образовываться на базе свободных словосочетаний, коллокаций и фразеологических единиц, являясь при этом универбализационными композитами и единицами деривационного словопроизводства. Проанализировав семантические связи лексических и фразеологических единиц, мы пришли к выводу, что значительная часть производящих фразеологизмов тождественна образованным на их базе отфраземным новообразованиям, в нашем исследовании – прилагательным-композитам. Отфразеологическая лексема представляет собой процесс сжатия фразеологизма и приобретает значение, ранее присущее фразеологизму в целом. Образование новых номинативных единиц на базе уже существующих в языке фразеологизмов является закономерным и вполне предсказуемым процессом, заполняющим лакуны в лексико-фразеологической системе русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Ю.В., Лебедев А.А., Минеева З.И. Актуальное словообразование в свете новых информационных технологий / Ученые записки Орловского госуд. ун-та, 2014. - № 1 (57). – С. 172-178.
2. Алексеева Е.В. Адъективные новообразования в современном русском языке // Автореф. дисс.... канд.филол.наук: 10.02.02 / Е.В. Алексеева – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.
3. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: Учеб. пособие // Н. Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
5. Джафаров М.М. Очерки по истории русского словосложения. – Баку, 2009. – 242 с.
6. Ермакова Е.Н. Отфразеологические образования в современном русском языке: причины, условия, механизм / Е.Н.Ермакова // Вестник Челябинского госуд. ун-та, 2012. - №2. – С.206-214.

7. Ермакова Е.Н. Окказиональность как проявление инновационных процессов в сфере слово- и фразообразования современного русского языка / Е.Н.Ермакова // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова, 2015. - №6. – С.95-99.
8. Козлова М.С. Типы семантических связей лексических и фразеологических единиц на материале предметных фразеологизмов / М.С.Козлова // Вестник Челябинского госуд. ун-та, 2015. - №2. – С.256-263.
9. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Окказиональные преобразования фразеологических единиц / А.М.Мелерович, В.М.Мокиенко // Вестник Челябинского госуд. пед. университета., 2014. - № 8. – С. 234-252.
10. Романова О.А. О вариантности фразеологических единиц (на материале современных газет) / О.А.Романова //Вестник Новгородского госуд. ун-та., 2013. - № 72. – С. 113-117.
11. Степанова Л.И. Взаимодействие лексики и фразеологии (на материале русского и чешского языков) / Л.И.Степанова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб.науч. трудов по итогам 3-й Международной научной конференции (Белгород, 19-21 марта 2013 г.). – Белгород, 2013. – С 246-250.
12. Цзинхуэй Ван. Способы образования отфразеологических дериватов в современном русском языке / Ван Цзинхуэй // Преподаватель XXI век, 2016 г. - №4. – С. 517-522.

L.V.Sosnina

PHRASEOLOGICAL UNITS AS PRODUCING BASIS FOR ADJECTIVES-COMPOSITES

Word formation on the basis of phraseological units is one of the active ways of replenishment of language lexical structure. The main ways of formation of adjectives-composites on the basis of phraseological units have been considered in this article Two types of complex adjectives are described – universalization composites and derivational production units. The author notes the cases of occasional adjectives formation, which are based on phraseological units.

Key words: *phraseology, composite, adjective, derivation, word formation, occasionalism, neologization.*

УДК 81'42

С. В. Тахмазова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АББРЕВИАТУР-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Статья посвящена описанию формальных моделей эквивалентности аббревиатур-прилагательных, в частности моделей аббревиатурных прилагательных-бахуврихи. В данной работе рассматриваются базовые структурные модели русских бахуврихи-

композигов. В статье раскрывается содержание понятий диахронного и синхронного подхода к выделению и описанию аббревиатур-прилагательных.

Ключевые слова: аббревиатуры-прилагательные, композит, формальные модели, эквивалентное словосочетание, бахуврихи.

Статья посвящена описанию формальных моделей эквивалентности аббревиатур-прилагательных. Традиционно считается, что сложносокращёнными словами являются только существительные. Например, А.М. Сухотин писал о том, что «сложносокращённые слова используются для сведения к лексическим единствам словосочетаний **именной семантики** (выделено нами – С.Т.) и образуются из элементов (различной протяжённости) слов, входящих в состав словосочетания безотносительно к их грамматической делимости на значимые части» [А.М. Сухотин, 1933, с.153]. Однако рассмотренный нами материал показал возможность аббревиатурной трактовки прилагательных, содержащих аббреконструкт, то есть сокращённый эквивалент какого-либо слова.

В работах Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета разграничиваются диахронный и синхронный подходы к выделению и описанию аббревиатур.

При диахронном анализе «описывается класс сложносокращённых слов, реально возникших на базе словосочетаний, при синхронном же подходе мы считаем эквивалентными аббревиатуре те словосочетания, которые употребляются как её абсолютные синонимы (дублеты) в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [В.И. Теркулов, 2017, с.86]. Иными словами, целью анализа диахронных аббревиатур является разграничение формирующей и формируемой эквивалентностей и установление деривационных связей (отношений производности) между элементами гнезда эквивалентности. Целью же синхронного анализа является установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры.

При диахронном подходе достаточно сложно обнаружить аббревиатуры-прилагательные, но их можно выявить при синхронном подходе. Например, слово *евровалютный* с точки зрения диахронии является сложнопроизводным от *евровалюта*. Однако в эквивалентных текстах нами обнаруживается его трактовка через сочетание слов *европейский валютный*: **ЕВРОВАЛЮТНЫЙ РЫНОК** – международный рынок кратко- и среднесрочных кредитов; основывается на кредитных операциях, совершаемых с национальной валютой за пределами страны ее происхождения – **ЕВРОПЕЙСКИЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД (ЕВФ)** – международная валютно-финансовая организация европейских стран (<https://lib.ink/finansovoe-pravo-rossii/vse-evro-soyuze-ryinok-evrovalyut-36645.html>).

В текстах можно также обнаружить и другие типы развёрнутых трактовок аббревиатур-прилагательных. Например, в качестве эквивалентов для аббревиатуры *авиатехнический* используется развёрнутое сочетание слов и композит – *авиационный технический* – *авиационно-технический*: *Наше учебное заведение образовано в 1960г. на базе военного авиационного училища синоптиков, как Кирсановское **авиационное техническое** училище гражданской авиации, в 1992 году училище преобразовано в **авиационно-технический** колледж, а с 2010 года является филиалом Московского государственного технического университета гражданской авиации* (<https://archive.li/Vy2BR>).

Актуальность исследования обусловлена тем, что описание формальных моделей аббревиатур-прилагательных не получила достаточного освещения в научной литературе.

Цель работы состоит в том, чтобы описать формальные модели аббревиатур-прилагательных и прилагательных-бахуврихи. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1) установить общую модель использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании;

2) определить конкретную модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента;

3) уточнить понятие бахуврихи;

4) определить формальные модели образования бахуврихи.

Формально-структурный анализ определяет формальные характеристики дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания и осуществляется в два этапа.

На первом этапе устанавливается общая модель использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары в пределах гнезда эквивалентности определяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности, которая описывает тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и объединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общими операторами для этих блоков являются грамматические операторы, осуществляющие указание на частеречную принадлежность компонентов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для обозначения сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «комп». В блоке аббревиатуры добавляются операторы, указывающие на качество абброквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн¹ – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З¹ – первый звук основы, Б¹ – первая буква основы), а также оператор «инт», используемый в тех случаях, когда в аббревиатуре появляется интерфикс.

Модели формальной эквивалентности:

1. х(адъект)-у(адъект): **Прил1ед+Прил1ед** (блок эквивалента) = **ЧоснПрил1ед(инт)+Прил1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): *аграрный метеорологический – агрометеорологический (аграрный метеорологический пост); вибрационный массажный – вибромассажный (вибрационная массажная накидка);*

2. х(адъект)-у(адъект): **Прил1ед+Прил1ед** (блок эквивалента) = **ЧоснПрил1ед+Прил1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): *автомобильный технический – автотехнический*

(музей автомобильной техники); европейский валютный – еврвалютный (европейский валютный рынок, рынок европейских валют);

3. х-у(адъект): **Прил1ед+Прил1ед** (блок эквивалента) = **ЧоснПрил1ед+Прил1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): *авиационно-спортивный – авиационный спортивный (авиаспортивный)(авиационно-спортивный клуб, авиационный спортивный клуб, клуб авиационного спорта, клуб любителей авиационного спорта, спортивный клуб авиации, авиатехнический спортивный клуб); авиационно-технический – авиационный технический (авиатехнический) (авиационно-технический колледж, авиационный технический колледж, салон авиационной техники, сборка изделий авиационной техники, специалист по авиационной технике); авиационно-транспортный – авиационный транспортный (авиатранспортный) (авиационно-транспортная служба, авиационная транспортная служба, обслуживание авиационного транспорта); авиационно-химический – авиационный химический (авиахимический) (авиационно-химические работы, авиационные химические работы); авиационно-космический – авиакосмический (авиационно-космическое оборудование); авиационно-промышленный – авиапромышленный (авиационно-промышленная корпорация); авиационно-строительный – авиастроительный (авиационно-строительное объединение);*

4. у(адъект)-х: **Прил1ед+предл+Сущ2ед** (блок эквивалента) = **ЧоснСущ2ед+Прил1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): *зависимый от алкоголя – алкозависимый (алкогольная зависимость, зависимость от алкогольных напитков, центр лечения алкогольной зависимости, центр лечения от алкогольной зависимости, центр для лечения от алкогольной зависимости, центр для лечения алкогольной зависимости, цент по лечению алкогольной зависимости, центр для алкозависимых, центр для зависимых от алкоголя, центр по лечению от алкогольной зависимости);*

5. х-у(адъект): **Прил1ед+Прил1ед** (блок эквивалента) = **ЧоснПрил1ед+Прил1ед(комп)** (блок аббревиатуры) (модель формальной разновидности эквивалентности): *виноградарско-винодельческий – виноградо-винодельческий – виноградно-винодельческий (винодельческий) (виноградо-винодельческий комбинат, виноградно-винодельческий комбинат).*

Наибольшие трудности возникают при определении формальных моделей бахуврихи. Бахуврихи – это «посессивные сложные прилагательные, образованные на базе субстантивно-атрибутивных словосочетаний типа *газомоторный* (< с газовым мотором), в русском языке» [В.И. Теркулов, 2008, с.185]. Например, в случае универбализации словосочетания *с газовым мотором* в композит *газомоторный* мы не можем определить ономаσιологическую модель номинатемы как «приспособление + способ работы», поскольку такая структура может характеризовать только субстантивный композит типа **газомотор*. У прилагательного в ономаσιологической модели реализуется базисная статусная (посессивная) характеристика, в качестве носителя которой выступает атрибутивный формант.

Нами отмечаются следующие формальные модели образования бахуврихи:

1. Прил2ед + Сущ2ед

а) **ЧоснПрил2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил:** *аграрной индустрии / агроиндустриальный (агроиндустриальный холдинг, агроиндустриальный парк, агроиндустриальный комплекс), аграрной инженерии / агроинженерный (агроинженерный университет, агроинженерный факультет, агроинженерный центр, агроинженерный институт), аграрной метеорологии / агрометеорологический (агрометеорологический прогноз, агрометеорологический бюллетень,*

агрометеорологический обзор, агрометеорологический пост, агрометеорологический справочник, агрометеорологический ежегодник), **аграрной промышленности / агропромышленный** (агропромышленный комплекс, агропромышленный альянс, агропромышленный холдинг, агропромышленный дом, агропромышленная интеграция, агропромышленная группа, агропромышленная корпорация, агропромышленная компания, агропромышленная фирма), **агрономической технологии / агротехнологический** (агротехнологический университет, агротехнологический техникум, агротехнологический колледж, агротехнологический хаб, агротехнологический факультет, агротехнологическая компания), **аграрной экологии / агроэкологический** (агроэкологический университет, агроэкологический институт, агроэкологический факультет, агроэкологический мониторинг, агроэкологический центр, агроэкологическая оценка, агроэкологическая типизация, агроэкологические модели, агроэкологические группы, агроэкологические проблемы, агроэкологические свойства), **аграрной экономики / агроэкономический** (агроэкономический техникум, агроэкономический колледж, агроэкономическая оценка), **акустической оптики / акустооптический** (акустооптический модулятор, акустооптический дефлектор, акустооптический эффект, акустооптический фильтр, акустооптический анализатор, акустооптический затвор, акустооптические устройства), **акустической электроники / акустоэлектронный** (акустоэлектронные приборы, акустоэлектронные устройства);

б) **оснСущ1ед + инт + оснПрил1ед + суф + парПрил: магниевого алюминия / алюмомагниевый** (алюмомагниевый сплав, алюмомагниевая шпатель), **цинкового алюминия / алюмоцинковый** (алюмоцинковый лист, алюмоцинковый сплав).

2. Прил2ед(комп) + Сущ2ед

а) **ЧоснПрил2ед(комп) + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил: агропромышленной индустрии – агроиндустриальный, агропромышленной инженерии – агроинженерный, агропромышленной техники / агротехнический** (агротехнический колледж, агротехнический техникум, агротехнический университет, агротехнический институт, агротехнический период, агротехнический метод, агротехнические приёмы, агротехнические мероприятия, агротехнические требования, агротехнические работы), **агропромышленной экономики – агроэкономический.**

3. Сущ1ед + Сущ2ед + Сущ2ед

а) **ЧоснСущ2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил: фильтр забора воды / водозаборный, кран забора воды / водозаборный, узел забора воды / водозаборный, насос забора воды / водозаборный** (забор воды);

б) **ЧоснСущ2ед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил: лом меди алюминия / алюмомедный** (медь алюминия), **хлорид натрия алюминия / алюмонатриевый** (натрий алюминия), **формула оксида алюминия / алюмооксидный** (оксид алюминия), **гидролиз хлорида алюминия / алюмохлоридный** (хлорид алюминия), **сплав цинка алюминия / алюмоцинковый** (цинк алюминия).

4. Сущ2ед + Сущ2ед + Сущ2ед

а) **ЧоснСущ2ед + инт + оснСущ2ед + парПрил: скважины забора воды / водозаборный** (забор воды).

5. Сущ2ед + Сущ2ед + предл + Сущбед

а) **оснСущбед + инт + оснСущ2ед + суф + парПрил(-предл): меры безопасности при взрыве / взрывобезопасный** (безопасность при взрыве).

6. Сущ1ед(комп) + предл + Прил5ед + Сущ5ед

а) **оснПрил5ед + инт + оснСущ1ед + парПрил(-предл): гипсокартон с акриловым покрытием / гипсоакриловый** (гипсоакриловые панели, гипсоакриловая стеновая панель), **гипсокартон с виниловым покрытием / гипсовиниловый** (гипсовиниловые панели, гипсовиниловые плиты, гипсовиниловая стеновая панель).

7. **Сущ2ед + предл + Сущ2ед(комп) + предл + Прил5ед + Сущ5ед**

а) **оснПрил5ед + инт + оснСущ1ед + парПрил(-предл): панели из гипсокартона с виниловым покрытием / гипсовиниловый** (гипсокартон с виниловым покрытием).

8. **предл + Сущ2ед + Прил2мн + Сущ2мн**

а) **оснПрил2мн + инт + оснСущ2мн + суф + парПрил(-предл): о безопасности взрывчатых веществ / взрывобезопасный** (безопасность взрывчатых веществ), **о безопасности взрывных работ / взрывобезопасный** (безопасность взрывных работ).

9. **Сущ2ед + Сущ2ед + предл + Прил2мн + Сущ6мн**

а) **оснПрил2мн + инт + оснСущ2мн + суф + парПрил(-предл): правила безопасности при взрывных работах / взрывобезопасный, меры безопасности при взрывных работах / взрывобезопасный** (безопасность при взрывных работах).

10. **предл + Прил5ед + Сущ5ед**

а) **ЧоснПрил5ед + инт + оснСущ5ед + парПрил (-предл): с отвисшим брюхом / вислобрюхий** (вислобрюхий поросенок, вислобрюхие поросята, вислобрюхие свиньи, вислобрюхие вьетнамские поросята, вислобрюхие вьетнамские свиньи), **с обвисшим брюхом / вислобрюхий**.

11. **предл + Прил5мн + Сущ5мн.**

а) **ЧоснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил (-предл): с отвисшими ушами / вислоухий** (вислоухий кот, вислоухий котёнок, вислоухий кролик, вислоухий британец, вислоухий шотландец).

12. **предл + Прил5ед + Сущ5ед**

а) **ЧоснПрил5ед + инт + оснСущ5ед + суф + парПрил (-предл): с бензиновым мотором / бензомоторный** (бензомоторный инструмент), **с газовым мотором / газомоторный** (газомоторный двигатель, газомоторный транспорт, газомоторный компрессор, газомоторный форум, газомоторный автобус).

В данной работе были разграничены понятия диахронного и синхронного подхода к выделению и описанию аббревиатур-прилагательных, определены основные модели аббревиатур-прилагательных, а также рассмотрены формальные модели образования бахуврихи-композигов. При выделении моделей аббревиатур-прилагательных были использованы примеры из «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка», разработанной Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухотин А.М. Проблема «сокращённых» слов в языках СССР / А.М. Сухотин // Письменность и революция. – М.-Л., 1933. – № 1. – С. 151–160.
2. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
3. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.

4. Теркулов В. И. Бахуврихи в русском языке / В. И. Теркулов // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2008. – № 2(8). – С. 185–190.

S. V. Tahmazova

FORMAL MODELS OF ABBREVIATIONS-ADJECTIVES

The article is devoted to the description of formal equivalence models of abbreviations-adjectives, in particular models of abbreviated adjectives-bahuvrihi. This paper discusses the basic structural models of Russian bahuvrihi-composites. The article reveals the content of the concepts of diachronic and synchronous approach to the selection and description of abbreviations-adjectives.

Key words: *abbreviations adjectives, composite, formal models, equivalent phrase, bahuvrihi.*

УДК 81'373.611

К.Ю. Емельянова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ОККАЗИОНАЛЬНОСТЬ В АББРЕВИАЦИИ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ОПИСАНИЯ

Целью предлагаемой статьи является описание и сравнение «традиционных» окказиональных слов, то есть тех единиц, которые не входят в лексическую систему русского языка и противопоставляются лексике активного запаса, и окказионализмов в теории аббревиации «ЭЛИТА». В ходе исследования было определено, что между двумя анализируемыми окказиональными образованиями обнаруживаются как сходства, так и различия, что помогает понять особенности окказионализмов в аббревиации.

Ключевые слова: *аббревиатура, сложносокращённое слово, окказионализм, окказиональное слово, окказиональное словосочетание.*

Окказиональные сложносокращённые слова и окказиональные текстовые эквиваленты уже выступали объектом наших исследований [3–8]. Однако в предыдущих работах эти единицы рассматривались только в рамках теории аббревиации: были описаны окказиональные аббревиатуры, окказиональные эквиваленты и их ономаσιологические модели, особенности формирования окказиональной текстовой эквивалентности, окказиональные дешифровальные стимулы. Данная же статья посвящена комплексному анализу этих единиц, имеющему целью сравнение их с «традиционными» окказиональными словами, результатом чего станет выделение типологических особенностей окказиональных слов и словосочетаний в аббревиационной системе.

В работах Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА», далее – Лаборатория) окказиональным сложносокращённым словам и словосочетаниям уделяется не так много внимания, как «общеупотребительным»

аббревиатурам и их реальным текстовым эквивалентам. Это объясняется тем, что цель Лаборатории – составление Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь), включающего в свой состав только те аббревиатуры и их эквиваленты, которые входят в лексику активного запаса. Следовательно, слова и словосочетания, которые приобретают статус окказиональных, не рассматриваются в качестве «материала» для словарных статей Словаря.

В теории Лаборатории определяющий фактором распределения на активную и пассивную лексику является количество употреблений сложносокращённого слова и баланс индексов словосочетания в поисковой системе Google. Окказиональными сложносокращёнными словами и словосочетаниями считаются те единицы, баланс индексов («частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [12, с. 7]) которых превышает отметку 500. «Такие словосочетания не являются регулярными текстовыми эквивалентами сложносокращённого слова. Они существуют лишь в пределах малочисленных, обычно просторечных, текстов» [3, с. 80]. Если для определения окказионального словосочетания учитывается баланс индексов, то для того, чтобы выяснить, является ли аббревиатура окказиональной, используется общее количество его употреблений в Google: сложносокращённые слова, употребляющиеся менее 500 раз, считаются окказиональными. В качестве примера приведём следующие окказиональные сложносокращённые слова и словосочетания: *авиасборщик* (77 употреблений), *авиахимнападение* (161 употребление), *авиарасследователь* (350 употреблений), *аллергопаспорт* (108 употреблений), *аллергобронхит* (129 употреблений); *авиационное письмо* (баланс индексов – 806,26), *линия авиатransвозок* (баланс индексов – 2504,37), *авиационная фобия* (баланс индексов – 2699,14), *проба аллергической реакции* (баланс индексов – 510,37), *европейский рубероид* (баланс индексов – 6117,69).

Таким образом, главным средством определения окказиональности в теории аббревиации является квантитативный анализ.

В данной работе аббревиатурным окказионализмам (под «аббревиатурными окказионализмами» подразумеваются как окказиональные сложносокращённые слова, так и окказиональные словосочетания) противопоставляются «традиционные» окказиональные слова.

В «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» окказионализм определяется как «неизвестное языку слово или выражение, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста как индивидуально-авторское стилистическое средство» (https://humanities_dictionary.academic.ru/4350/Окказионализм).

«Традиционно окказиональность понимается как нарушение грамматических, словообразовательных, лексико-семантических норм литературного языка, а окказиональное употребление противопоставляется узуальному (общепринятому)» [2, с. 50]. Сам термин «окказионализм» впервые появился в статье Н. И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография». В этой же работе были выделены следующие признаки окказионального слова:

- 1) постоянная новизна,
- 2) словообразовательная производность,
- 3) существование вне языка,
- 4) наличие автора,
- 5) тесная связь с контекстом, в котором возникает окказионализм,
- 6) особая выразительность, существование и функционирование окказионального слова «на своем месте» [13, с. 67].

А. Г. Лыков обозначил «девять признаков, отграничивающих русское окказиональное слово от канонического:

- 1) принадлежность к речи,
- 2) творимость (невоспроизводимость),
- 3) словообразовательная производность,
- 4) ненормативность,
- 5) функциональная одноразовость,
- 6) экспрессивность,
- 7) номинативная факультативность,
- 8) синхронно-диахронная диффузность,
- 9) индивидуальная принадлежность» [10].

Во многих работах исследователей наряду с термином «окказионализм» можно также встретить термин «потенциальное слово». При этом одни учёные дифференцируют эти понятия (А. И. Смирницкий, Е. А. Земская и др.), другие же утверждают, что это синонимы (Н. И. Фельдман, В. В. Лопатин, Г. О. Винокур и др.). Потенциальные слова определяются как «слова, которые уже созданы, но еще не закреплены традицией словоупотребления, или могут быть созданы по образцу существующих в языке слов» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1153/потенциальные>). Е. А. Земская приводит следующие примеры потенциального словотворчества: *журавлятник*, *попугайник*, *бегемотник*. Главное отличие потенциального слова от окказионализма заключается в том, что потенциальные слова создаются по высокопродуктивным словообразовательным моделям, а окказионализмы – по малопродуктивной или непродуктивной модели. Некоторые исследователи полагают, что термин «потенциальное слово» неудачный, а термин «окказиональное слово» «шире и охватывает особенности обоих типов неузуальных новообразований» [11, с. 15]. В связи с этим, Д. Б. Масленников различает неузуальные единицы двух типов:

- 1) окказионализмы, образованные по продуктивным моделям,
- 2) окказионализмы, образованные по непродуктивным моделям [11, с. 35].

К первой группе относятся такие слова, как *возражатель*, *повторитель* (реализация возможностей словообразовательного типа). Ко второй же группе окказионализмов можно отнести следующие слова: *разбукетилось* ("Разбукетилось небо к вечеру. Замерзло окно" (М. А. Кузьмин. «Разбукетилось небо к вечеру...»)); *колхозятся* ("Я работник центрального значения, пускай другие колхозятся" (В. В. Маяковский. «Баня»)).

В нашем исследовании по отношению к аббревиатурным окказионализмам мы будем использовать термин «окказиональное слово», которое может быть образовано по продуктивной или непродуктивной модели.

Определим сходства и различия между не-аббревиатурными и аббревиатурными окказионализмами. Для сравнения рассмотрим девять признаков, которые выделил А. Г. Лыков.

1. Принадлежность к речи.

«В окказиональном слове содержится противоречие между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой языка – с другой. Оно выражает в особых языковых формах предельно специфическую конкретность соответствующей ситуации... Факт создания (и употребления) окказионального слова – это факт речи» [10].

Данная особенность также относится к окказиональным сложносокращённым словам и окказиональным текстовым эквивалентам (словосочетаниям) аббревиатур. Эти единицы – чисто речевое явление, не принадлежащее языку, реализующееся

только в нескольких текстах интернет-пространства. Однако не исключается возможность закрепления этих слов в языке.

2. Творимость окказионального слова.

«Творимость – это один из наиболее специфических речевых признаков окказионального слова. Творимость окказионализма противопоставлена воспроизводимости канонических слов, притом под воспроизводимостью канонического слова понимается его функциональная повторяемость в готовом виде» [10].

Окказиональный эквивалент также не воспроизводится, а творится, заново создается всякий раз для каждого конкретного случая его употребления. Но «творимость» весьма условна, так как это не создание нового слова, а «расшифровка» по существующим моделям деривации (при образовании текстовых эквивалентов), присоединение абброконструкта к слову (при образовании окказиональных абброморфемных квазиаббревиатур и окказиональных абброаффиксоидных квазиаббревиатур) или трансформация словосочетания в слово (при создании окказиональных абброэквивалентных аббревиатур). Например, окказиональное абброэквивалентное слово *аллергобронхит* появилось в результате «свёртывания» словосочетания *аллергический бронхит*, а словосочетание *европейский рубероид* – вследствие «расшифровки» абброконструкта *евро-* в сложносокращённом слове *еврорубероид*.

Наблюдается ещё одно отличие: окказиональные сложносокращённые слова и словосочетания не могут подвергаться «цитированию», то есть своеобразному воспроизведению услышанного / прочитанного. Это напрямую связано с другой особенностью окказионализмов – индивидуальной принадлежностью. Так, мы можем цитировать (воспроизводить) окказионализмы любого поэта, но это будет лишь простое извлечения слов из поэтического текста. Окказиональные эквиваленты принадлежат какому-то индивиду лишь условно. Это не создатель нового слова, а человек, владеющий стереотипами расшифровки абброконструкта или же «присваивающий» абброконструкту новые дешифровальные стимулы.

3. Словообразовательная производность.

«Окказиональное слово по самой своей сути обязательно должно быть производным словом, поскольку окказиональное слово представляет собой результат относительно свободной комбинации по крайней мере двух словообразующих морфем, что неизбежно ведет к производности окказионального слова. Факты речи – всегда творческие, а творчество окказиональных слов – это свободная комбинация единиц на морфемном уровне» [10].

Данная особенность имеет совсем иную реализацию в аббревиации. Окказиональный эквивалент так же, как и «традиционный» окказионализм, является вторичной (производной) единицей. Отличие заключается в том, что нельзя говорить об относительно свободной комбинации морфем, потому что существующий набор дешифровальных стимулов предопределяет позиции для каждой единицы. Если же говорить об окказиональном сложносокращённом слове, то и оно является вторичной единицей, так как путём присоединения к слову существующего в сознании носителя абброконструкта создаётся новая аббревиатура, не являющаяся узувальным словом, либо же аббревиатура появляется в результате трансформации словосочетания в слово, но и в этом случае сложносокращённое слово – вторичная единица.

4. Ненормативность окказионального слова.

Ненормативность окказионального слова определяется как «мотивированная неправильность, носящая целесообразно организованный, «запрограммированный»

характер, может быть одним из проявлений поэтической речи (в самом широком смысле)» [10].

Здесь мы видим полное несовпадение аббревиатурных окказионализмов с «традиционными» окказионализмами. При «создании» окказионального слова или словосочетания никогда не происходит отклонения от нормы, и эта единица не выступает в роли образного средства поэтического текста. Эти отличия связаны с разной функциональной направленностью рассматриваемых единиц.

5. Функциональная одноразовость.

«Важнейшим свойством окказионального слова является его одноразовость. Это свойство выражается в том, что окказиональное слово создается говорящим для того, чтобы оно употребилось в речи всего лишь один раз» [10].

Окказиональный текстовый эквивалент не всегда является «продуктом разового употребления». «Говорящих», которые создают эквивалент, может быть достаточно большое количество. Определяющим фактором является квантитативность. Как уже отмечалось, к окказиональным сложносокращённым словам в теории аббревиации относятся слова, которые встречаются менее 500 раз в интернет-текстах, а к окказиональным словосочетаниям – единицы, баланс индексов которых превышает отметку 500. Следовательно, функциональную одноразовость к анализируемым единицам отнести нельзя.

6. Экспрессивность окказионального слова.

«Обязательная экспрессивность – характернейшая черта окказиональных слов... Кроме того, экспрессивность окказиональных слов носит ингерентный характер. Это значит, что окказиональное слово экспрессивно само по себе, в силу особенностей своего внутреннего словообразовательного строения (каждое окказиональное слово производно), хотя это слово зависимо от контекста, привязано к нему в конкретно-речевом употреблении» [10].

Говоря об экспрессивности окказиональных эквивалентов, следует учитывать, что некоторые сложносокращённые слова в словарных статьях имеют пометы «разг.», «прост.», следовательно, соотносимые с ними словосочетания также будут носить оттенок экспрессивности. Таким образом, для аббревиатурных окказионализмов экспрессивность не является релевантным признаком, в отличие от «традиционных» окказиональных слов. Например, в поэме «Облако в штанах» В. В. Маяковский употребил слово *любёночек* (крошечная любовь), в котором суффикс *-ёноч-* несёт уменьшительно-ласкательное значение. Иной случай представляет аббревиатурный окказионализм *авиахимнападение*, где все морфемы имеют нейтральное значение.

7. Номинативная факультативность.

«Номинативная факультативность (необязательность) – это признак, указывающий на характер номинации окказионального слова в отличие от номинации канонического слова... Окказиональное же слово является факультативным, не необходимым фактом с точки зрения номинации в указанном выше смысле, так как за таким словом в языковой классификации неязыкового мира действительности с обязательностью не закреплён ни один из её "кусочков"» [10].

Окказиональные аббревиатуры и словосочетания, являясь новообразованием, остаются в самой периферийной сфере речи, следовательно, они не обладают номинативной обязательностью. Этот признак является общим для всех окказионализмов.

8. Синхронно-диахронная диффузность.

«Едва ли не самым трудно уловимым признаком окказионализма является его синхронно-диахронная диффузность, сущность которой заключается в

местонахождении окказионального слова в точке пересечения синхронной и диахронной осей координат языковой системы. Поэтому окказионализм является живым воплощением связи между синхронией и диахронией» [10].

Данная особенность относится как к «традиционным» окказиональным словам, так и к аббревиатурным окказионализмам. Они и синхронны, и диахронны. Они синхронны, так как создаются «из существующих в системе языка морфем, поэтому они ассоциативно связаны с каноническими словами грамматическими и семантическими отношениями» [9, с. 20], а диахронны «потому, что окказионализмы, будучи фактами чисто речевыми и невоспроизводимыми, в самих актах своего рождения включаются в линейную цепочку временной последовательности других речевых актов – актов, протяжённых во времени» [10].

9. Индивидуальная принадлежность.

Этот признак подразумевает, что окказиональное слово принадлежит конкретному автору. Если говорить об окказиональных сложносокращённых словах и словосочетаниях, то здесь индивидуальная принадлежность весьма условна, так как «создателей» новой аббревиатуры или текстового эквивалента может быть достаточно много. «Говорящий» присоединяет существующие аббреконструкты к словам (для создания сложносокращённых слов), применяет расшифровки аббреконструкта или же создаёт новые дешифровальные стимулы (для создания текстового эквивалента), которые являются нерегулярными, однако даже в этом случае можно встретить значительное количество употреблений. Важно учитывать, что окказиональные сложносокращённые слова и словосочетания не являются индивидуально-авторскими окказионализмами: «Думается, что признак индивидуальной принадлежности имеет смысл рассматривать только по отношению к индивидуально-авторским окказионализмам, т.е. окказионализмам в художественном тексте, поскольку новообразования СМИ и разговорной речи лишены этого признака и функционируют вне связи со своим творцом [9, с. 21]. Например, окказионализм «бродскоголосье» принадлежит конкретному автору – Е. А. Евтушенко («На смерть Владимира Соколова»: *"Кто после нас был? Один Иосиф. / А остальные? Бродскоголосье – / Милые люди или шпана"*). Иная ситуация с аббревиатурными окказионализмами. Так, окказиональное сложносокращённое слово *аллергопаспорт* в поисковой системе встречается 108 раз. При этом «составители» текстов – разные люди, и определить, кому из них принадлежит первенство в «создании» новой аббревиатуры, будет довольно затруднительно: для этого следует выяснить, какой текст был написан ранее.

Таким образом, «традиционные» окказионализмы с аббревиатурными окказиональными словами и словосочетаниями имеют как сходства, так и различия. Прежде всего, следует учитывать, что термин «окказиональный» в теории аббревиации употребляется в значении «малоупотребительный» и что аббревиатурные окказионализмы возникают под влиянием контекста. Создание новых аббревиатур объясняется, во-первых, экономией речевых усилий, а во-вторых, попыткой создать «цельнооформленное слово там, где раньше было лишь описание понятия...» [1] (например, вместо *диета при аллергии* или *гипоаллергенная диета* было использовано сложносокращённое слово *аллергодиета*, которое в текстах интернет-пространства встречается 352 раза, следовательно, мы относим его к окказиональным словам).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д. И. Стилистические особенности буквенных аббревиатур и сложносокращённых слов / Д. И. Алексеев // Вопросы стилистики : тезисы докладов на межвузовской научной конференции. – Саратов, 1962. – С. 44-59.
2. Грищева Е. С. Уровневая системность речевых новаций в современном русском языке / Е. С. Грищева // Филологические науки. – М., 2010. – № 3 (60). – С. 50–56.
3. Емельянова К. Ю. Окказиональные развёртывания абброаффиксоидов в эквивалентных текстах / К.Ю. Емельянова // Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам I Респ. науч.-практ. интернет-конф. студентов и молодых учёных. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. – С. 46–50.
4. Емельянова К.Ю. Окказиональные сложносокращённые слова в деривационно-эквивалентностном подходе / К.Ю. Емельянова // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность: Материалы I Международной научнопрактической конференции (Донецк, 8 февраля 2018 г.) – Ч. 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 32–34.
5. Емельянова К. Ю. Окказиональные эквиваленты аббревиатур в русском языке / К. Ю. Емельянова // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность: VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сборник научных статей. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018 – С. 78–84.
6. Емельянова К. Ю. Ономаσιологические модели окказиональных эквивалентов / В печати // Сборник научных трудов участников II Республиканской очно-заочной научно-практической конференции студентов и молодых учёных «Славистика: новые имена в науке».
7. Емельянова К. Ю. Особенности формирования окказиональной текстовой эквивалентности абброаффиксоидных квазиаббревиатур / К. Ю. Емельянова // Материалы XXII Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ. – 2019.
8. Емельянова К. Ю. Окказиональные презентативные и интерпретативные дешифровальные стимулы абброаффиксоидных квазиаббревиатур / В печати // Материалы I Республиканской студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста».
9. Захарова О. С. К проблеме соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово» / Захарова О. С. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2013. – №3. – С. 16-27.
10. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) : [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов] / А. Г. Лыков. – Москва : Высш. школа, 1976. – 119 с.
11. Масленников Д.Б. Окказионализмы в футуристической поэзии и особенности их функционирования: Дисс. ... канд. фил. наук. — Уфа, 2000.
12. Теркулов, В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. С. 13–25.
13. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.

OCCASIONALITY IN ABBREVIATION: THE EXPERIENCE OF THE COMPLEX DESCRIPTION

The purpose of this article is to describe and compare "traditional" occasional words, that is, those units that are not included in the lexical system of the Russian language and are contrasted with the vocabulary of the active stock, and occasionalisms in the theory of the abbreviation "ELITE". In the course of the study, it was determined that between the two analyzed occasional formations both similarities and differences are found, which helps to understand the features of occasionalisms in abbreviations.

Key words: *abbreviation, compound-abbreviated word, occasionalism, occasional word, occasional phrase.*

УДК 81'42

А.В. Белых

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет

АББРЕВИАТУРНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ

Статья посвящена описанию теоретических и практических принципов описания аббревиатурных наименований лица, образованных способом сложения и аббревиации. Объектом рассмотрения являются сложносокращенные слова, которые понимаются как эквивалент словосочетания, используемые для обозначения лица. В работе описываются различные принципы формирования аббревиатур данной категории слов, изучение этимологизации аббревиатурных наименований лица, различные типы дешифровальных стимулов.

Ключевые слова: *аббревиатура, квазиаббревиатура, гнездо эквивалентности, абброконструкт, дешифровальный стимул, синхронные аббревиатуры, диахронные аббревиатуры.*

Целью статьи является описание теоретических и практических принципов этимологизации аббревиатурных наименований лица, рассмотрение синхронного и диахронного аспектов описания. Для достижения цели в статье поставлены следующие задачи:

- изучить теоретические аспекты лексикографического описания аббревиатурных наименований лица;
- описать различные методики этимологизации аббревиатур аббревиатурных наименований лиц;
- рассмотреть синхронные и диахронные аббревиатуры данного ОК, а также применяемые дешифровальные стимулы.

Актуальность статьи обусловлена динамикой лексического состава современного русского языка, а также потребностью в возникновении наименований новых видов деятельности человека. Исходя из этого, для успешного развития общественных и

производственных отношений необходимо системное изучение моделей образования данного ОК и систематизация новой лексики, используемой для обозначения аббревиатурных наименований лица.

Проблематика синхронного и диахронного аспектов описания аббревиатур исследуется в трудах многих ученых-лингвистов, среди которых Алексеев Д. И., Андропова А. В., Бровец А. И., Лопатин В.В., Теркулов В.И. и многие др.

Понятие «Аббревиатурные наименования лица» подразумевает отдельную лексико-семантическую группу слов в составе языка, использующуюся для обозначения лиц по роду деятельности (лётчик, механик, математик), по занимаемому социальному положению, характеристики и общественным связям (должник, арендатор, бомж) и др. В свою очередь, лексико-семантическая группа понимается как объединение слов одинаковой части речи на основе общего основного компонента значения. Кроме того, в лексикологии существует понятие «ономасиологический класс», которое имеет значение «объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинатов, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом» [Блюмина 2010, с. 55]. ЛСГ аббревиатурных наименований лица можно отнести к ономасиологическому классу «лицо». Данный класс объединяет слова, использующиеся для наименования человека, личности.

Большинство аббревиатурных наименований лица представляют собой сложносокращенные слова. Лингвистический термин «сложносокращенное слово» в широком смысле применяется по отношению к аббревиатурам, которые представляют собой слова с сокращенными основами. Сложносокращенные слова могут быть образованы путём сложения слогов или частей слов (завгар, спецкор, парторг, полпред, комбат), путем сложения усеченной основы первого компонента с полной формой самостоятельного второго слова (*частично сокращённые слова*: помкомроты, армветврач, артдиректор), а также сложением начальных букв (бомж, вип). Наименования лиц, образованные путем сложения слогового сокращения и слова содержат в своем составе абброконструкт. Абброконструкт является частью аббревиатуры и представляет собой сокращенную часть слова (дублет), входящего в состав аббревиатуры.

Лексическографическое описание аббревиатурных наименований лица

Аббревиатурные наименования лица зачастую не получают должного лексического толкования. В словарях сокращений, как правило, приводятся толкования отдельных единиц (абброконструктов), входящих в состав слов данной категории. Лексическое значение сложносокращенных слов, обозначающих аббревиатурные наименования лица, зачастую авторами-составителями словарей игнорируется по причине простой расшифровки путем замены аббревиатуры словосочетанием. Как отмечает В.И.Теркулов: «расшифровки часто недостаточно для понимания значения аббревиатуры». Например, аббревиатура *авиаспециалист* при расшифровке заменой текстовым эквивалентом *авиационный специалист* может обозначать специалиста по авиабезопасности, по авиационной технике, в области авиации и т.д. Однако в реальности это слово имеет более узкую трактовку значения: «специалист по наземному обслуживанию авиатехники – самолётов, вертолётов и т.д.». Кроме того, данная аббревиатура эквивалентна не одному словосочетанию, для неё отмечается гнездо эквивалентности, которое представляет собой совокупность словосочетаний, используемых для применения в роли дешифратора данного наименования лица. Рассматриваемое в качестве примера гнездо эквивалентности включает: *специалист в*

области авиационной техники, специалист в области гражданской авиации, специалист по авиатехнике и др.

Таким образом, существует множественность в расшифровке имеющейся аббревиатуры. Данное явление стало теоретической основой для создания Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов. В него вошли 440 аббревиатурных групп. Словарь создавался в Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации (ЭЛИТА) под руководством В.И. Теркулова. В данной статье представлена эквивалентностная характеристика компонентов некоторых аббревиатурных групп, относящихся к категории аббревиатурных наименований лица.

Методики этимологизации аббревиатур аббревиатурных наименований лица

Аббревиатуры, относящиеся к ОК аббревиатурных наименований лица, несмотря на первичную сходность образования, имеют различия в историческом процессе формирования и, исходя из этого, относятся к различным типам аббревиатур. Например, процесс формирования аббревиатуры на базе имеющегося словосочетания носит название универбализации. Сложносокращенные слова, образованные таким путем, являются аббревиатурами. В то же время возникновению большинства аббревиатур предшествует образование их эквивалентного словосочетания. Этот процесс называется квазиаббревиацией, в ходе которой образуются квазиаббревиатуры (имитации аббревиатур). Для разделения квазиаббревиатур и собственно аббревиатур используются различные методы: хронологическая методика, количественная методика и др.

Хронологическая методика подразумевает установление первичности зафиксированного употребления дешифровального словосочетания или аббревиатуры в контексте временного периода. Данный метод осуществляется с помощью применения различных корпусов русского языка. Например, данная методика не является точной, так как невозможно определить были ли внесены в корпус все источники употребления данной аббревиатурной пары или гнезда эквивалентности, следовательно, невозможно подлинно установить порядок возникновения компонентов исследуемой аббревиатурной группы (пример).

Количественная методика заключается в установлении частоты употребления аббревиатуры и эквивалентного словосочетания. Определяется по способу вычисления отношения частоты употребления слова к частоте употребления словосочетания, которое выражается в балансе индексов. Баланс менее значения 1 указывает на преобладание в устном языке (речи) эквивалентных словосочетаний, более 1 соответственно свидетельствует об обратном. Например, *баланс индексов* равный 100 аббревиатурной пары *авиаагент* и *авиационный агент* указывает на значительное преобладание по частоте использования слова, в отличие от эквивалентного словосочетания.

Синхронные и диахронные аббревиатуры аббревиатурных наименований лица

Как было отмечено, аббревиатуры и квазиаббревиатуры имеют в лексическом составе современного русского языка эквивалентные смысловые словосочетания. В привычном общении носители языка не отмечают разницы между истинными и мнимыми (квазиаббревиатурами) аббревиатурами, воспринимая и те и другие как сложносокращенные слова. Исходя из этого, существует иное разделение аббревиатур на два типа.

В первом случае выделяются аббревиатуры, которые в действительности возникли на основе словосочетаний и являются противопоставляемыми по отношению

к квазиаббревиатурам. Данные аббревиатуры выделяются с помощью диахронного анализа и поэтому носят название диахронных аббревиатур.

Другой существующий тип аббревиатур объединяет как аббревиатуры так и квазиаббревиатуры, то есть все сложносокращённые слова, которые имеют текстовые эквиваленты (словосочетания, раскрывающие смысл аббревиатуры). При этом не учитывается первичность появления слова или словосочетания. Главным признаком данного типа является наличие сложносокращенного слова эквивалентного словосочетания. Данный тип определяется синхронно и соответственно носит название синхронных аббревиатур. Исходя из этого, к синхронным аббревиатурам не относятся сложносокращенные слова, которые не имеют актуального дешифровального словосочетания или имеющие малоупотребляемые синтаксические эквиваленты. Например, аббревиатурное наименование лица *зоотехник*.

Дешифровальный стимул. Дешифровальный стимул представляет собой эквивалентное абброконструкту слово или словосочетание, которое раскрывает или дополняет значение абброконструкта, а также может быть использовано в качестве его замены в эквивалентном словосочетании. Один абброконструкт может иметь множество дешифровальных стимулов. Например, абброконструкт *авиа* имеет следующие дешифровальные стимулы: *авиационный, авиацией, для авиации, авиатехнический, авиационной техники* и др.

В свою очередь для изучения и описания дешифровальных стимулов применяется синхронное описание, которое включает формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

Формально-структурный анализ. Формально-структурный анализ определяет формальную структуру абброконструкта. Данный вид анализа осуществляется в два этапа.

На первом этапе анализа устанавливается форма употребления данного абброконструкта в словосочетании. На этом этапе моделирования применяются символы: у, х, адъект, сущ, предл, а, з. Принцип применения и значение данных символов описано в статье В.И. Теркулова «Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания» / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. – М., 2017. – Серия 9: Филология. – № 6. – С. 73–97.

Например, матрица гнезда аббревиатуры *авиадиспетчер* имеет вид: у-х(ад) - *авиационный диспетчер*, у-(предл)х-а - *диспетчер по авианперевозкам*.

На втором этапе анализа формируется определенная модель формирования аббревиатуры и эквивалентного словосочетания. Операторами данного вида анализа являются грамматические операторы, указывающие часть речи (сущ, прил), операторы номера падежной формы (1,2 и тд.), операторы числового определения (ед, мн). В блоке словосочетания используются операторы указывающие на качество аббревиатуры (Осн, Чосн, Чосн¹ и др.). Значение данных операторов раскрывается в статье В.И. Теркулова «Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания». Например, *авиадиспетчер* – *диспетчер по авианперевозкам*:
Сущ1ед+предл+Сущ3мн(кп) (диспетчер по авианперевозкам) =
Чосн¹Сущ3мн(кп)+Сущ1ед (-предл) (*авиадиспетчер*).

Семантико-ономасиологический анализ. А. И. Бровцом было предложено разграничение двух типов дешифровальных стимулов: презентативный и интерпретативный. Первый тип дешифровальных стимулов представлял собой абсолютный смысловой эквивалент аббревиатуры. Например, *авиаагент* – *авиационный агент*. В свою очередь интерпретативный тип подразумевает

использование в эквивалентном словосочетании дополнительных смысловых оттенков. Например, *авиаагент* – агент *авиаперевозок*.

В свою очередь данное разграничение имеет ряд подразделений и уточнений в определении типов дешифровальных стимулов.

Презентативные дешифровальные стимулы подразделяются на две группы: собственно презентативные дешифровальные стимулы и включенные симультанные дешифровальные стимулы, которые имеют вероятность расшифровать двояко.

Интерпретативные дешифровальные стимулы также подразделяются на два типа. Модификационные интерпретативные дешифровальные стимулы, уточняющие разновидность. Например, *авиапоставщик* – поставщик *авиатоплива*, поставщик *авиационного оборудования*. Например, *авиаперсонал* – персонал *авиации*, персонал для *авиации* или *автограбитель* – грабитель *авто*, грабитель *автомобилей*.

Вывод. Диахронный анализ является последующим после синхронного анализа. Каждый из этих видов анализа позволяет структурно и целостно изучить теоретические и практические принципы этимологизации аббревиатурных наименований лица, образованных способом сложения и аббревиации. На базе синхронного и диахронного подходов, а также использования дешифровальных стимулов и различных форм анализа даёт возможность структурировать и сформировать таблицу эквивалентностной характеристики аббревиатурных групп аббревиатурных наименований лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова // Наука и мир в языковом пространстве. Макеевка, 2016 (а).
2. Грамматика современного русского аббревиатурного языка. М., 1970.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. (ЛЭС).
4. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Вып. 3 (29). Языкознание. Горловка, 2016.
5. Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета серия 9: филология. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

A.V Belykh.

ABBREVIATION OF THE PERSON'S NAMES: SYNCHRONOUS AND DIACHRONIC ASPECTS OF THE DESCRIPTION

The article is devoted to the study of theoretical and practical principles of the description of abbreviated person's names formed by the method of composition and abbreviation. The objects under study are acronyms, which are understood as the equivalents of the word-combinations used to designate a person. The paper describes different principles of the abbreviations' formation of this words category; of abbreviations' etymologization of the person's names and various types of decryption stimulus.

Keywords: abbreviation, quasi-abbreviation, family of equivalence, abbroconstruct, decryption stimulus, synchronous abbreviations, diachronic abbreviations.

**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС АББРЕВИАТУРНЫХ
НАИМЕНОВАНИЙ КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

В статье описываются понятия «ономасиологическая методика» и «ономасиологический класс» на примере ономасиологического класса "косметические средства". Выделены 4 подкласса косметических средств, определены базовые типы дешифровальных стимулов и описаны формальные модели эквивалентности.

Ключевые слова: ономасиологический подход, ономасиологический класс, ономасиологический базис, номинатема, глоссы, универбализационные композиты, дешифровальный стимул, формальные модели эквивалентности, гнездо эквивалентности.

Статья посвящена описанию ономасиологического класса аббревиатурных наименований косметических средств.

Исследование актуально потому, что проблема описания ономасиологического класса не получила еще достаточного освещения в научной литературе. Одним из главных факторов актуальности работы является также необходимость создания методик составления словарных статей для «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка». Определение особенностей ономасиологических классов может быть использовано как основа для создания приёмов прогнозирования эквивалентностных отношений в гнездах эквивалентности сложных слов.

Цель работы состоит в том, чтобы описать формальные модели эквивалентности аббревиатур ономасиологического класса косметических средств. Для достижения указанной цели требуется решить ряд задач:

- 1) уточнить понятие «ономасиологический класс»;
- 2) определить границы ономасиологического класса аббревиатурных наименований косметических средств;
- 3) установить ономасиологические подклассы косметических средств.

Объект исследования – сложносокращённые слова со значением косметических средств. Под сложносокращённым словом (далее – ССС) мы понимаем «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктором (абброконструктором)» [1].

Предмет исследования – ономасиологической структуры сложносокращённых слов, входящих в данный ономасиологический класс.

Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (ЭЛИТА) разграничивает диахронный и синхронный подходы при исследовании аббревиатур. В данной работе осуществляется только синхронный подход. Цели синхронного анализа – установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры. На основе синхронного анализа и была выработана ономасиологическая методика, которая «устанавливает тождественность /

нетождественность ономасиологической структуры сложносокращённого слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом.» [1].

Суть ономасиологического подхода состоит в том, чтобы рассмотреть семантику производного в терминах ономасиологических, понятийных категорий, т.е. изучить способы «отражения в структуре производного общекатегориальных значений, значений кардинальных (основных) частей речи и их разновидностей», а также «подход от значений частей речи и главных номинативных функций этих последних в составе высказывания» [2].

В нашей работе мы используем концепцию В.И. Теркулова. Он считает, что «понятие «номинатема» является базовым для определения ономасиологической природы любой языковой единицы. Номинатема трактуется как основная номинативная единица языка, объединяющая глоссы, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности. Глоссами языковой номинативной единицы мы называем слово, словосочетание или сочетание служебного и знаменательного слов» [3]

Н.А. Дьячок отмечает, что «ономасиологический класс – это объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий» [4].

В.И. Теркулов разработал типологию композитов с точки зрения их ономасиологического статуса. Композиты распределяют на *универбализационные*, являющиеся словесной интерпретацией коллокативных номинатем, *деривационные*, являющиеся базовыми реализациями самостоятельных словесных номинатем и квазикомпозиты, т.е. сложные слова, возникшие в результате искусственного сочетания частей некоторых слов. Нами же рассматриваются ССС, т.е. «эквиваленты словосочетаний, включающие в свой состав *неинициальный абброконструкт*» [1].

В.И. Теркулов делит структуру ОК универбализационных композитов на три яруса, где:

- верхнему ярусу относится общекатегориальное грамматическое значение;
- второй ярус предполагает существование номинатемы в пределах определенной лексико-семантической группы (ЛСГ), которая в свою очередь является лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ);
- третий ярус предполагает распределение номинатем по ономасиологическим моделям [3].

Для нашей работы важны собственные базовые ономасиологические характеристики компонентов класса.

Косметические средства – это специально разработанные химические препараты, которые применяют с целью очищения, защиты кожи от неблагоприятного влияния факторов внешней среды и для поддержания ее в хорошем состоянии. Современная классификация косметических средств для кожи разделяет их на две большие категории: косметика для ухода и косметика для украшения, т.е. декоративная косметика.

Косметика для ухода – это вещества или процедуры, которые выполняют определенные задачи по уходу за кожей. Например: масла, крема, бальзамы, тоники.

Декоративная косметика – это вещества или предметы, которые предназначены для украшения.

Можно выделить следующие подклассы **косметических средств**:

- *косметическое вещество* – это компоненты, которые играют активную роль и оказывают биологическое воздействие на кожу. Ономасиологическим базисом в

данном подклассе являются слова со значением «средства, содержащее вещество». Например, аромабальзам, аромамасло, аромачай, аромаэкстракт;

- *косметическая процедура* – действие по улучшению, расслаблению любого участка тела. Ономасиологическим базисом в данном подклассе являются слова со значением «процедура». Например, аромаванна, аромамассаж, афроплетение, вибромассаж;

- *косметические украшения* – предмет или результат действия, воспринимаемые человеком в качестве гармоничного дополнения к чему-либо или кому-либо с эстетической целью. Ономасиологическим базисом в данном подклассе являются слова со значением украшения. Например, аромокосметика, аромакулон, аромамедальон, афропричёска;

- *косметические приборы* – инвентарь по улучшению. Ономасиологическим базисом в данном подклассе являются слова со значением прибора. Например, аромалампа, аромасвечи, вибромассажёр, вибротренажёр.

Для подкласса «косметическое вещество» были обнаружены следующие ономасиологические базисы: *бальзам*: аромабальзам; *масло*: аромамасло; *чай*: аромачай; *экстракт*: аромаэкстракт.

Для подкласса «косметическая процедура» были обнаружены следующие ономасиологические базисы: *ванна*: аромаванна; *виброванна*; *макияж*: афромакияж; *маникюр*: аромаманикюр; *маска*: аромамаска; *массаж*: аромамассаж; *вибромассаж*; *наращивание*: афронаращивание; *пилинг*: аромапилинг; *плетение*: афроплетение.

Для подкласса «косметические украшения» были обнаружены следующие ономасиологические базисы: *косметика*: аромакосметика; *коса*: афрокоса; *кудри*: афрокудри; *кулон*: аромакулон; *лак*: аромалак; *локон*: афролокон; *медальон*: аромамедальон; *причёска*: афропричёска.

Для подкласса «косметические приборы» были обнаружены следующие ономасиологические базисы: *кресло*: виброкресло; *кровать*: виброкровать; *лампа*: аромалампа; *массажёр*: вибромассажёр; *светильник*: аромасветильник; *свечи*: аромасвечи; *тренажёр*: вибротренажёр.

Существование эквивалентов в гнезде эквивалентности обусловлено наличием у абброконструкта большого числа дешифровальных стимулов. Дешифровальный стимул (далее – ДС) определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта, то есть как слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [1]. Обычно абброконструкт имеет несколько ДС. Множественность ДС у одного абброконструкта обеспечивает возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры.

На первом этапе устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, т.е., собственно, ДС абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), суц – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

В словах, обозначающих «косметические вещества», обнаружено 4 типа ДС. Мы различаем следующие базовые типы ДС:

1. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *ароматизированное масло* – *аромамасло*);
2. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *ароматерапевтическое масло* – *аромамасло*);
3. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *чай с ароматизаторами* – *аромачай*);
4. (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: (у-(предл)х(адъект)-z: *бальзам с ароматическими маслами* – *аромабальзам*).

В аббревиатурах, обозначающих «косметическая процедура», выявлено 6 типов ДС:

1. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *африканский макияж* – *афромакияж*);
2. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *ароматерапевтический массаж* – *аромамассаж*);
3. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *ванна с вибрацией* – *виброванна*);
4. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а: *массаж с аромасламами* – *аромамассаж*);
5. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (у-(предл)х-z(сущ): *массаж с помощью вибраций* – *вибромассаж*);
6. (предл)х(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом: (у-(предл)х(адъект)-z: *ванна с ароматическим маслом* – *аромаванна*).

В словах, обозначающих «косметические украшения», обнаружено 3 типа ДС.

1. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *ароматизированная косметика* – *аромакосметика*);
2. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *ароматерапевтическая косметика* – *аромакосметика*);
3. (предл)х-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (у-(предл)х-z(сущ): *кулон с ароматом чего-л.* – *аромакулон*).

В словах, обозначающих «косметические приборы», обнаружено 4 типа ДС. Мы различаем следующие базовые типы ДС:

1. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): *ароматическая лампа* – *аромалампа*);
2. х-а(адъект) – сложный адъектив (у-х-а(адъект): *ароматерапевтическая свеча* – *аромасвеча*);
3. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: *светильник для ароматизации* – *аромасветильник*);
4. (предл)х-а – сложное существительное с предлогом: (у-(предл)х-а: *свеча с аромасламами* – *аромасвеча*).

Второй этап представляет собой установление модели формальной разновидности эквивалентности для всех эквивалентных пар в пределах гнезда эквивалентности, которая изображает тип условного совпадения элементов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и соединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общие операторы для этих блоков – грамматические операторы, которые

показывают частеречную принадлежность элементов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное). Для указания сложных слов, входящих в словосочетание, применяется оператор «кп». В блоке аббревиатуры прибавляются операторы, которые устанавливают качество аббреквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн1 – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З1 – первый звук основы, Б1 – первая буква основы), ещё оператор «инт», применяющийся когда в аббревиатуре возникает интерфикс. В вариантах, когда при создании аббревиатуры «игнорируются» к-л элементы сочетаний слов, они приводятся в скобках после знака «-».

Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему дешифровальной матрицы.

Для подкласса **«косметические вещества»** обнаружено 5 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Модели, реализующие схему Прил1ед+Сущ1ед: *ароматизированное масло* ;
2. Прил1ед(кп)+Сущ1ед: *ароматерапевтическое масло*;
3. Сущ1ед+предл+Сущ5ед: *чай с ароматизатором*;
4. Сущ1ед+предл+Прил5ед+Сущ5мн: *бальзам с ароматическими маслами*;
5. Сущ1ед+предл+Сущ5ед+Местоим2: *экстракт с ароматом чего-л*;

Для подкласса **«косметическая процедура»** обнаружено 8 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: *африканский макияж*;
2. Сущ1ед+предл+Сущ5ед+Сущ2мн: *массаж с помощью вибраций*;
3. Сущ1ед-Сущ5мн(кп): *массаж с аромамаслами*;
4. Сущ1ед+предл+Сущ5ед: *ванна с вибрацией*;
5. Сущ1ед+предл+Сущ5мн: *пилинг с аромамаслами*;
6. Сущ1ед+предл+Прил5ед+Сущ5ед: *массаж с ароматическим маслом*;
7. Сущ1ед+Сущ5ед(кп): *массаж вибромассажёром*;
8. Сущ1ед+предл+Сущ5ед+Местоим2: *массаж с ароматом чего-л*.

Для подкласса **«косметические украшения»** обнаружено 3 модели формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: *африканский локон*;
2. Прил1ед(кп)+Сущ1ед: *ароматерапевтическая косметика*;
3. Сущ1ед+предл+Сущ5ед+Местоим2: *медальон с ароматом чего-л*.

Для подкласса **«косметические приборы»** обнаружено 4 модели формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: *ароматическая лампа*;
2. Сущ1ед+предл+Сущ2мн: *светильник для ароматизации*;
3. Прил1ед(кп)-Сущ1ед: *ароматерапевтическая свеча*;
4. Сущ1ед+предл+Сущ5мн(кп): *свеча с аромамаслами*.

Вывод. В нашей работе мы рассмотрели ономаσιологический класс сложносокращённых слов со значением «косметические средства». В первых 2-х томах «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» нами было выявлено 29 ССС, которые относятся к ОК со значением косметических средств. В подклассе со значением «косметическая процедура» было выявлено 10 ССС и 6 типов ДС. В рассмотренных ССС ономаσιологического базиса «косметическое вещество» выявлено 5 моделей формальной разновидности эквивалентности, в

остальных ономаσιологических базисах со значением «косметическая процедура» – 8, для базиса «косметические украшения» – 3, для базиса «косметические приборы» – 4.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – 2017. – №6. – С. 73-97.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с
3. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дис. д-ра филол. наук: 10.02.02 / Теркулов В. И. – Горловка, 2008. – 472 с.
4. Дьячок Н.В. Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономаσιологическое описание / Н.В. Дьячок // Дисс. д-ра филол. наук: 10.02.02. – Киев, 2015. – 522 с.

Ja.A.Nikolishina

ONOMASIOLOGICAL CLASS OF ABBREVIATION NAMES OF COSMETIC MEANS

The article describes the concepts of “onomasiological method” and “onomasiological class” by the example of the onomasiological class “cosmetic products”. Four subclasses of cosmetics have been identified, basic types of deciphering stimuli have been identified, and formal equivalence models have been described.

Key words: *onomasiological approach, onomasiological class, onomasiological basis, nominatema, glosses, universalization composites, deciphering stimulus, formal equivalence models, equivalency cluster.*

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 81'42

Н.В. Свешникова

*ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

В статье рассмотрены литературные прецедентные феномены, представленные в заголовках современной российской прессы. Выявлены типы источников прецедентов в сфере художественной литературы, наиболее востребованные СМИ имена авторов и литературных текстов, актуальные для современного развития общества литературные прецедентные высказывания.

Ключевые слова: *СМИ, прецедентный феномен, прецедентное высказывание, художественный текст.*

Роль СМИ, воздействующих на разум и чувства человека и отражающих, по словам Е.А. Земской, «все то хорошее и плохое, что свойственно нашей действительности» [5, с. 157], по-прежнему огромна в современном обществе. К тому же развитие русского литературного языка в немалой степени связано со многими процессами, происходящими сегодня в языке СМИ, представляющем весьма своеобразное явление, к которому интерес лингвистической науки не ослабевает [4; 11; 12; 16].

Язык российской прессы конца XX – начала XXI века существенно изменился: в нем прослеживается ярко выраженная тенденция к субъективизму, оценочности и экспрессивности. «Современные СМИ отличаются стремлением к индивидуальному («фирменному») стилю, экспрессивностью, нередко граничащей с карнавальностью, и раскрепощенностью» [14, с. 42]. Это проявляется в использовании очень широкого круга единиц, способных привлечь внимание читателя, эмоционально воздействовать на адресата, сформировать необходимую автору оценку.

Одним из таких средств, создающих особую экспрессию и оживляющих публицистический текст, в российском медиадискурсе являются прецедентные феномены, обладающие свойством всеобщей узнаваемости и ненужности комментирования в рамках одного национально-культурного менталитета [6]. Культурная информация, которая содержится в этих единицах в свернутом виде, актуализируется в сознании читателя и не требует детального авторского разъяснения в тексте статьи. По словам В.В. Шутовой, «это явление, созданное автором, с целью расширить границы понимания, восприятия текста, обозначить связь между текстами, полностью раскрыть смысл текста в диалоге с другими авторскими позициями» [15, с. 124]. Способность читателя узнавать прецедентные высказывания в тексте помогает понять ему дополнительные авторские смыслы, переданные с их помощью.

На сегодняшний день прецедентность – важнейшая черта российской публицистики. Использование журналистами прецедентных феноменов не ограничивается только текстом статьи, они являются очень распространённым приёмом построения заголовков публикаций в широком круге печатных изданий. Источниками

прецедентных текстов выступают самые разные сферы (реклама, кино, искусство, фольклор, афоризмы, лозунги и проч.), среди которых особое место занимает художественная литература. В отечественной науке не раз высказывалось мнение о том, что для российского лингвокультурного сообщества эта сфера относится к числу наиболее значимых, т.к. русской культуре присуща литературоцентричность (О.С. Боярских, Д.Б. Гудков, И.В. Кондаков, В.В. Красных, Е.А. Нахимова и др.) [1; 3; 8; 7; 10]. Как пишет И.В. Кондаков, «метаисторическим» свойством русской культуры является «ее *литературоцентризм*, т.е. тяготение всей русской культуры по преимуществу к литературным формам самопрезентации» [9].

По нашим наблюдениям, прецеденты из литературных источников представлены не в равной мере по разным печатным изданиям, что, обусловлено, вероятнее всего, их адресованностью, т.е. направленностью на определенную категорию читательской аудитории. В этом, в частности, проявляется характерная для современной прессы «ориентация на создание, культивирование языковой специфики отдельных изданий» [13, с. 243]. Как показывает анализ материала (период с 2012 по 2017 гг.), наиболее востребованы прецедентные феномены (в заголовочной позиции) в современных серьезных информационно-аналитических изданиях, адресованных преимущественно образованному читателю (читающему сообществу), способного, по замыслу издателя, адекватно воспринять информацию и понять те коннотации, которыми автор дополняет содержание статьи (например, журнал «Итоги», газеты «Коммерсант-Власть», «Новая газета», «Независимая газета» и др.). Их исследование показало, что в число цитируемых входят произведения как отечественной (70 % ед.), так и зарубежной литературы (30 %). Более всего используются прецеденты из русской классической литературы, входящие в базовый культурный фонд. Они представлены разными видами текстов – прозаическими, поэтическими и драматическими, которые значительно уступают первым двум (их соотношение: 42 % – 38 % – 20 %). В числе авторов, цитируемых журналистами, – Н.Г. Чернышевский, А.Н. Островский, И.А. Крылов, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Ф.И. Тютчев, Н.А. Некрасов, В. В. Маяковский, А.А. Ахматова, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, А.И. Солженицын и др.

В качестве прецедентов авторами публикаций используются как названия художественных произведений, так и строки из них. Нередко прецедентные высказывания выступают в своей исходной форме: *Отцы и дети; Что делать?; Бедность не порок; Униженные и оскорбленные; Собачье сердце; Мне каждый вечер зажигает свечи...; Лошадиная фамилия; Герой нашего времени; А вы, друзья, как ни садитесь...; И сказал Айболиту Барбос...; На холмах Грузии лежит ночная мгла; Продлись, продлись, очарованье.*

Но более всего в периодических изданиях распространены трансформированные прецеденты, когда автор по своему желанию творчески перефразирует цитируемые высказывания, сливая их с текстом: *Кому на Руси жить плохо; А судьи где?; Герой нового времени; Дым отечества им сладок и приятен; Давайте делать паузы в скачках...; Самое дорогое для человека – его дом; Продажа ГУМа: а был ли мальчик?; Судьба недоделанного «Человека»; Двенадцать стульев, или Подайте бывшему депутату Государственной думы; Тринадцать стульев Америки.* Подобные высказывания, представляющие собой разные варианты авторских трансформаций, составляют около 60 % всех единиц.

Очень востребованным журналистами из поэтического наследия классической русской литературы является творчество А.С. Пушкина. Причиной тому – большая известность писателя среди всех поколений российских читателей. Главным образом,

используются самые узнаваемые цитаты из его произведений, многие из которых являются хрестоматийными: *Выпьем, няня!; И славен буду я...; И милость к падшим призывал; Что в имени тебе моем...; Чего тебе надобно, старче?; Свет мой, зеркальце...; Смысла я в тебе ищу; Под жужжанье своего веретена*. Их узнаваемость читателем очень высока, даже если исходный текст изменяется в соответствии с замыслом автора: *Я памятник себе... купил; Отель по небу гуляет; Во глубине античных руд; Отсель ходить мы будем к шведу; Кто на свете всех моднее?; Друзья, ужасен ваш союз!* и др.

Репертуар пушкинских текстов, которые выступают как источники прецедентов для авторов публикаций, широк и включает в себя произведения разных жанров: стихотворения, поэмы, сказки, повести, пьесы, романы. Особой популярностью у авторов пользуется роман «Евгений Онегин», строки из которого часто выносятся в заголовки текстов: *Из кельи восковой; Москва. Как много; Я к вам пишу - чего же боле...; Мы все учились понемногу...; Татьяна, русская душою; Я вам пишу...; Уважать себя заставил; Та самая Татьяна*.

Наряду с А.С. Пушкиным к числу востребованных у журналистов относятся произведения В.В. Маяковского, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, И. Ильфа и Е. Петрова, А.Н. Островского, М.А. Булгакова, М.А. Шолохова и некоторых других: апелляции к ним в СМИ наиболее частотны и разнообразны. В роли прецедентных высказываний берутся, как правило, общеизвестные фрагменты текста из этих произведений, ставших культовыми и знакомых каждому человеку, выросшему в русскоязычном обществе: *Светить всегда!; Светить везде!; Он русский бы выучил...; Валютная биржа: "Антракт, негодяи!"; ФПАД: Это нас арестовывать идут; Сдавайте валюту!; Нехорошая квартира; Рукописи не горят; Рукописи не молчат; Пошла писать губерния; Какой русский не любит быстрой езды?* и др.

Кроме цитат, средством реализации прецедентности в тексте выступают также сами названия литературных произведений этих писателей и поэтов, которые журналисты, «вплетая» в ткань создаваемого текста, чаще всего преобразуют, тем самым дополняя их новым смыслом. Например, в СМИ неоднократно встречаются такие названия художественных произведений, как «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (*С кем вы, Мастера и Маргариты?; Мастер и Мариинка; Мастер и Орестия*), «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского (*Преступление и наказания; Наказание без преступления; Преступление и награждение*), «Прозаседавшиеся» В.В. Маяковского (*Отзаседавшиеся; Подзасидевшиеся; Проторговавшиеся*), «Судьба человека» М.А. Шолохова (*Судьба человека; Судьба недочеловека; Судьба недоделанного «Человека»*).

Особенностью использования прецедентных высказываний из зарубежной литературы является то, что в основном цитируются названия художественных текстов и мало используются фрагменты из них. Такой принцип отбора прецедентных высказываний обусловлен, скорее всего, опасением коммуникативного сбоя из-за неуверенности журналиста в том, что имеющегося знания о прецеденте у адресата достаточно. И не случайно поэтому из зарубежной литературы в СМИ востребованы только те тексты, которые имеют большую известность в России: например, «Старик и море» Э. Хемингуэя (*Старик и море; Старик и горы; Пловец и море*), «Много шума из ничего» У. Шекспира (*Много дыма из ничего; Все из ничего; Много моды из ничего; Много шума из ничего*), «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса (*Сто лет одиночества; Сто тысяч лет одиночества; Сто лет не одиночества*), «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея (*Ярмарка злословия, Ярмарки арт-тщеславия*), «Трое в лодке, не считая

собаки» Джерома К. Джерома (*Трое в лодке; Двое в лодке, не считая рубля; Трое в лодке, не считая кролика*) и др.

В современных российских СМИ выявляется круг произведений зарубежных авторов, чаще других используемых как источник для цитирования. К ним, в частности, относятся названия таких литературных текстов, как роман «Блеск и нищета куртизанок» О. де Бальзака (*Блеск и нищета пенсионеров; Блеск и нищета кандидатов; Блеск и нищета американской мечты*), роман «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя (*По ком звонит Биг Бен; По ком звенят медали; По ком звонит телефон?; По ком звонит Lurrie Bell*) и др., которые встречаются на страницах печатных изданий в разных своих вариантах в качестве заголовков публикаций.

Следует заметить, что некоторые названия произведений зарубежной литературы стали известны русской аудитории благодаря их экранизации. Так произошло, например, с романами М. Митчелл «Унесенные ветром», Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец: Братство кольца», Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом». Однако не исключено, что многие читатели, встречая в СМИ заголовки *Унесенный эфиром, Принесенные ветром, Унесенная Сетью, Унесенные гляncем, Охранники колец, Властелин словес, Братство колец, Братство кулака, Пролетая над гнездом Михалкова, Пролетая над гнездом*, ассоциируют эти заголовки с названием киноленты, а не с художественным произведением.

В число источников прецедентных высказываний в СМИ входит также детская литература: народные и авторские сказки, стихи известных детских писателей – как русских, так и зарубежных (со значительным преобладанием первых: 80% и 20% соответственно). Цитируемые произведения, как и в случае с «литературой для взрослых», – это общеизвестные детские тексты, знакомые российскому читателю с дошкольного возраста, например: «Чук и Гек» А.П. Гайдара, «Муха-Цокотуха», «Мойдодыр» К.И. Чуковского, «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А.Н. Толстого, «Волшебник Изумрудного города» В.М. Волкова, «Красная шапочка» Ш. Перро, «Чиполлино» Дж. Родари, «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, «Вредные советы» Г.Б. Остера и др.

Прецедентные высказывания, вышедшие из текстов детской литературы (*Пошла муха на базар, а базара уже нет; Скорее мертв, чем жив; Больной скорее невиновен; Чук и Гек спешат на помощь; Алиса из страны чудес; Волшебник Изумрудного острова; Белая шапочка и серый волк; Неспящая красавица; Невредные советы; А немытым трубочистам...; Вдруг откуда ни возьмись; Всех излечит, исцелит; Не ходите, дети...; С тонкой сумкой на ремне*), легко узнаваемы и потому способствуют пониманию нового текста, тех коннотаций, которые с ним связаны и обусловлены тем прецедентным феноменом, который стоит за ним.

Особо популярными прецедентными высказываниями из детской литературы являются цитаты из стихотворений К. Чуковского: *Как на пишущей машинке; У меня зазвонил телефон; Ох, нелегкая эта работа...; Будет, будет детвора веселиться до утра; Вдруг откуда ни возьмись...; А за ним комарики...; Вдруг из подворотни...; Рыжий и усаый...; Рано утром, на рассвете...; Не ходите, дети... и др.*

Активно используется журналистами СМИ в качестве текста-источника название английского стихотворения в переводе С.Я. Маршака «Дом, который построил Джек». Авторы публикаций, прибегая к различным типам трансформации, довольно часто размещают этот прецедент в заголовочной позиции: *Дом, который построил...; Дом, который...; Дом, который построил шейх; Дом, который построил Букингем; Дом, который построил президент; Холдинг, который построит Кремль.*

Необходимо отметить высокую популярность в СМИ с начала 2000-х годов прецедентов, которые восходят к книгам английской писательницы Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Журналистами создаются разнообразные заголовки, представляющие собой трансформированные названия книг об этом герое: *Гарри Поттер и узники Гуантанамо*; *Гарри Поттер и «двойники»*; *Гарри Поттер и нетерпеливые переводчики*. Особенно активно используется для заголовков в публицистике имя главного персонажа: *Все надежды на Иисуса Христа и Гарри Поттера*; *Хоббиты против Гарри Поттера*; *Гарри Поттер в юбке*; *Русский Гарри Поттер*.

Прецеденты, пришедшие из русских народных сказок, – это в основном сказочные языковые формулы, не имеющие связи с каким-то определенным текстом и подвергшиеся авторской переработке: *Жили долго и счастливо*; *Да в ней намёк*; *Жила-была Венера*; *По суекам*; *Жил-был...*; *Полцарства за...*; *К лесу – задом, к зрителю – передом* и др.

Таким образом, тексты художественной литературы как источник прецедентности относятся сегодня к числу значимых для формирования массово-информационного дискурса. Прецедентные феномены, являясь важными элементами каждого национального культурного пространства, отражают не только исторические, культурные представления лингвокультурного сообщества, но и литературные.

Изучение литературных прецедентных феноменов, используемых в СМИ, позволяет «определить ту сферу фоновых знаний, в которую оказывается погруженным адресат соответствующих текстов» [2, с.132], выявить значимые для современного российского лингвокультурного сообщества произведения художественной литературы, актуальные для данного культурно-исторического периода прецедентные феномены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» с дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. – русский язык / Боярских Оксана Сергеевна – Нижний Тагил, 2008. – 24 с.
2. Быкова Л.В. Сферы-источники прецедентных феноменов, связанных с немецкой культурой, в российских СМИ // Л.В. Быкова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. – № 101. – С. 131-135.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003 (6). – 288 с.
4. Добросклонская Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов / Т.Г. Добросклонская // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 3 – С. 38-54.
5. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Е.А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М.: Наука, 1996. – С. 101-106.
6. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.
8. Кондаков И.В. Антропология русской словесности: литературоцентризм / И.В. Кондаков // Современные трансформации российской культуры – М.: Наука, 2005. – С. 394-403.

9. Кондаков И.В. От Логоса – к «Глобусу» (Еще о русском литературоцентризме) / И.В. Кондаков. – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/74636>
10. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е.А. Нахимова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – Т. 13. – С. 166-174.
11. Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50-90 гг.: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. / – Семенец Ольга Павловна. – СПб, 2004. – 24 с.
12. Сметанина С.И. Медiateкст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С.И. Сметанина – СПб., 2002. – 383 с.
13. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 568 с.
14. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
15. Шутова В.В. Проблема определения «интертекстуальности» в отечественном литературоведении // В.В. Шутова // Текст. Произведение. Читатель: материалы междунаро. науч.-практ. конференции. – Пенза-Казань-Решт: Науч.-издат. центр «Социосфера», 2012. – С. 120-125.
16. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке: [монография / Т.Г. Ашуркова, Г.П. Байгарина, Е.Г. Борисова и др.]; под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, 2011. – 331 с.

N.V. Sveshnikova

LITERARY TEXTS AS THE SOURCE OF PRECEDENCE IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA

The article deals with the precedent phenomena from literature in the titles of the modern Russian media. The types of sources in the sphere of belles-lettres, the most popular in media names of authors and texts, precedent statements actual for modern social development were defined.

Key words: media, precedent phenomena, precedent statement, literary texts.

УДК 81'42

А.С. Марченко

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. к.филол. н., доц. Н.П. Курмакаева)*

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ В ПОЭЗИИ ДОНЕЦКИХ АВТОРОВ

В статье рассматривается регионально отмеченная образность в произведениях донецких поэтов. В современной лингвистике образность языка рассматривается как изображение объектов литературной перцепции путем реализации возможностей художественной речи. Актуальность исследования заключается в том, что язык произведений донецких поэтов как носителей региональной словесной образности ещё

не становился объектом и предметом научного изучения. Выявлены приемы и способы передачи региональной образности в языке поэтов Донбасса.

Ключевые слова: *донецкий региолект, идиостиль поэта, региональная образность, тропеическая и нетропеическая образность.*

Одним из необходимых атрибутов поэтического произведения является образность. В современной лингвистике образность языка рассматривается как изображение объектов литературной перцепции (восприятия) путем реализации возможностей художественной речи, например, словесных образов, а именно: метафоры, олицетворения, эпитетов и других средств.

Однако сама стилистическая категория «образность» является сложной и неоднозначной. Так, А.П. Сковородников в составе лингвоэстетической категории образности выделяет образность «**тропеическую**, основанную на употреблении слов и выражений в переносном значении», и образность «**нетропеическую**, сопоставимую с понятием автологии» [11, с. 377]. Поэтическому произведению, безусловно, больше присуща тропеическая образность, т.е. такая изобразительность речи, которая достигается путем употребления слов в переносном значении. Однако образность и селективного характера, которая достигается через особый подбор, расстановку, акцентуацию слов и выражений в тексте, имеет место в поэтической картине мира, и это нельзя не учитывать.

Для того чтобы передать в произведении реальный или вымышленный мир, автор прибегает к словесному образу как «способу освоения и преобразования действительности» [14, с. 252].

Само слово для поэта является инструментом выражения его чувств и мыслей наглядно, т.е. через использование художественных возможностей слова - его звучания, многозначности, необычной сочетаемости, места в контексте, символизации. Следовательно, художественный образ мы понимаем как центральное стилистическое средство произведения, как результат поэтического речевого мышления. Обычное слово у поэта вовлекается в общую эстетическую организацию речи и наполняется новыми смыслами, коннотативными и эмоционально-экспрессивными компонентами, а еще «как средство материализации образного смысла становится элементом идейно-художественного целого, оказывается способным передавать глубокое содержание [6, с. 601]», например, у Анны Ревякиной читаем:

*У Мариш дрожат колени,
над Марией молчит луна
коногонкою в небе буром –
немигающий глаз отца [10, с. 7],*

где простой предмет шахтерского снаряжения *коногонка* становится символом света и надежды.

Таким образом, для создания образности речи важными являются стилистические приемы, которые наиболее значимо проявляют себя в поэтическом тексте. При чтении стихотворения через сознание читателя проходят строки, которые несут определенное эмоциональное и интонационное содержание и рисуют различные картины, составляющие единый образ [12, с. 7], картину мира.

А.А. Потебня считал, что поэзия всегда иносказательна. Слово в поэтическом произведении утрачивает, как правило, свою однозначность, в нем не всё можно прочесть буквально. Прибегая к различным средствам словесной образности, поэты реализуют свой поэтический замысел, создавая художественно-поэтический образ в своих творениях. Чаще всего используются различные тропы, благодаря которым

можно вызывать эмоции и ассоциации у читателя. «Троп (греч. tropos — оборот) — употребление слова (высказывания) в переносном значении» [9, с. 80]. Следовательно, функция тропов — образная, а также декоративная (эстетическая), так как образность в литературном произведении всегда должна быть эстетически оправданной. Вот как, например, родной край манифестируется колоритной речевой тропеичностью у Владимира Калиниченко:

Антрацитный, коксовый, чугунный

Край ты мой, звенящий на заре!

Золотое колесо фортуны

Крутится на стареньком копре...

В этом плане, на наш взгляд, особого внимания заслуживает поэзия, рождающаяся в регионах огромного русского пространства, отражающая реалии, события, настроения, оценки действительности в русле так называемой региональной языковой картины мира. Любопытно вскрыть средства словесной образности местных поэтов как стилистические ресурсы общенационального языка, находящиеся на его периферии, но становящиеся ключевыми словесными знаками в языке конкретного поэтического произведения. Важно понять, что именно на них опирается авторская мысль в стремлении оптимально воплотить замысел, передать целостный поэтический образ, точную оценку и глубокую содержательную нагрузку в линейном разворачивании речи. В таком ракурсе поэтическое творчество донецких авторов еще не изучалось. В реализации сказанного видим актуальность данного исследования.

Цель статьи – выявить специфику и характер региональной образности в поэзии донецких авторов. **Объект исследования** – поэтические тексты донецких поэтов, **предмет** – способы письменной вербализации региональной образности в поэзии Донбасса и особенности авторского мировидения.

Заявленное выше требует от нас обращения к еще одному проблемному понятию – региолекту, или языку, отмеченному региональной спецификой. Согласно утверждению А.С. Гердта, **региолект** – это «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Эта форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и посёлки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса» [3, с. 23].

В понятие «регионального», как известно, заложено обстоятельство локализации определенного жизненного пространства конкретными природно-географическими условиями и относительная внутренняя завершённость благодаря оформившимся здесь особым культурным традициям. Например, исследователь А. Кармин выделяет пласт региональных культур и характеризует их как «...надэтнические общности, которые складываются в определённом географическом ареале и на протяжении долгого исторического времени сохраняют свою специфику» [5, с. 272]. При этом, как отмечает исследователь, «регион может совпадать с национальной культурой, но, как правило, представляет конгломерат различных культур, созданных несколькими народами, населяющими регион...» [там же].

В монографии «Донецкий региолект» В.И. Теркулов приходит к выводу, что «региолект – это не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а **определённая регионально маркированная организация всего языкового пространства региона**» [2, с. 17]. Происхождение донецкого региолекта он связывает с взаимодействием «на территории позднего

заселения языков и наречий мигрантов» [там же, с. 21] и относит его к типу диффузных региолектов. Все эти нетипичные для диалектных региолектов России явления мы можем обнаружить не только в обыденной речи дончан, но и в поэтических текстах.

В первую очередь это нашло отражение в шахтёрском фольклоре:

Шахтёр гнёт дугою спину

И клянёт свою судьбину.

*Шахтёр рубит **обушком**,*

*Бьёт **балдой** и молотком.*

Или:

***На Донбассе** мы с милочком*

*Уголек **рубали**,*

*Купили **хату** у **ставочка**,*

*Зажили как **баре**.*

Обычно за этими процессами обнаруживают региональную языковую личность со своим жизненным опытом, образом мысли, которые накоплены её предками, вылились в региональную языковую картину мира и отпечатались в речи местных жителей в виде особенных словечек, выражений, фразеологии, паремий. Трансляторами региолектных явлений в языке нередко становятся писатели и поэты. Так рождается неповторимая региональная образность в поэтических произведениях донецких поэтов. Например, у Ивана Волосюка читаем:

Кто сказал, что поэзия – это игра,

Полумир полутьмы, полусна, полусвета,

Сколько нужно породы поднять на-гора,

***Чтоб пошёл тяжело караван вагонеток?** [1, с. 6].*

Приведем ещё строчки из поэмы «Шахтерская дочь» Анны Ревякиной:

Это поле – ржавчина старых битв.

Что посеет ветер степей разъятых?

Террикон лежит, словно мертвый кит,

облака плывут, облака из ваты. [10, с. 31].

Для Донецкого региона важнейшим является шахтёрский труд. О нем писали не только классики русской литературы. В современной поэзии есть много лирических размышлений о тяжести его и романтике одновременно. Удивительным образом поэтам удаётся "породнить" пласты угля и пласты духовности. Так, В. Калиниченко метафорически передаёт нам новое содержание, которым наполняется слово – **пласты**: «Работа наша, в общем-то, проста: ждут уголь на-гора, не размышления. /И мы берем, что можно взять с **пласта**, / не нарушая паспорта крепления». Автор олицетворяет его, рассуждая о его «характере», который «как человек: сегодня щедр, завтра же прижимистей главбуха, но главное – бессмертен, как Кощей» и с которым «каждый день – борьба. И – кто кого». Вывод автора показан нам безупречно простым: «И там, на дне рискованного колодца, / В самих себе мы открываем **пласт**. / Он у людей характером зовётся» [4, с. 91]. Шахтерский термин *пласт* метафоризируется с человеческим характером.

Для Алисы Федоровой Донбасс является Атлантидой, отдельным государством со своей культурой и традициями. И автор рисует совершенно своеобразный портрет хранителей Донбасса – шахтеров:

«Просыпайся, моя бедная

неприкаянная Атлантида.

Тебя заклинают в недрах твоих

Шахтеры-шаманы, в зубах варганы» [13, с. 89].

А далее по тексту медицинский термин *лёгкие* автор обыгрывает дважды, обогащая региональную картину мира:

*«Ох, я бы пела твои песни
Во все гигантские лёгкие шахт.
Только вдохни, пожалуйста, воздух –
И тысячи лёгких с тобой в такт»* (А.Федорова).

Сначала метафоризирует: *лёгкие шахт* в значении «вентиляционные сооружения, подающие воздух в шахту», а затем метонимизирует в сочетании с гиперболизацией (*тысячи*), где *тысячи лёгких* означает «все, спустившиеся в забой шахтеры».

Еще один донбасский поэт А. Кравченко в стихотворении «Мои земляки» так образно, с использованием колоритной метафоры регионального толка рисует свою «малую родину» на фоне других, более привлекательных для посещения регионов:

*«Мой край другими звуками богат,
И назначенье у него другое:
Его глубинный пламенный агат
Гремит особым - угольным прибором.
К нему не отдых нас влечет, а труд,
Стихия векового поединка.
Гроздь антрацита. Сотни солнц живут
В ее одной спрессованной пылинке.»* [8, с. 307].

Одна из разновидностей донбасского угля – антрацит. И его постоянно обыгрывают поэты нашего региона. Так, в одном из своих стихотворений В. Калиниченко проводит сравнение жизни человеческой с антрацитом:

*«Что – время?
Мудро Бог молчит,
А черт ответа сам не знает.
Жизнь, словно в топке антрацит,
Отдав энергию, сгорает».* [4, стр. 82].

А поэт Елена Заславская в стихотворении «Чёрный хлеб» символически, штрихами как бы набрасывает картину самого процесса добычи угля-антрацита, называя забой, откуда его достают, преисподней:

*«Как антрацит – наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней».* [13, с. 89].

В ее стилистике проступает селективная (нетропеическая) образность, и это создает неповторимую поэтическую ауру.

Одна из деталей языкового воплощения особого отношения жителя Донбасса к плоду его и его предков непосильного, тяжелейшего труда – это слово-дими́нүтив *уголёк*. Надо подчеркнуть, что в устах угледобытчика оно звучит совершенно по-иному, чем в речи человека из другого региона. В региональном тексте наблюдается некоторый семантический сдвиг в этой лексеме: за дими́нүтивной формой кроется не обычное в таких случаях уменьшительно-ласкательное значение, а сема положительной оценки. На прагматическом уровне эксплицируются уважение, благодарность, выражение высшей похвалы и значимости, на культурологическом проступают народно-фольклорные мотивы [7, с. 354]. Особенно заметно это в частушках:

*Паровоз пары пускает
И сигналы подаёт.
Милый уголёк рубает,
По три нормы выдаёт.*

Но и современные поэты не обходят эту ключевую для региона лексику:

Металл, пролившийся, мрак полночный губит.

Метан, взгремев, сжимает страхом губы...

Здесь уголек замешан на крови,

А человек извечно – на любви.[8, с.344]

Как видим, поэтический **идиостиль** певцов Донбасса необычен и уникален, в нем вербализуется концептуальная картина шахтерского мира как через множественную тропеичность, так и через нетропеическую образность. Особенной выразительности творец достигает при совмещении различных средств словесной образности (и тропеических, и нетропеических, селективных):

*Сдается нам **земная твердь**.*

*Мы **рубим** в недрах уголь **пламенный**.*

*Нас каждый день **уносит клеть***

*Из **века атомного** в **каменный**.*

*Пути **шахтера** не просты.*

*Мы **пробиваем лавы** длинные*

*И **поднимаем не пласты**,*

***а солнца залежи целинные**.*

*И поминутно **у копра***

*По рельсам **гулким** и **обкатанным***

Оно выходит на-гора

*Из **века каменного** в **атомный**.* (В. Демидов. Шахтеры)

Таким образом, проблема региональной образности в идиостиле местных поэтов возникает одновременно с проблемой изучения региолекта как предмета лингвистических исследований. А её разработка повлечет за собой необходимость вскрыть уникальность региональной личности донецкого поэта. А поскольку «региональная языковая личность – величина далеко не периферийная, и ее изучение и постижение как целостной категории представляется важной лингвистической задачей в современном лингворегионоведении» [2, с. 135], то и затронутая нами проблема регионально отмеченных средств словесной образности имеет перспективу развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волосяк И.И. Вторая книга. Стихи. / И.И. Волосяк. – Донецк: АОЗТ «Изд-во «Донецчина», 2007. – 64 с.
2. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Изд-во ООО «НПП» Фолиант», 2018. – 265 с.
3. Гердт. А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Гердт. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2001. – 488 с..
4. Калиниченко В. Стихотворения и поэмы, маленькие эссе, исторические новеллы, повесть-гипотеза / В. Калиниченко. - К.: Этнос, 2008. – 400 с.
5. Кармин А.С. Основы культурологии. Морфология культуры: учеб. пособие / А.С. Кармин. – СПб: Лань, 1997. – 272 с.
6. Кожина М.Н. Художественный стиль речи / М.Н.Кожина, Е.А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н.Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 594–608.

7. Курмакаева Н.П. Региональная языковая личность: взгляд из Донбасса / Н.П. Курмакаева // Сталинградская гвоздика : сб. м-лов междунар. конф. / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Вып. 3. – Волгоград : Фортесс, 2018. – С. 350–358.
8. Литература родного края: Хрестоматия для учащихся 5–11 классов/ Составители: Г.Н. Король, Л.В. Мельникова, Н.А. Коняшина, В.Н. Пеньков, Т.А. Верланова. – Донецк: Истоки, 2018. – 505 с.
9. Мещеряков В.П. Основы литературоведения / Мещеряков В.П. — М., 2003. — 416 с.
10. Ревякина А.Н Шахтерская дочь. Поэма /А.Н. Ревякина. – Харьков, 2016. – 56 с.
11. Сковородников А.П. Образность / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 377–379.
12. Фридлендер Г.М. О некоторых проблемах поэтики сегодня // Исследования по поэтике и стилистике: сборник. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – С.5-36.
13. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014-2015 годов: сборник стихов. М.: Издательство «Перо», 2015. – 112 с.
14. Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь, 1987. – 252 с.

A.S. Marchenko

SPECIFICITY OF REGIONAL IMAGERY IN THE POETRY OF DONETSK AUTHORS

The article deals with the regionally marked imagery in the works of Donetsk poets. In modern linguistics, the figurativeness of language is considered as an image of objects of literary perception through the realization of the possibilities of artistic speech. The relevance of the study lies in the fact that the language of the works of Donetsk poets as carriers of regional verbal imagery has not yet become the object and subject of scientific study. The identified techniques and methods for the transfer of regional imagery in the language of the poets of Donbass.

Key words: *Donetsk regionolect, poet's idiostyle, regional imagery, tropical and non-tropical imagery.*

УДК 81`42

В.С. Земцова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ВОСПОМИНАНИЕ»: КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Статья посвящена изучению речевого жанра «воспоминание» на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Составлена анкета исследуемого речевого жанра (по модели Т.В. Шмелёвой), сделаны выводы о реализации «воспоминания» как коммуникативной стратегии и тактики.

***Ключевые слова:** генристика, речевой жанр, воспоминание, адресат, стратегия, тактика.*

Одним из популярнейших направлений в области лингвистического анализа текста в настоящее время является генристика, то есть учение о речевых жанрах. Исследование речевых жанров началось в 50-х – 60-х годах прошлого века в связи с выходом в свет работы М.М. Бахтина «Проблема изучения речевых жанров». Исследователь утверждал, что любая сфера человеческой деятельности неразрывно связана с речью, использованием языка. Речь человека представлена конкретными высказываниями, которые отражают цели и задачи говорящего или пишущего. Они выражены теми или иными стилистическими компонентами, которые закреплены в определённом композиционном порядке. Всё это определяется спецификой области деятельности. «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [1, с. 250].

По мнению М.М. Бахтина, каждая область человеческой деятельности располагает сложным и разнородным жанровым репертуаром. Учёный выделяет первичные и вторичные (простые и сложные) речевые жанры. Деление это основывается на двух типах речи – устной и письменной (устной речи соответствуют простые РЖ, письменной соответственно – сложные).

Польский учёный Ст. Гайда в работе «Жанры разговорных высказываний» определял жанр как «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста» [3, с. 108], а также «совокупность текстов, в которых определенным образом является актуализированным, реализованным» [3, с. 108]. Исследователь в свою очередь делит речевые жанры на примарные (реализующиеся в процессе коммуникации) и секундарные (проявляющиеся в более развитой коммуникации, чаще письменной).

Исследователи отмечают, что речевые жанры исторически сложились в общественном языковом сознании. То есть, когда мы общаемся, мы не придумываем что-то новое, а воспроизводим из нашей языковой памяти опыт предшествующего общения, как говорил М.М. Бахтин: «...мы отливаем нашу речь по определённым жанровым формам» [2, с. 271]. РЖ оказываются своего рода образцом коммуникативного высказывания, имеющим свою собственную уникальную модель реализации.

Исследовательница Т.В. Шмелёва в работе «Модель речевого жанра» предложила универсальную формулу строения РЖ с целью создания «энциклопедии» речевых жанров. Исследователь утверждает, что РЖ – довольно ясное понятие, так как каждый человек, во-первых, так или иначе знаком с жанрами художественной речи, а, во-вторых, происходит то, что исследователь обозначает как «интуитивная жанровая рефлексия», то есть это – присутствие в сознании говорящего или пишущего некоего «образа жанра», жанрового канона, признаков, присущих ему [6, с. 89].

На сегодняшний день существует большое количество работ посвящённых изучению речевых жанров. Однако ещё есть много аспектов, не затронутых в этих исследованиях. Поэтому мы считаем актуальным продолжить работу над собиранием материалов для так называемой «энциклопедии». **Объектом** нашего исследования является речевой жанр «воспоминание»; **предметом** – «воспоминание» в тексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Цель данной статьи заключается в определении роли «воспоминания» в булгаковском художественном дискурсе. Для выполнения этой цели мы поставили перед собой следующие **задачи**:

1) Вычленив из повествовательной ткани эпизоды, несущие в себе мотив воспоминания.

2) Охарактеризовать речевой жанр по модели, предложенной Т.В. Шмелёвой.

3) Сделать выводы по поводу того, как реализуется указанный речевой жанр в тексте с точки зрения коммуникативных стратегий и тактик.

Как отмечает О.П. Кормазина, исследованием речевого жанра «воспоминание» занимались учёные Томской лингвистической школы в контексте изучения живой диалектной речи.

Воспоминание – это речевой жанр, представляющий собой «рассказ, который удаётся в случае духовного и эмоционального сближения коммуникантов и нуждается в условии неспешного времяпровождения» [4, с. 101]. А. Вежбицка определяет его следующими моделями: «говорю то, что помню; говорю это, потому что хочу представить заново некоторые вещи, которые случались в моей жизни» [2, с. 106]. То есть это речевой жанр, аппелирующий к памяти говорящего, с целью актуализировать определенные моменты его жизненного опыта. Отметим, что «воспоминание» относится к тем речевым жанрам, которые М.М. Бахтин и Ст. Гайда называют соответственно первичными и примарными.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» нами было выделено 2 глобальных рассказа-воспоминания: роман мастера о Понтии Пилате и рассказ мастера своей истории Ивану Бездомному.

Начнём с романа мастера, который является причиной бедствий своего создателя. Как известно, все ершалаимские сцены булгаковского произведения являются в совокупности романом мастера о Понтии Пилате. Мы же утверждаем, что это ещё и рассказ-воспоминание и составим анкету речевого жанра по модели Т.В. Шмелёвой.

Начнём составление анкеты речевого жанра с описания «воспоминателя». Вспомним, что ершалаимские сцены расположены не последовательно; это глава 2 «Понтий Пилат», глава 16 «Казнь», 25 - «Как прокуратор пытался спасти Иуду из Кириафа», 26 - «Погребение». Как правило в каждой предыдущей главе есть упоминания о романе мастера или о событиях, произошедших там. Например, в конце первой главы, Воланд в доказательство существования Иисуса начинает рассказывать о событиях, произошедших на балконе у Понтия Пилата:

«– Имейте в виду, что Иисус существовал.

– Видите ли, профессор, – принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, – мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

– А не надо никаких точек зрения! – ответил иностранный профессор, – просто он существовал и больше ничего.

– Но требуется же какое-нибудь доказательство... – начал Берлиоз.

– И доказательств никаких не требуется, – ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: – Все просто: в белом плаще...»

Так же начинается и вторая глава, собственно рассказ:

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

Мысль о том, что это воспоминание, поддерживает цитата из третьей главы произведения:

«— Дело в том... — тут профессор пугливо оглянулся и заговорил шепотом, — что я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас — никому ни слова и полнейший секрет!.. Тсс!».

В 15 главе Ивану Бездомному снится продолжение истории:

*«Он заснул, и последнее, что он слышал наяву, было предрассветное щебетание птиц в лесу. Но они вскоре умолкли, и ему стало сниться, что **солнце уже снижалось над Лысой Горой, и была эта гора оцеплена двойным оцеплением...**».*

Выделенными словами начинается и следующая глава.

В главе «Извлечение мастера» Маргарита читает восстановленный роман:

Ничто не исчезало, всесильный Воланд был действительно всесилен, и сколько угодно, хотя бы до самого рассвета, могла Маргарита шелестеть листьями тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова:

*— **Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... Да, тьма...**».*

Такое же начало мы встречаем в продолжении романа.

Отметим, что расположение ершалаимских сцен вполне логично.

Обратимся непосредственно к категории «воспоминателя». Понятно, что в первой сцене это Воланд. Возникает вопрос: если роман о Пилате воспоминание, кто же рассказчик в последующих главах? Иван Бездомный не может быть «воспоминателем» так как не происходит коммуникативной ситуации, сюжет ему просто снится; Маргарита так же не может выполнять данную роль по той же причине. Автор не может рассказывать это как воспоминание, так как он — создатель, он знает произведение от начала до конца. Как известно, произведение мастера не дописано, оно обрывается на моменте признания Пилатом Левию Матвею об убийстве Иуды из Кириафа. Роман «дописывается» в сцене прощения Понтия Пилата:

«— Ну что же, теперь ваш роман вы можете кончить одною фразой!

Мастер как будто бы этого ждал уже, пока стоял неподвижно и смотрел на сидящего прокуратора. Он сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безлесым горам:

— Свободен! Свободен! Он ждет тебя!».

На основании этого делаем вывод, что «воспоминатель» в булгаковском тексте — это некий субъект, эксплицитно не представленный современник наших «московских» героев (об этом свидетельствует уже отмеченная неоконченность произведения), который знаком с текстом романа и который продолжает начатый Воландом рассказ.

Введение рассказчика с его воспоминанием вызвано необходимостью объяснить читателям суть романа, о котором идёт речь в первый раз в разговоре между мастером и Иваном Бездомным. Следует также отметить, что начало произведения о Пилате точно совпадает с рассказом Воланда:

«Иван ничего и не пропускал, ему самому было так легче рассказывать, и постепенно добрался до того момента, как Понтий Пилат в белой мантии с кровавым подбоем вышел на балкон.

Тогда гость молитвенно сложил руки и прошептал:

— О, как я угадал! О, как я все угадал!».

В дальнейшем, когда в тексте упоминается роман, мы уже понимаем, о чем идёт речь.

Также воспоминание даёт читателям некую апперцепционную базу, подготавливающую к финалу «Мастера и Маргариты» в целом и к окончанию романа мастера.

Всё вышеизложенное является коммуникативной целью речевого жанра «воспоминание».

Рассказ-воспоминание имеет два уровня адресатов. Первый уровень – так называемые «сюжетные» адресаты, то есть герои произведения, воспринимающие информацию. Например, первый рассказ о Понтии Пилате слушают Берлиоз и Иван Бездомный; сон снится Ивану, значит он является адресатом; и, наконец, Маргарита, перечитывающая роман – тоже является участником «коммуникации». Второй уровень – внетекстовые адресаты, это непосредственно читатели, для которых собственно и введены рассказчик с воспоминанием.

«Воспоминание» – это реактивный речевой жанр, то есть такой, который возникает как реакция на какое-либо событие, в нашем случае на необходимость объяснения читателям сути романа. Это пункт «образ прошлого» в нашей анкете.

Образ будущего выполняет те задачи, которые поставил автор перед «воспоминателем». То есть восприняв рассказ-воспоминание мы понимаем многие моменты в произведении.

Пункт «диктумное содержание» предполагает реализацию речевого жанра в разных событийных ситуациях. Например, роман мастера представляет собой рассказ о событии, в котором имеют место описание пейзажа, погоды, внешности персонажей. Это подтверждает то, что воспоминание не элементарная единица, а комплексная.

Ничто из формальных средств не указывает на то, что роман мастера – это именно воспоминание. Это выражено семантически.

Таким образом, мы, составив анкету речевого жанра, доказали, что роман мастера о Понтии Пилате – воспоминание.

Ещё один эпизод, включающий в себя воспоминание в булгаковском тексте – это рассказ мастера о своей жизни Ивану Бездомному. Это второе по масштабу воспоминание после романа о Пилате.

Пользуясь характеристикой О.П. Кормазиной, отнесём данный рассказ к собственным воспоминаниям, объектом которых является сам рассказчик. Повествование это «не является подробным и последовательным описанием всей жизни рассказчика, это лишь воспоминания об отдельных её моментах» [5, с. 174]. Перед нами рассказ о жизни мастера с момента выигрыша им ста тысяч и до попадания в психиатрическую лечебницу.

Данное воспоминание не монологично. Реплики мастера чередуются с вопросами, уточнениями Бездомного:

«Необыкновенно пахнет сирень! И голова моя становилась легкой от утомления, и Пилат летел к концу...»

– Белая мантия, красный подбой! Понимаю! – восклицал Иван.

– Именно так! Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: «...Пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат»».

Мастер передавал также диалоги, которые происходили между ним, Маргаритой и другими персонажами:

«И, вообразите, внезапно заговорила она:

– Нравятся ли вам мои цветы?

Я отчетливо помню, как прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что эхо ударило в переулке и отразилось от желтой грязной стены. Я быстро перешел на ее сторону и, подходя к ней, ответил:

– Нет».

Эти факты свидетельствуют о живой речи коммуникантов, что отличает это воспоминание от первого, где хоть и имели место внутритекстовые диалоги, однако оно само было передано в монологичной форме.

Приступим собственно к составлению анкеты речевого жанра.

Воспоминание здесь использовано с целью рассказать собеседнику о своей жизни, поделиться тем, что тревожит:

« – Видите ли, какая странная история, я сижу здесь из-за того же, что и вы, именно из-за Понтия Пилата, – тут гость пугливо оглянулся и сказал. – Дело в том, что год тому назад я написал о Пилате роман.

– Вы – писатель? – с интересом спросил поэт. Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

– Я – мастер, – он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль и в фас, чтобы доказать, что он – мастер. – Она своими руками сшила ее мне, – таинственно добавил он». Далее разворачивается рассказ.

«Воспоминатель» в этом эпизоде никто иной как мастер. Адресат – Иван Бездомный.

Как уже было отмечено, мы имеем дело с реактивным речевым жанром. В этом случае воспоминание возникает как реакция на просьбу адресата рассказать о романе:

«– Так вы хоть про роман-то скажите, – деликатно попросил Иван».

Интерес адресата воплощается в его вопросах, просьбах продолжить рассказ:

«– Дальше, – сказал Иван, – и не пропускайте, пожалуйста, ничего».

«– А кто она такая? – спросил Иван, в высшей степени заинтересованный любовной историей».

Окончив рассказ, облегчив свою душу, мастер прощается с собеседником:

«Ночь валится за полночь. Мне пора.

– Скажите мне, а что было дальше с Иешуа и Пилатом, – попросил Иван, – умоляю, я хочу знать.

– Ах нет, нет, – болезненно дернувшись, ответил гость, – я вспомнить не могу без дрожи мой роман. А ваш знакомый с Патриарших сделал бы это лучше меня. Спасибо за беседу. До свидания».

Как и первом случае, данное воспоминание представлено рассказом о определенных событиях в жизни мастера, которое включает в себя и описание погоды, и описание действий, и портрет человека, и душевное состояние самого рассказчика:

«Это было в сумерки, в половине октября».

«Она приходила, и первым долгом надевала фартук, и в узкой передней, где находилась та самая раковина, которой гордился почему-то бедный больной, на деревянном столе зажигала керосинку, и готовила завтрак, и накрывала его в первой комнате на овальном столе. Когда шли майские грозы и мимо подслеповатых окон шумно катилась в подворотню вода, угрожая залить последний приют, влюбленные растапливали печку и пекли в ней картофель».

«Так, например, я стал бояться темноты. Словом, наступила стадия психического заболевания. Стоило мне перед сном потушить лампу в маленькой комнате, как мне казалось, что через оконце, хотя оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами. И спать мне пришлось с огнем».

Воспоминание здесь реализуется с помощью словоформ, использованных в прошедшем времени, являющихся маркерами, указывающими на воспоминание.

Например, словоформа «помню», встречающаяся во всем тексте романа 16 раз (на материалах, предоставленных Национальным корпусом русского языка), в этом воспоминании употреблена 11 раз как в утвердительной форме, так и в отрицательной:

«Я отчётливо помню, как прозвучал её голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что эхо ударило в переулке и отразилось от жёлтой грязной стены».

«Это была какая-то глава из середины романа, не помню какая».

Маркер «вспоминаю» используется 2 раза: *«Понравился он мне до того, вообразите, что я его до сих пор иногда вспоминаю и скучаю о нём».*

Также следует отметить наличие во всем тексте, не только в этих эпизодах, слов, относящихся к воспоминанию. Национальный корпус русского языка предоставляет нам следующие результаты.

Как было указано, словоформы «помню» и «вспоминаю» употреблены в тексте романа соответственно 16 и 2 раза. Отмечается 4 вхождения слова «помнится»: *«Помнится даже, что, кажется, никакой тётки-домовладелицы у Грибоедова не было...».* Словоформа «помнит» встречается также 4 раза: *«Маргарита не помнит, кто сшил ей из лепестков бледной розы туфли, и как эти туфли сами собой застегнулись золотыми пряжками».* «Помнят» - 1 раз: *«Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова!».*

В тексте романа 14 раз встречается словоформа «память», 1 раз в конструкции «если не изменяет память»: *«Если память не изменяет мне, из лиц, близких вам по профессии, я знал только с одной маркизанткой, но и то давно, когда вас ещё не было на свете».* Данная словоформа несёт в себе мотив воспоминания; 7 раз встречается конструкция «на память», которая используется в значении «для того, чтобы помнили»: *«— Так возьмите же это от меня на память, — сказал Воланд и вынул из-под подушки небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами».* Интересна конструкция «дорога как память», которая обозначает предмет, который связан с чем-то дорогим для говорящего: *«— Я вам глубочайше признателен, мадам. Мне эта подковочка дорога как память. И позвольте вам за то, что вы её сохранили, вручить двести рублей».*

Предложения с обозначенными словоформами являются хоть не такими глобальными, как роман о Пилате и рассказ мастера, но всё же воспоминаниями.

Вставка воспоминаний, охарактеризованных в статье являются некой стратегией, которую использует автор для достижения определённых целей. Например, как мы отметили ранее, чтобы объяснить читателям суть романа, который неоднократно упоминается в тексте «Мастера и Маргариты», М.А. Булгаков вставляет ершалаимские главы и категорию рассказчика, который передаёт сюжет этих глав. Это также делается для того, чтобы дать читателям пресуппозицию перед завершением романа. Как показывает практика, эта тактика достаточно успешна, так как прочитав эти эпизоды, мы действительно понимаем суть романа мастера, принёсшего ему неудачи.

Введение в текст второго рассказа-воспоминания осуществлено с целью познакомить нас с мастером, с историей любви его и Маргариты, дать некий идейный центр произведения. Как видим, эта тактика также достаточно успешна, так как с помощью этого воспоминания мы знакомимся с одним из центральных конфликтов романа, понимаем поэтику названия его.

Итак, мы выполнили все поставленные задачи, определили, что «воспоминание» - это речевой жанр, апеллирующий к памяти говорящего с целью актуализировать те или иные моменты; составили анкету речевого жанра «воспоминание», отметили, что

выделенные в тексте воспоминания являются в романе определенными тактиками, которые использует автор для достижения определённых целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М. – М.: Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 250 – 297.
2. Вежбицка А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – С. 99 – 112.
3. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний / Ст. Гайда // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – С. 107 – 116.
4. Демешкина Т.А. Речевой жанр «Воспоминание» и его воплощение в диалектной речи / Т.А. Демешкина // Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000. – С. 101 – 108.
5. Кормазина О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи: к проблеме типологии / О.П. Кормазина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – Т.1, №2. Филология. – С. 172 – 180.
6. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – С. 88 – 99.

V.S. Zemtsova

«MEMORY» AS A SPEECH STRATEGY AND TACTICS IN THE NOVEL OF M. A. BULGAKOV «THE MASTER AND MARGARITA»

The article is devoted to the study of the speech genre "Memory" by the material of the novel «Master and Margarita» by M. A. Bulgakov. The author defined the area of research, compiled a questionnaire of the speech genre (on the model of T. V. Shmeleva), made conclusions about the implementation of "memories" as a communicative strategy and tactics.

Key words: *genristics, speech genre, memory, narrator, receiver, strategy, tactic.*

УДК 81'42

И.А. Горшкова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЖАНРА МОЛИТВЫ В РАССКАЗЕ А.И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»

В статье рассматривается понятие речевого жанра, в частности – жанра молитвы, особенности его реализации в художественном тексте. Актуальность исследования обусловлена открытостью вопроса о речевых жанрах в современной лингвистике. В ходе исследования были рассмотрены научные труды исследователей разных лет, рассмотрены особенности речевого жанра молитвы, его реализация в произведении А.И. Куприна «Гранатовый браслет», а также языковые средства, с помощью которых создана эта речевая ситуация.

Ключевые слова: *речевой жанр, речевой жанр молитвы, коммуникативное поведение, общение.*

В современной лингвистике вопрос речевого жанра до сих пор является открытым и актуальным, поскольку исследователи имеют несколько точек зрения относительно определения этого языкового явления. Сущность и способы реализации речевых жанров требуют детального рассмотрения при изучении особенностей развития русского языка и его применения в создании художественных текстов. Каждый вид речевого жанра имеет свои отличительные особенности, которые воздействуют на коммуникативное поведение адресата и адресанта. В частности, речевой жанр молитвы требует детального рассмотрения, поскольку может по-разному проявлять себя в устной или письменной речи. Художественные тексты в этом плане представляют особый интерес, поскольку позволяют рассмотреть языковое явление с двух аспектов: лингвистического и литературного. В данном исследовании мы проследим, с помощью каких языковых средств реализован жанр молитвы в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет», определим, как эти средства влияют на жанр, чем обусловлен подбор этих средств.

Вопрос речевого жанра впервые затронул М.М. Бахтин. В работе «Проблема речевых жанров» он говорит о том, что «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [2]. Таким образом, речевой жанр предполагает под собой некоторую модель речевого высказывания, которая может видоизменяться в зависимости от говорящего, ситуации речи и особенностей каждого конкретного высказывания. Бахтин также подчёркивает, что речевые жанры разнородны. Исследователь выделяет «первичные / простые» [2] и «вторичные / сложные» [2] речевые жанры. Первичные складываются на основе бытового общения, тогда как вторичные представляют собой более сложные коммуникативные структуры.

Бахтин говорит о том, что «общая проблема речевых жанров по-настоящему никогда не ставилась» [2]. Таким образом, все высказывания изначально не рассматривались как речевые жанры, чем они и являются на базовом уровне. Их изучали как литературные, риторические, наконец, разговорные жанры, но не как речевые. В этом, по мнению исследователя, и состоит главная проблема изучения речевых жанров. Также Бахтин говорит о том, что изучение речевых жанров должно находиться в неразрывной связи со стилистикой: «Всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами» [2]. При этом, исследователь говорит, что именно на материале художественного стиля наиболее благоприятно рассматривать специфику речевых жанров, поскольку в текстах такого типа проявляется индивидуальность автора (говорящего), которая отражается на языковой конструкции и проявляет её отличительные черты: «индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его» [2]. Это объясняет тот факт, что для исследования речевого жанра молитвы мы выбрали именно языковой материал из художественного текста.

Что касается классификации речевых жанров, «в архивных записях М.М. Бахтин различал «диалогические» и «монологические», или «специализированные» и «конструктивные» речевые жанры» [3].

Исследователь Дементьев рассматривает речевой жанр как переходное явление между языком и речью: «РЖ и язык не тождественны, но имеют общую коммуникативную природу и сопоставимы как разные типы организации коммуникации» [5]. По мнению Дементьева, «понимание РЖ и языка как разных типов

коммуникативных аттракторов, различающихся степенью своей жесткости, наиболее соответствует духу концепции М.М. Бахтина» [5]. Таким образом, речевые жанры и язык исследователь рассматривает как две последовательные части единого процесса коммуникации. Стоит также отметить, что на современном этапе речевые жанры стали не просто вербальной или невербальной формой выражения, но и имеют непосредственное отношение «не только к общему “языковому существованию” личности, но и к национальной и общечеловеческой культуре в целом» [5].

Многие же исследователи, в том числе Т.В. Анисимова, не дифференцируют понятия речевого жанра и речи, рассматривая их как единую неделимую структуру: «Несмотря на отсутствие строгого определения понятия жанр, нужно согласиться с тем, что это явление речи, в противном случае потеряется сам предмет обсуждения» [1].

Исследователь Сиротинина подчёркивает происхождение речевых жанров из бытовой устной коммуникации, поскольку говорит, что «речевой жанр сложился не в лингвистических теориях, а в реальном восприятии бытового общения» [10]. Также Сиротинина указывает на разницу восприятия одного и того же речевого жанра адресатом и адресантом в условиях разных коммуникативных ситуаций: «В отличие от речевого акта речевой жанр может быть выражен рядом предположений, т. е. рядом речевых актов» [10]. Исследователь обнаружила связь между речевым и риторическим жанром, которые в ряде случаев могут быть тождественны или взаимозаменяемы: «один и тот же жанр может быть чисто речевым при отсутствии специально спланированного, сознательно использованного построения речи и употребления в ней определенных языковых средств и риторическим – в случае сознательного планирования и употребления тех или иных средств» [10].

Эта точка зрения особенно важна для изучения речевого жанра молитвы, поскольку он также обладает определёнными структурными шаблонами, апеллирует клише, однако может быть реализован в разных коммуникативных ситуациях по-разному в зависимости от специфики речевой ситуации. Об этом мы поговорим подробнее в практической части исследования при анализе речевого жанра молитвы в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет».

Относительно классификации речевых жанров в лингвистике существует несколько точек зрения, которые удалось обобщить исследователю А.Р. Габидуллиной: «В функциональной стилистике ее основу составляют следующие признаки:

1) внутритекстовые признаки: закономерности построения текстовых структур, отмеченных с точки зрения того или иного типа;

2) смешанный критерий: совокупность экстра- и интратекстуальных дифференциальных признаков текста: устный/письменный, подготовленный / спонтанный, монологический/диалогический и пр. (Б. Зандиг);

3) экстратекстуальные признаки: факторы реальной коммуникации, когда текстовый тип мыслится как динамическая единица, включенная в типизированный речевой контекст (Т.В. Радзиевская, Н.Д. Бурвикова, М.П. Брандес, Л.А. Киселева, Э.Г. Ризель, М.А. Гвенцадзе, И.Г. Торсуева, Л.А. Черняховская и др.)» [3].

Стоит также отметить полемику относительно сопоставления речевых жанров и речевых актов. Исследователи отождествляют их либо определяют их различность. Одним из существенных критериев такого сопоставления является размер данных языковых явлений. Так, исследователь М.Н. Кожина говорит о диалогичности речевого жанра как о его главном отличии от речевого акта [7].

Учитывая эту точку зрения, любопытно наблюдать за реализацией речевого жанра молитвы в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет», поскольку там диалогичность речевого жанра является относительной, о чём мы скажем далее.

Отрывок из рассказа «Гранатовый браслет», который нас интересует в контексте данного исследования – эпизод признания в любви Желткова княгине Вере Николаевне в эпистолярной форме. В этой части текста можно наблюдать слияние двух речевых жанров: признания в любви и молитвы. Поскольку в контексте данной статьи нас интересует последний, охарактеризуем жанр признания в любви обзорно.

Проблемой речевого жанра признания в любви занималась исследователь Н. Галлямова в статье «Первичный речевой жанр «Объяснение, признание в любви»: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты» [4]. В этой работе она рассматривает объяснение и признание в любви как первичный речевой жанр, а также дифференцирует их с точки зрения отношения адресанта к речевому акту: «Более внимательное рассмотрение позволяет выделить два типа его употребления: первое — «объясниться, признаться в любви тому, кого любишь» (назовем его «признание в любви 1»); второе — «рассказать о своей любви кому-то, открыть свою душу», т. е. в качестве адресата здесь выступает третье лицо («признание в любви 2»))» [4]. С этой точки зрения, в рассматриваемом нами эпизоде рассказа присутствует речевой жанр объяснения в любви, который видоизменяется под действием жанра молитвы.

Однако, вернёмся к жанру молитвы, который представляет большой лингвистический исследовательский интерес, поскольку репрезентован не типичным образом. Речевой жанр молитвы представляет отдельный интерес среди прочих равных. Это связано в первую очередь с тем, что он объединяет в себе черты литературного и лингвистического жанра.

Исследователь О.А. Перевалова утверждает, что если рассматривать молитву с точки зрения обращения к Богу, то она будет выступать в качестве «жанра религиозного дискурса» [10] при создании молитвы как литературного жанра. О.А. Перевалова акцентирует на том, что ««церковная молитва», безусловно, отличается от молитвы поэтической, литературной» [10], поскольку на это непосредственно влияют жанровые и стилистические особенности текста. Таким образом, литературная молитва воспринимается как вторичная по отношению к религиозному речевому жанру, так как в любом случае представляет собой переработку базовой формы коммуникации.

Исследователь говорит и о том, что молитва как религиозная форма обращения к Богу «имеет четко выраженную диалогическую природу» [10]. Наличие адресата определено на психологическом уровне, он присутствует как само собой разумеющееся, как непреложный факт, подкреплённый верой адресата. Из этого следует сделать вывод, что диалогичность речевого жанра молитвы выражается преимущественно невербально.

Что касается молитвы в художественной речи, она «ориентирована на сакральное слово (как на память о церковной природе жанра)» [10]. Ведущей функцией речевого жанра молитвы становится «воздействие на внутренний мир воспринимающего сознания путем вовлечения его в ситуацию духовного сопереживания и побуждения к религиозному отклику» [10]. Этому способствует форма высказывания, наталкивающая на ассоциации с сакральным подтекстом коммуникативного акта.

Использование молитвы в художественном тексте можно рассматривать как акт жанровой памяти или как эмоционально-экспрессивное средство речевой коммуникации, средство дополнительного психологического воздействия на адресата

(а в случае с рассматриваемым нами произведением происходит ещё и воздействие на читателя).

Важной особенностью молитвы как литературного жанра является то, что «лирическая позиция субъекта в них усиливается, индивидуализируется его внутреннее чувство, происходит, как правило, утрата соборности, проявляется эгоцентричность» [10]. Таким образом, личностный аспект в художественной молитве превалирует, может присутствовать необъективная оценка коммуникативной ситуации из-за отношения адресанта к адресату.

Стоит отметить и тот факт, что «структура стихотворной молитвы наполняется новыми элементами, обрамляющими ее или входящими в нее». Это может касаться и прозаической молитвы, в чём мы далее убедимся на примере рассказа «Гранатовый браслет»: типичная для каноничной молитвы лексика сосуществует с лексикой других типов, что даёт иной взгляд на речевой жанр молитвы.

В исследуемом нами тексте речевой жанр молитвы коррелирует с объяснением в любви, при чём очевидно, как воздействие молитвенного аспекта видоизменяет коммуникативную ситуацию. Молитву в нашем случае можно рассмотреть как акт прошения о любви и как акт воспевания возлюбленной, не требующий ответных действий со стороны адресата.

Обратимся непосредственно к тексту, чтобы определить закономерности реализации речевого жанра молитвы в художественном произведении и выделить языковые средства, которые этом способствуют.

В рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет» находим сцену объяснения Желткова в любви княгине Вере Николаевне в главе 11:

««Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей — для меня вся жизнь заключается только в Вас. Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уезжаю и никогда не вернусь, и ничто Вам обо мне не напомнит.

Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете. Я проверял себя — это не болезнь, не маниакальная идея — это любовь, которою богу было угодно за что-то меня вознаградить.

Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: *«Да святится имя Твое»*.(курсив наш – И. А.)

Восемь лет тому назад я увидел вас в цирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли...

Подумайте, что мне нужно было делать? Убежать в другой город? Все равно сердце было всегда около Вас, у Ваших ног, каждое мгновение дня заполнено Вами, мыслью о Вас, мечтами о Вас... сладким бредом. Я очень стыжусь и мысленно краснею за мой дурацкий браслет, — ну, что же? — ошибка. Воображаю, какое он впечатление произвел на Ваших гостей.

Через десять минут я уеду, я успею только наклеить марку и опустить письмо в почтовый ящик, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вот сейчас затопил печку и сжигаю все самое дорогое, что было у меня в жизни: ваш платок, который, я признаюсь, украл. Вы его забыли на стуле на балу в Благородном собрании. Вашу записку, — о, как я ее целовал, — ею Вы запретили мне писать Вам.

Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали в руке и потом забыли на стуле при выходе... Конечно. Я все отрезал, но все-таки думаю и даже уверен, что Вы обо мне вспомните. Если Вы обо мне вспомните, то... я знаю, что Вы очень музыкальны, я Вас видел чаще всего на бетховенских квартетах, — так вот, если Вы обо мне вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur № 2, op. 2.

Я не знаю, как мне кончить письмо. От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью. Дай бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу. Целую Ваши руки.

Г. С. Ж.»» [8].

Рассмотрим фразу «Да святится имя твоё» как устойчивую формулу молитвенного восклицания, заимствованную автором из христианской молитвы «Отче наш». Если обратиться к первоисточнику религиозного текста, становится очевидно, что форма заимствована без изменений [9]. Однако содержание, которое вкладывается в высказывание героя рассказа, отличается от первоначального, приобретает дополнительную коннотацию, поскольку обращение ведётся не к Богу, а к человеку, возлюбленной. Это наталкивает на мысль о дополнительной эмоционально-психологической нагрузке на образ адресанта и адресата. Подчёркивается глубина и возвышенность чувств Желткова с одной стороны, с другой – акцентируется внимание на роли княгини Веры в сюжете рассказа и в становлении главного героя в том числе.

Высказывание в тексте Куприна содержит установку на обращение. На это указывает наличие в прямой речи местоимения «твоеё», которое в данном контексте выполняет роль обращения. На этот содержательный аспект наталкивает форма написания местоимения с прописной буквы. Стоит отметить, что такая же графическая форма выражена в каноничной молитве, что образует связь между религиозной и рассматриваемой нами художественной интерпретацией речевого жанра молитвы. Таким образом, молитвенное обращение «Да святится имя Твоё» принципиально коммуникативно, подразумевает диалогическую форму и наличие адресата.

С другой стороны, если в контексте данной речевой ситуации адресат, то есть княгиня Вера, исходя из модели каноничной молитвы, отождествляется с Богом, то данный речевой жанр можно считать и частично монологичным. Это мы объясним тем, что, хотя наличие адресата априори подразумевается и невербально обосновано, формально ответ второго участника речевого акта не состоится. Поэтому речевой жанр молитвы можно рассматривать и как диалогический (невербально), и как монологический (вербально).

Языковой особенностью молитвенного высказывания в тексте Куприна является использование слова «да» как аналога современного «пусть». Устаревшая форма наталкивает на аналогию с каноничным молитвенным текстом, добавляет высказыванию эмоциональную окраску.

Параллельно со строчным написанием местоимений Твоё и Вам в разных падежных формах, находим следующее написание слова «Бог»: «Я не виноват, Вера Николаевна, что *богу* (курсив наш – И.А.) было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам» [8]. Это указывает на смену ролей в данной коммуникативной ситуации: если в каноничной молитве Бог – адресат высказывания, то здесь он становится третьим лицом, присутствует факультативно, как дополнительная акцентуация смены коммуникативной парадигмы.

В молитвенном высказывании использована следующая форма слова – святится. В толковом словаре Ушакова находим следующее описание данного слова: «СВЯТИТЬСЯ, свячусь (свящусь устар.), святишься, несовер. (церк.). 1. Прославляться,

чествоваться за святость» [12]. В словаре Ефремовой этот глагол объясняется следующим образом: «святиться несов. 1. устар. Свято чтиться. 2. страд. к гл. святить». В свою очередь глагол святить имеет исконно церковную, религиозную коннотацию: «несов. перех. 1. Совершать над кем-либо, чем-либо церковный обряд, символизирующий очищение от греховности, придание святости; освящать. 2. перен. устар. Свято чтить» [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что в контексте данной коммуникативной ситуации молитвенного объяснения адресат выступает и в качестве возлюбленной, и в качестве духовного идеала адресанта. Вербально адресант возносит адресата, причисляет его к лику святых, что подчёркивает особое его отношение к данному участнику общения.

Существительное, которое используется в контексте данного речевого жанра – имя. В толковом словаре Ушакова находим следующее толкование: «ИМЯ, род. и дат. имени, именем, имени, мн. имена, имён, именам, ср. 1. Отличительное название, обозначение человека, даваемое при рождении. 2. только ед. Известность, популярность (окружающая человека с большими общественными заслугами; книжн.)» [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что в нашем случае существительное «имя» подразумевает как собственное имя адресата – Вера Николаевна – в прямом значении, так обозначает его личность вообще (святой лик, если проводить параллель с молитвой в христианстве).

Исходя из приведённых толкований слов, можно сделать такие выводы: обращение «Да святится имя Твоё» может восприниматься и как «пусть ты будешь прославлена за свою святость», и как «пусть ты очистишься от грехов», «пусть прославишься ты как святая».

Особое внимание следует обратить на инверсию молитвенного обращения: «Да святится имя Твоё» вместо «Да (пусть) имя Твоё святится». Инверсию наблюдаем и в каноничном тексте христианской молитвы. Это акцентирует смежность жанров.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Речевой жанр молитвы, реализованный в художественном тексте А.И. Куприна, во многом подобен каноничной молитве как религиозному жанру, однако имеет некоторые отличия. Важной чертой художественной интерпретации в анализируемом отрывке является вербальная монологичность и невербальная диалогичность общения. Адресат высказывания отождествляется с Богом, если проводить параллель с каноничной молитвой. Об этом говорит употреблённая лексика и синтаксическое оформление высказывания. Через прописное написание местоимения, отождествляющего обращение, выражено отношение адресанта, подчёркнута эмоционально-экспрессивная оценка коммуникативной ситуации. Использование речевого жанра молитвы в контексте признания в любви, оформленного в эпистолярном жанре, обусловлено принесением патетичности и возвышенности высказыванию адресанта и речевой ситуации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т.В. К вопросу о типологии жанров речи // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. – Волгоград, 1998. – С. 4 – 7.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206.

3. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие / Дисс. д-ра филол. наук. 10.02.01 – русский язык. – Донецк, 2009. – 489 с.
4. Галлямова Н. Ш. Первичный речевой жанр «Объяснение, признание в любви»: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты. / Мир русского слова. №4 – М.: 2010. – С. 29-35
5. Дементьев В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып.3. – 318 с. – С. 18-40
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
7. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты и проблемы) // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999. С. 54-60.
8. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 4.
9. Молитва Господня. Отче наш. – [Электронный ресурс]. <https://www.molitvoslov.com/node/37> – Загл. с экрана.
10. Перевалова О. А. Теория жанра молитвы в современном литературоведении / О. А. Перевалова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 2. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 300-308.
11. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов, 1999. – С. 27, 28.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. – 4 т.

I.A. Gorshkova

LANGUAGE MEANS OF REALIZATION OF THE GENRE OF PRAYER IN THE STORY "GARNET BRACELET" BY A.I. KUPRIN

The article discusses the concept of speech genre, in particular - the genre of prayer, especially its implementation in the artistic text. The relevance of the study is due to the openness of the question of speech genres in modern linguistics. In the course of the study, scientific works of researchers of different years were reviewed, the features of the speech genre of prayer were considered, its implementation in the story "Garnet Bracelet" by A.I. Kuprin, as well as the language means by which this speech situation is created.

Key words: *speech genre, speech prayer genre, communicative behavior, communication.*

СОДЕРЖАНИЕ

Словообразование и грамматика

Бондарчук Т.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Глагольная региональная лексика в романе Б.Л.Горбатова «Донбасс»	4
Брацун Д.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Дешифровальный стимул как реализация ономаσιологического признака сложносокращенного слова: на примере ономаσιологического класса аббревиатурных наименований линейных объектов	7
Филипсонова Н. В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Аббревиатурная синонимия в русском языке	15
Пономарёва Т.А. (ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Словообразовательный потенциал современной русской поэзии	21
Шмелева Т.В. (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого) Неопознанный синтаксический объект	25
Соснина Л.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет») Фразеологизмы как производящая основа для образования прилагательных-композигов	33
Тахмазова С.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Формальные модели аббревиатур-прилагательных	40
Емельянова К.Ю. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Окказиональность в аббревиации: опыт комплексного описания	46
Белых А.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Аббревиатурные наименования лица: синхронный и диахронный аспекты описания	53
Николышина Я.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Ономаσιологический класс аббревиатурных наименований	58

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Свешникова Н.В. (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского») Художественные тексты как источник прецедентности современных российских СМИ	64
Марченко А.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Специфика региональной образности в поэзии донецких авторов	69
Земцова В.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Речевой жанр «воспоминание»: коммуникативная стратегия и тактика в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	75
Горшкова И.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Языковые средства реализации жанра молитвы в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет»	82

CONTENTS Derivation and Grammar

Bondarchuk T.A. Regional verbal lexis in Donbass novel by B. I. Gorbатов	4
Bratcun D.A. Decryption stimulus as the implementation of the onomasiological sign compound abbreviations: the onomasiological class of abbreviated names of linear objects	7
Filipsonova N.V. Abbreviated synonyms in the russian language	15

Ponomarova T. Word-formation potential of modern russian poetry	21
Shmeleva T.V. Unidentified syntactic object	25
Sosnina L.V. Phraseological units as producing basis for adjectives-composites	33
Tahmazova S.V. Formal models of abbreviations-adjectives	40
Yemelyanova K.Y. Occasionality in abbreviation: the experience of the complex description	46
Belykh. A.V Abbreviation of the person's names: synchronous and diachronic aspects of the description	53
Nikolishina Ja.A. Onomasiological class of abbreviation names of cosmetic means	58

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

Sveshnikova N.V. Literary texts as the source of precedence in the modern russian media	64
Marchenko A.S. Specificity of regional imagery in the poetry of donetsk authors	69
Zemtsova V.S. «Memory» as a speech strategy and tactics in the novel of M. A. Bulgakov «The Master and Margarita»	75
Gorshkova I.A. Language means of realization of the genre of prayer in the story "Garnet bracelet" by A.I. Kuprin	82

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

В структуре публикации необходимо предусмотреть: а) формулировку проблемы в общем виде; б) показ её связи с актуальными научными и практическими задачами; в) лаконичную оценку основополагающих работ в данной области; г) определение целей и задач исследования; д) изложение основного материала с обоснованием полученных результатов. Выводы должны содержать мнение автора о перспективах дальнейшего исследования.

За точность изложенных фактов, цитат и ссылок несут ответственность авторы.

1. Для статьи необходима полная информация об авторе: фамилия, имя, отчество, курс, специальность, контактный телефон, фамилия научного руководителя с указанием должности и звания. Данная информация отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru) **отдельным файлом** по прилагаемой ниже форме в виде файла в формате rtf (название файла должно соответствовать фамилии автора, например: ivanov_zayavka.rtf):

Фамилия, имя, отчество

Для студентов и аспирантов

Место учебы

Курс

Научный руководитель

Для молодых ученых

Место работы,

Должность

Ученая степень (если есть)

Ученое звание (если есть)

Научный руководитель (если есть)

Для всех

Название доклада

Домашний адрес с указанием почтового индекса

Телефон, E-mail

2. В отдельном файле подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**.

Образец:

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

3. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не

соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «...""...""...»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
 - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:
 - е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину.

(М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд.. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

4. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) на английском языке.

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- текст аннотации на английском языке (12 кегль)
- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал*

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF
CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential*

5. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

6. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

7. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

8. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Гладкая Наталия Витальевна**, к. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета (E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).